

От
"Коллекции
Византизма"
до
Тяжело
Селска

ОТ «РОЖДЕНИЯ ВААГНА» ДО ПАРУЙРА СЕВАКА

Антологический сборник
армянской лирики в двух книгах

КНИГА ВТОРАЯ
Новая армянская поэзия. Советская поэзия

*Вступительная статья,
составление
биографические справки
и примечания
Левона МКРТЧЯНА*

«СОВЕТАКАН ГРОХ», ЕРЕВАН — 1983

ББК 84 Ар
О-80

О-80 От «Рождения Ваагна» до Паруйра Севака: Антолог. сборник арм. лирики. /Пер. с арм. Вступит. статья, сост., биограф. справки и примеч. Л. Мкртчяна. Кн. 2. Новая армянская поэзия, советская поэзия. — Ер.: Совет. грох, 1983. — 416 с.

Вторая книга антологического сборника «От “Рождения Ваагна” до Паруйра Севака» составлена из стихотворений поэтов XIX века, конца XIX — начала XX веков и поэтов Советской Армении.

О $\frac{4702080100 (777)}{705(01)83}$ 182.82

ББК 84 Ар
Ар

© Издательство «Советакан грох», перевод с армянского, вступительная статья, составление, биографические справки, примечания, оформление, 1983.

ПОЭТЫ АРМЕНИИ

(Новая поэзия. Советская поэзия)

1

В 1828 году произошло великое для исторических судеб армянского народа событие — Восточная Армения была присоединена к России. Судьбы армянского народа навсегда переплелись с судьбами народа русского, с борьбой и чаяниями русских людей. «Да будет благословен тот час, когда русские... ступили на армянскую землю», — писал великий армянский просветитель Хачатур Абовян (1809 — 1848). 1828 год стал началом новой, обнадеживающей исторической полосы в жизни армянского народа, освободившегося от векового чужеземного ига, получившего возможность национального возрождения.

Во многом именно 1828 год определил зарождение, идейное и эстетическое содержание новой армянской литературы. Её основоположником явился Хачатур Абовян. Свой роман «Раны Армении» он написал на **ашхарабаре**. И до него писали на новом армянском языке, однако «Раны Армении» — первое великое произведение, созданное на ашхарабаре. Значение романа определяется не только его языком, но и его идейной концепцией.

Уже предшественники Хачатура Абовяна (Абовян известен и как автор стихотворных басен, лирических миниатюр, восходящих к фольклору) стремились обновить образную и идейную структуру языка армянской поэзии Это и выдающиеся поэты XVIII столетия. Это и Ован Ванандеци (1772 — 1841), автор исторических романов в стихах, и Арсен Багратуни (1790 — 1866), поэт, переводчик, видный представитель армянского классицизма. Это, наконец, Арутюн Аламдарян (1795 — 1834) и Месроп Тагиадян (1803 — 1858), авторы ряда романтических стихотворений и поэм. Но как бы высоко мы ни ставили лирику Аламдаряна, Тагиадяна и, в особенности, Абовяна, — их поэтическое творчество не имело того определяющего значения для новой армянской поэзии, как роман «Раны Армении» для прозы.

Новые социальные и политические идеи, характерные для зарождающейся новой армянской поэзии, полно выразились в творчестве Микаэла Налбандяна (1829 — 1866). Поэт, публицист и критик, он обогатил армянскую общественную мысль идеями русских революционных демократов. Он был их соратником. Он дружил с Герценом, Огарёвым, Бакуниным. В совместном письме от 24 июня (6 июля) 1862 года Огарёва и Герцена Н. А. Серно-Соловьевичу читаем о Налбандяне: «...Золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости» (Огарёв); «...это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его» (Герцен).

Революционный талант Налбандяна получил своё развитие в конце 50-х и в самом начале 60-х годов, в пору его сотрудничества в известном демократическом журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). Идеал Налбандяна — служение отчизне. Он стремится пробудить в читателе патриотические, гражданские чувства. Думы о судьбе родины приводят к мыслям о необходимости революционного переустройства действительности. В стихотворении «Дни детства» он писал:

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!

(Пер. В. Звягинцевой)

Патриот и революционер — это для Налбандяна понятия взаимно обуславливаемые. Поэтому он клеймит (стихотворения «Жизнь», «Мнение глупцов об учении», «Вспомняем», «Крещение Кндук-Почата») тех «деятелей», которые потеряли своё гражданское, а значит, и национальное лицо. В стихотворениях, написанных Налбандяном — узником Петропавловской крепости (он был арестован в июле 1862 года по делу «лондонских пропагандистов» и в ноябре 1865 года сослан в г. Камышин Саратовской губернии), он обращается к прошлому, к героическим страницам армянской истории, в частности — к образам Месропа Маштоца, создателя армянской письменности (405 — 406) и Вагана Мамиконяна, предводителя восстания армянского народа (481 — 485) против персидских завоевателей. Он пишет о классовом неравенстве, классовом гнёте:

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьёт; хуже пришлого свой...

(Пер. С. Шервинского)

Налбандян мечтал о времени, когда армяне объединятся и вступят в борьбу во имя свободной и обновлённой родины. Вершина поэтического творчества Налбандяна — его стихотворение «Свобода»:

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

(Пер. В. Звягинцевой)

Это стихотворение получило в Армении широкую известность и вдохновляло не одно поколение борцов за свободу и социальную справедливость. «Из наших выдающихся литературных и политических деятелей его (Налбандяна — Л. М.) вдохновляющее воздействие испытали Раффи и Церенц, в начальный период их творчества также Смбат Шахазиз и Ов. Туманян. Его воздействие на нашу литературу не прекратилось до сих пор», — писал Аветик Исаакян.

Во второй половине XIX века в армянской поэзии работала плеяда лириков, главное в творчестве которых — свободолюбивые, общенациональные политические идеи и мотивы. Ещё в 40-х годах начал свою литературную деятельность Гевонд Алишан (1820 — 1901). Проживший всю жизнь на чужбине (родился в Константинополе, учился и работал в Венеции, в Париже), так и не увидевший Армении, он служил ей ревностно как учёный и поэт. Он оглядывался в прошлое, изучал рукописные источники, чтобы послужить настоящему, его вдохновляли герои армянской истории («Песни о родине», «Песни патриота»). Патриотические мотивы стали во второй половине XIX века общими для всей армянской литературы. Идея служения родине, идея освобождения Западной Армении от османского ига захватила всю армянскую литературу.

«О чём скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?..»
...— «Я жажду пуль, кровавых встреч,
Хочу в руках держать я меч!» —

писал Мкртич Пешикташлян (1828 — 1868) в стихотворении «Зейтунский армянин». И не было такого поэта, для которого тема подвига во имя родины не стала бы его личной, выстраданной темой. «Прежде гражданин и только потом поэт», — писал Смбат Шахазиз (1841 — 1907), следуя известному стихотворному афоризму Некрасова. Шахазиз прославился своей поэмой «Скорбь Левона». Это скорбь по Армении, по родине и вместе с тем — размышления о путях возрождения родной земли. Геворг Додохян (1830 — 1908) в стихотворении «Цицернак» («Ласточка») талантливо выразил чувства тех армян, которые жили вдали от родины и, томимые ностальгией, были охвачены патриотическими идеями.

Самой крупной и характерной фигурой армянской патриотической лирики второй половины XIX века был Рафаел Патканян (1830 — 1892). Его творчество способствовало пробуждению социального и национального самосознания армянского народа. Патканян хотел видеть в каждом из своих соотечественников гражданина, борца. Он гневно обличал мещанство, себялюбие. Он был непримирим к тем, кто жил одной лишь заботой, — деньгами. Сам поэт бедствовал. Гр. Чалхушьян, близко знавший поэта, писал в своей небольшой книжке «Армянская поэзия в лице Рафаила Патканьяна» (Ростов-на-Дону, 1886): «Хлеба, хлеба побольше вместо лавровых венков».

Патканян — автор многих сатирических произведений. Он едко высмеивал недорослей, кичащихся своей европейской «образованностью», высмеивал ловкачей, приберёгших для народа высокие фразы и считающих себя на этом основании национальными деятелями, чуть ли не героями, требовал активной, действенной любви к родине:

Ты много учился, стал учёным,
Тебя всюду прославляют,
Но если от твоей учёности
нет Армении пользы,
Плевали мы на тебя и
на твою учёность.
(Подстрочный перевод)

В 70-х годах прошлого века благодаря русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов появились надежды на освобождение Западной Армении, изнывавшей под тяжелейшим гнётом турецких поработителей, вынашивавших планы физического истребления армянского народа. Рафаел Патканян стал выразителем этих чаяний. В его стихах много горечи, боли, даже отчаяния. Но главное в его лирике — энергичные, призывные интонации, воодушевляющие на борьбу с угнетателями. Патканян был поэтом острой социально-политической темы.

Рафаел Патканян и его лирический герой знают, что свобода обретается в борьбе, что она никогда не была и не будет кем-то дарована. Её надо завоевать. «Знаешь ли, где твоё счастье, слава и свобода? На острие твоего меча», — пишет Патканян. А в колыбельной («Песня матери Агаси») мать напевает сыну не о сладостных снах, а о борьбе. Воспитывать будущих героев-освободителей! Патканян дорожил этой мыслью и не раз к ней возвращался:

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —
Ему точёный острый меч
Отец в подарок должен дать!
(Пер. Ю. Веселовского)

Патканян уповал на будущее. Как о примере для подражания он писал о Джузеппе Гарибальди. «... И сколько, сколько и ты, и мы — весь народ, — говорил он, — всегда будем

краснеть оттого, что в продолжение шести столетий ни одна армянка не сумела родить Гарибальди».

Наиболее популярное стихотворение Патканяна — это знаменитое «Слёзы Аракса». Аракс — река, символизирующая Армению. Так Волга в русских песнях — символ России и русского народа. Поэт приходит со своими думами к родной реке, приходит как к матери и слышит здесь песню национальной трагедии. Когда-то Аракс была рекой жизни. На её берегах жил народ, выращивал хлеб, тесал камни... Теперь пустыньны её берега, а воды что чёрные слёзы беды:

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят...

(Пер. Ю. Веселовского)

«Слёзы Аракса» стали общенародной национальной песней. Патканяну как автору «Слёз Аракса» посвящали стихотворения.

Он пришёл к Араксу,
Тайной думы полн, —
И душою понял
Ропот мутных волн, —

писал поэт Левон Манвелян (1864 — 1919; перевод Ив. Белоусова). В конце XIX — начале XX века Патканян был одним из самых переводимых армянских поэтов. Стихотворения Патканяна в русских переводах вошли в изданный в 1894 году в Москве сборник «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник был запрещён цензурой. Цензор В. Назаревский в своём донесении от 4 марта 1894 года предостерегал, что «боевой патриотизм, презрение к апатичным или отсталым армянам могут питать и общечеловеческие мечты», то есть могут найти отклик не только в армянской среде. Он писал, что «Патканяну приписывается роль вдохновителя молодого поколения, народного трибуна». Цензор доносил также о стихах поэтов, близких Патканяну, замечая, что «звон гарибальдийских мечей не даёт... покоя Шахазизу». Недовольство цензора вызывали гражданские идеи армянских поэтов, его беспокоило то, что было созвучно времени, эпохе, предшествующей первой русской революции, и что привлекало русских переводчиков. Среди переводчиков армянской поэзии той поры мы встречаем имена рабочих поэтов Егора Нечаева и Фёдора Шкулева, впоследствии написавшего знаменитое стихотворение «Мы кузнецы, и дух наш молод...». Шкулев перевёл стихотворение Патканяна «Протест против Европы»:

Руки наши связаны, ноги в кандалах...
Голоса Европы слышатся кругом:
«Что ж вы не восстанете с саблями в руках?
Будьте же за это вечно под ярмом!...»

Интерес к армянской поэзии в России конца XIX — начала XX века в значительной степени определялся интересом к творчеству Рафаела Патканяна и близких ему поэтов. Отсюда преобладание в переводах из армянской поэзии стихов патриотических, гражданских. Юрий Веселовский (1872 — 1919), переводчик, исследователь и пропагандист армянской литературы, писал об этом как о явлении положительном. Поэзия Рафаела Патканяна «проникнута, — заметил он в 1894 году, — редкой энергией и жизненностью, что так поучительно в наше время, когда декадентство, поэзия звуков и исключительный культ формы находят всё больше и больше последователей».

Петрос Дурян (1852 — 1872) в своих пьесах, написанных на материале армянской истории, продолжил и развил тему, ставшую к тому времени традиционной, — уроки истории и современность. Однако всенародную известность принесла ему его лирика. Больной туберкулёзом, он знал, что жизнь его угасает: «Мне искру дайте, искру, чтобы жить! Как после грёз холодный гроб влюбить?» Жажда жизни, любовь к природе, женщине, ко всему, что живёт, дышит, выразились в его стихах драматично, остро. Лирика Дуряна — это отчаянный крик о жизни. И в центре его стихов — личность, человек.

Если б розы вешней
Цвет не мог напомнить
Щёки девы нежной, —
Кто любил бы розу?
Если б с синим небом
Не могли поспорить
Голубые глазки, —
Кто б взглянул на небо...

(Пер. Ю. Веселовского)

Дурян смотрел на небо и чувствовал до боли остро трагизм своей жизни, и его мучили думы о высшей несправедливости. И бог — уже не христианский бог любви и всепрощения, а жестокий бог мести. Дурян пишет «Ропоты»:

О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,
Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!

(Пер. В. Брюсова)

Так стихотворения, казалось бы камерные, замкнутые, приобретали общественное звучание. Лирика Дуряна выстрадана, она личностна и она же масштабна.

В одном из своих писем Дурян говорил о «гениях, которые могли бы яркой кометой пронестись по небосклону человечества», но им не благоприятствовала жизнь и они погибли. Он как бы предвидел свою судьбу. Он сгорел, не дожив и до двадцати лет... Его стихи — словно языки пламени. Огненные языки, подхваченные ветром, тянутся ввысь, разгораются. И слово поэта освещает. И слово жжёт...

Новая армянская поэзия сложилась не сразу, формировалась не одно десятилетие. Многие поэты XIX века внесли свою лепту в становление новой армянской литературы, и среди них Дживани (1846 — 1909) — народный певец, продолжатель песенных традиций Нагаша Овнатана и Саят-Новы. Дживани писал о жизни и жизненных невзгодах с точки зрения народа и языком народа. Его песни вобрали в себя народное миропонимание, в них нашли отражение тяготы народной жизни. Он пел грустные песни о быстротечности и суетности жизни, о том, что беды минуют нас, они не вечны:

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут: придут — уйдут...
Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды лишь на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут — уйдут.

(Пер. В. Брюсова)

Дживани слагал свои песни, следуя этическим и эстетическим нормам народной лирики. Песенная, фольклорная эстетика всегда дидактична. Призвание народных певцов — учить, пробуждать добрые чувства.

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас, людей?
Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
Умы людские — чёрных туч бездомные пути.
Они не знают, что творят, куда, зачем идти, —

пел Дживани — ашуг и учитель (перевод П. Антокольского). И конечно же не о народе («они не знают, что творят...»), но о «хозяевах жизни» писал поэт, он **их** обличал...

Многое значила для новой армянской литературы лирика Иоаннеса Иоаннисиана (1864 — 1929). Расцвет его творчества приходится на конец XIX и начало XX века. Это было время, когда в общественной жизни не было прежнего общенационального воодушевления. Русско-турецкая война 1877 — 1878 годов не привела к освобождению Западной Армении и возрождению Армении в целом. В Западной Армении, подвластной Турции, усилился политический и национальный гнёт.

И лучшие из нас падут в пылу сраженья,
И будут длительны дни скорби и томленья!
И приневолят нас влачиться под ярмом,
Но семя брошено — мы снова оживём!

Земля впитает кровь погибших за свободу,
Посевы новые она взрастит народу.
Замолкнет ураган, свершится правый суд.
И наши сыновья победу обретут, —

писал в 1887 году Иоаннисиан в стихотворении «Мы шли одним путём сквозь сумрак непроглядный...». Обратите внимание на дату — 1887 год! А ведь в 1877 году, когда началась русско-турецкая война, армянские поэты были полны радужных, но, увы, несбывшихся надежд. Поэтому Иоаннисиан пишет о предстоящих великих испытаниях, великих потерях. Но он же словно бы предвидел и грядущее спасение родного народа. Воистину, как птица Феникс, народ возродился из пепла после первой мировой войны, погромов, пожаров и резни.

В поэзии Иоаннисиана, как и в лирике его современника Александра Цатуряна (1865 — 1917), нет боевых, призывных интонаций их непосредственных предшественников. Родина по-прежнему оставалась предметом любви и дум армянских поэтов, но громкоголосая Муза борьбы уступает место Музе страданий и народного горя.

Александр Цатурян пишет стихи, проникнутые чувством сострадания к трудовому народу, пишет о тружениках земли как о надежде родной страны. Он создаёт также стихи сатирические. Его сатира обращена своим остриём к тем из соотечественников, кому чужды интересы народа, родины. Его знаменитое «Завещание...» обличает общество, в котором нет места писателю, деятелю национальной культуры:

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба
И напишите:

«С голоду погиб...».

(Пер. Е. Полонской)

Александр Цатурян — автор и ряда любовных лирических стихотворений, оставивших в армянской лирике заметный след.

Конец века был ознаменован вступлением в армянскую литературу двух её крупнейших поэтов — Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

Ованес Туманян (1869 — 1923) всенародно известен в Армении. Его поэмы и легенды, стихотворения, сказки, четверостишия — на устах у каждого армянина. Илья Сельвинский сравнил Туманяна с Давидом Сасунским, героем армянского народного эпоса. «Когда Давид Сасунский, как говорит эпос, стал пастухом, он собрал стадо из ягнят, зайчат, лисиц и медведей. Сила его духа и обаяние власти были так велики, — писал Сельвинский, — что такое, казалось бы, несоединимое соединение представлялось ему и его стаду делом совершенно естественным. Об этих строфах эпопеи невольно вспоминаешь, читая Ованеса Туманяна. И действительно, его поэзия вмещает в себя самые разнообразные творческие жанры. И это не только разнообразие стиховых приёмов, не только богатство голосовых регистров. Нет! Это редчайший дар великой поэтической натуры — обладание сразу несколькими строями души, могущими охватить бытие в его бесконечно больших и бесконечно малых величинах...».

Сельвинский точно и образно определил самую суть творчества Туманяна — разнообразие жанров, могучую эпическую силу его стиха.

Жанровое богатство творчества Туманяна обусловлено богатством идейным. Жизнь человека в произведениях Туманяна изображена широко, философски и в то же время — конкретно, в её соотнесённости с родной землёй, родным очагом и судьбами родного народа. Туманян для Армении больше чем поэт. Он — её язык, её культура, выразитель народного мирозерцания...

Туманян — поэт по преимуществу эпический, тогда как Аветик Исаакян (1875 — 1957) — ярко выраженный лирик. Его лирика — пример народности, простоты и безыскусственности, которые доступны лишь немногим истинно великим талантам. Эту главную особенность творчества Исаакяна народ подчеркнул в слове Варпет (Мастер), с которым простые люди Армении обращались к своему поэту.

Разлад Исаакяна с дореволюционной действительностью, его мечты о жизни иной, справедливой, определили главное в его стихах: постоянное стремление к гармонии и совершенству, поиски близкой его сердцу дружественной души.

Думы о родине обусловили характер и развитие поэзии Исаакяна, её основные мотивы. Лирика Исаакяна (многие его стихотворения стали народными песнями и очень любимы в современной Армении) была воспринята как песня о судьбах Армении в течение многих столетий её упорного пути к освобождению и прогрессу. В одной из своих статей («Литературная газета», 1941, 11 мая) Исаакян писал, что «сущность армянской лирики составляют любовь к жизни, к человеку, жажда счастья, благоговейное восхищение красотой природы, тоска по родному очагу». Все эти качества присущи лирике самого Исаакяна. Как сказал Луи Арагон, в творчестве Исаакяна — «аромат розового сада многовековой армянской поэзии».

Александр Блок, переводивший в 1915 году лирику Исаакяна, заметил, что это поэт «первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет». Увлечение Блока Исаакяном склонны были объяснять «символизмом Иса-

акяна». Оказалось, однако, что Блоку 1915 года Исаакян потому и был дорог, что Блок увидел в нём поэта, далёкого от символизма, поэта, приверженного к классической, народной чистоте и ясности стиха. (Между прочим, в письме от 31 января 1926 года Исаакян подчеркнул, что его пленяли те поэты, в «творчестве которых была национальная, фольклорная стихия — Гейне, Гёте, Роберт Бёрнс. Никогда Эдгар По, никогда Малларме. Ненавижу их». В том же письме он заметил, что никогда не увлекался поэзией Шарля Бодлера). А вот Ваану Терьяну (1885 — 1920) русские и западноевропейские символисты действительно были близки. Поэтому именно Блоку стихи Терьяна поначалу предложили для перевода, но Блок отказался их переводить — для Блока 1915 года символизм был этапом пройденным.

Терьян обогатил армянскую поэзию стихами утончёнными, эстетизированными по форме, а значит, и по содержанию. Он — один из самых изящных, музыкальных поэтов новоармянской литературы. Его лирика развивалась под знаком знаменитого афоризма Верлена: «Музыки, музыки прежде всего». Терьян — из тех поэтов, значение которых особенно велико внутри своей литературы. Здесь он — новатор, своим огромным, самобытным талантом подключивший родную литературу к поэзии мировой, к тому её крылу, которое представлено именами Верлена и Бодлера, Блока и Брюсова.

900-е годы были для армянской поэзии годами плодотворными.

В эти годы заявила о себе блистательная плеяда поэтов Западной Армении. Это — Сиаманто, Ваан Текеян, Даниел Варужан, Рубен Севак, Мисак Мецаренц. Они, как и Ваан Терьян, отдали дань символизму, в большей мере — западноевропейскому. Но главное в их творчестве то, что западноармянские поэты, так же, как и восточноармянские, жили одними и теми же интересами — судьбами родной земли, языка, народа.

Придавая первостепенное значение форме стиха, его отделке, Терьян и названные выше западноармянские поэты никогда не ставили во главу угла формальные изыски как таковые. Их поэзия содержательна, она полна внутреннего драматизма и отражает трагизм армянской действительности той поры.

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире? —

писал Терьян в стихотворении о родине (перевод В. Брюсова).

В 1915 году в Западной Армении было истреблено около двух миллионов армян. Были убиты и армянские поэты — Сиаманто, Варужан, Севак... Мотивы безысходности, мотивы вселенской боли, горя в стихах армянских поэтов начала века обусловлены самой действительностью — всё шло от жизни, от национальной трагедии. «Из раны сердца наша песнь возшла!» — восклицал Рубен Севак (1885 — 1915). Его мучили своей неразрешимостью проблемы национальные и проблемы социальные, классовые. Он писал о жизни рабочих, сопоставляя жизнь бедных и богатых, обнажал контрасты, хотел, чтобы голос его звучал призывно, как колокол:

Проснитесь, добрые колокола!
Кто вырвал языки вам из гортаней?

(Пер. П. Антокольского)

Однако поэты, хотя и стремились посвятить лиру борьбе, часто отчаивались и говорили о невосполнимых потерях — таково было положение армян.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желанья грифы,
Вера канула в тёмное море, —

писал Ваан Текеян (1878 — 1945) в стихотворении «Тридцатилетие». Правда, Текеян дожил до дней, когда Армения стала советской, возродилась. И он, всю свою жизнь проживший за рубежом, в зарубежных армянских колониях, с неизменной любовью и надеждой писал о Советской Армении. Но тогда, в начале века, действительность не предвещала лучшего будущего, подавляла своим трагизмом. Сиаманто (1878 — 1915) в своей книге «Факелы агонии и надежды» (1907) говорит о песнях-плачах:

Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыхание, и, скрытая тьмою ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

(Пер. С. Шервинского)

Поэты, однако, не могут быть плакальщиками. И Сиаманто, написавший «Видение смерти» (Дамоклов меч повис над целым народом), искал для своего народа путей к будущему, к жизни, взвешивал, как говорил он о себе, судьбу родины весами Страдания и Спасения. Сиаманто написал о патриоте («он был красив, как жизнь, и добр, как брат, и грозен...»), завещавшем поэту создать песню, с которой бы люди шли на смерть во имя отчизны. С этой песней на устах, с песней, которую не дали ему допеть, пал Сиаманто от рук убийц.

Даниел Варужан (1884 — 1915), разделивший судьбу Севака и Сиаманто, начал свой путь обращением «К музе», стихотворением, в котором он выразил своё литературное, жизненное кредо: писать, как Абовян и Пешикташлян, писать об униженных и задавленных. И от этой общей декларации Варужан придёт затем к песням о хлебе, о поэзии крестьянского труда, о рабочем празднике Первое мая... Он, как и Сиаманто, обращается к истории, к прошлому, но в отличие от поэтов-предшественников (Алишан, Пешикташлян, Патканян) исключает из поля своего зрения Армению христианскую. Он недоумевает, как можно было веками поклоняться богу, распятому на кресте, и думать, что он, **распятый**, поможет армянам. Варужан обращается к языческой, дохристианской Армении. Здесь он ищет жизненные истоки народа, ищет полновесные образы, яркие краски. Обращение поэта к язычеству — это прежде всего поиски человека цельного, верного себе и природе, человека, у которого и мысли, и чувства, и страсти ещё не измельчали. Там, казалось ему, всё было крупно, сильно, и языческая масштабность и многокрасочность мира ещё не были усмирены, не были унижены религиозными догмами о смирении и покорности. О. Мандельштам в своём известном стихотворном цикле «Армения» воспел, между прочим, черты языческой, так сказать, варужановской Армении: «Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства, Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки, Виноградины с голубиное яйцо...». «Язычество» Варужана было чертой, свойственной и его натуре. Он был человеком широкой души, и душа его была переполнена жизнью, а времена были так неблагоприятны для жизни и столь трагичны для армян. «Язычество» Варужана — понятие не однозначное. «Язычество» — это и его обращение к природе, его «Песня о хлебе». Варужан не искал идиллических картин сельской жизни, не уходил от противоречий, кричащих вопросов современности, он хотел сказать о предназначении человека — жить в мире и выращивать хлеб. «Язычество» — это и форма неприятия, форма критики действительности. И не случайно «языческий поэт» Варужан с таким пониманием и сочувствием писал о жизни рабочих, об их борьбе:

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,

стяг поднимая, пойдёте, и грянут
звонко фанфары.

(Пер. О. Шестинского)

Проникновенным поэтом природы (мечтательности звёзд, таинственной непостижимости ночи, лёгкости предутренних сумерек, младенческих, ещё не окрепших красок рассвета, ветра, заснувшего в листьях травы, туч, отяжелевших зёрнами хлеба...) был Мисак Мецаренц (1886 — 1908). Ночь для поэта — время грёз и время ожиданий. В ночи — утро, в ночи — грядущий день. Полутона и некая захватывающая недоговорённость его стихов верно передают тончайшие переживания, «малые величины» чувств и настроений, в которых выражается многое — весь человек с его бесконечной, как мир, душой. Стих у Мецаренца радужный, трепетный, иногда зыбкий. Есть в его стихах и что-то от ворожбы, от колдовства. И какой-то щемящей грустью отмечена его лирика. Мецаренц умирал от туберкулёза. Но его судьба (поэт умер в 22 года) не заслонила от него всё очарование мира, а оттешила богатство и многообразие жизни. И поэт Мецаренц оставил нам не холодную песнь уныния — его лирика полна любви к миру. И не будь жизнь поэта так несправедливо короткой, кто знает, какие новые песни сложил бы он?

В 900-е годы во всём Закавказье приобрёл широкую известность пролетарский поэт Акоп Акопян (1866 — 1937). Профессиональный революционер, он вступил в РСДРП (б) в 1904 году, был подпольщиком, видным большевистским деятелем, работал вместе с известными революционерами: Степаном Шаумяном, Серго Орджоникидзе, Суреном Спандаряном, Михой Цхакая, Камо. Проникнутая революционным оптимизмом поэзия Акопяна была новым словом для армянской литературы начала XX века. Он ввёл в армянскую литературу новые образы: перевёл на армянский язык тексты песен, близких ему как поэту и большевику: «Интернационал», «Марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянка».

В полемических стихах Акопян отвергал традиционный образ поэта, певца звёздной неземной красоты: «Как ни чаруют голубые дали, есть близкий мир, мир скорби и труда». Ему была ясна историческая роль пролетариата, и его стихи о жизни и борьбе рабочих полны оптимизма, пафоса грядущих побед.

Поэзия Шушаник Кургиян (1876 — 1927), младшей современницы Акопяна, также связана своими истоками с жизнью и борьбой пролетариата. Революция 1905 года оказала сильнейшее влияние на творчество Кургиян. Она вместе с Акопяном создавала армянскую пролетарскую поэзию, писала стихи о рабочих и хозяевах, обнажала классовые противоречия и звала к борьбе.

Велико было воздействие на армянскую литературу животворных идей Октябрьской революции. Советская власть в Армении была установлена 29 ноября 1920 года, однако советская армянская литература начиналась в 1917 году.

2

Экономически отсталой, вконец разграбленной Армении предстояло в 20-х годах пройти трудный путь восстановления экономики, создания новых социальных отношений, нового строя. Силы народа — моральные и физические — были надломлены (первая мировая война, геноцид). Многого претерпел народ при дашнакских правителях в 1918 — 1920 годах. То были годы голода, болезней, террора. Советская Армения, широко поддерживаемая русским народом и другими братскими народами нашей страны, достигла выдающихся успехов — уже в первой половине 20-х годов было восстановлено разрушенное хозяйство и всюду началось новое строительство. Молодой Николай Тихонов побывал в 1924

году в Армении и тогда же написал цикл стихов, имеющий значение документа, свидетельства очевидца. «Клыки войны и пламени подрублены вокруг», — писал Тихонов в одном из стихотворений, кончающемся словами: «Перед азийской глубиью, Племян, объятых ленью, Форпостом трудолюбья Красуется Армения».

В 1919 году, когда пролетариат Закавказья ещё вёл борьбу за советскую власть, Акопян написал ныне широко известное стихотворение «В. И. Ленин»:

Перед его портретам я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

(Пер. А. Тарковского)

В 20-е годы Акопян воспеваёт первые крупные советские новостройки. Свою поэму о строительстве канала в Шираке он выразительно назвал «Ширканал-большевик» (1924). Одним из первых Акопян обратился к теме электрификации и индустриализации страны, написав поэму «Волховстрой» (1925). Эпиграфом к поэме взял он знаменитые слова Ленина: «Коммунизм = Советская власть + электрификация».

Известно, что уже первый стихотворный сборник Терьяна «Грёзы сумерек» (1908) предопределил его значение для армянской лирической поэзии, однако лирика Терьяна следующего десятилетия — важный этап творчества поэта. Он создаёт гражданские, политически значимые стихотворные циклы — «Страна Наири», «Песни свободы». В конце 1910-х годов Терьян занимается активной политической деятельностью. В 1917 году он вступает в партию большевиков, в 1918-м избирается членом ВЦИК и работает в Комиссариате по делам национальностей. В этот период он переводит труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Карл Маркс», пишет статью «Что говорит Ленин крестьянам».

Активную позицию защитника революционных преобразований в Армении и в Закавказье занимают Ованес Туманян, Иоаннес Иоаннисиан. Писатели, качавшие свой путь в конце прошлого, в начале нынешнего века и уже в 900-х годах занявшие в армянской литературе прочное место, плодотворно работали затем в советской армянской литературе. Особенной была в этом смысле роль Аветика Исаакяна. Вернувшись в середине 30-х годов на родину, он долгие годы оставался признанным авторитетом, главой армянской советской поэзии, живым её классиком. Активно выступал Исаакян как поэт и публицист в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, само присутствие Исаакяна, старейшего поэта с мировым именем, в Советской Армении, в рядах её писателей имело большое мобилизующее значение. И всё-таки (и это естественно) именно молодёжь, новые имена определяли с начала 20-х годов становление и пути развития советской армянской поэзии.

Сложной была в 20-х годах литературная жизнь республики. Трудности культурного строительства объяснялись, в частности, тем, что до революции наиболее крупные армянские писатели жили и работали, как правило, в Тбилиси, Москве, Баку и за рубежом. Предстояло создать литературную жизнь собственно в Армении, чему во многом способствовало хозяйственное, экономическое развитие республики. Советская Армения строилась, обновлялась. Появились в республике литературная периодика, литературные группы и группировки, остро встал вопрос о месте классического наследия в новой социалистической культуре. (Вспомним, что эта проблема широко дискутировалась тогда и в русской советской литературе). Высказывались крайние точки зрения. Считалось, что новая, пролетарская литература должна решительно во всём быть новой — долой классиков! Эта точка зрения нашла своё отражение в 1922 году в «Декларации трёх» (с декларацией выступили Е. Чаренц, А. Вштуни и Г. Абов). Позже, в 1928 году, Гайк Адонц, противопоставляя творче-

ство пролетарского поэта Акопа Акопяна армянской литературе за многие века её существования, писал: «Всматриваясь в творчество всей этой массы поэтов, мы положительно не видим в этом поэтическом материале никаких элементов пролетарской классовой борьбы, могущих послужить зерном для развития и роста такого истинного пролетарского крупного таланта, как Акоп Акопян...».

Нигилизм по отношению к классической культуре с годами преодолевается. Ещё в октябре 1920 года В. И. Ленин писал: «Не **выдумка** новой пролеткультуры, а **развитие** лучших образцов, традиций, результатов **существующей** культуры с **точки зрения** мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

Литературный процесс 20-х годов отразился во всей своей сложности в творчестве Егише Чаренца (1897 — 1937), крупнейшего советского армянского поэта. Чаренц, начавший писать в середине 10-х годов, увлекался поэзией символизма, стихами молодого Тьерьяна. Революция пробудила в нём поэта-трибуна, большевика. Революция, и только она одна, способна была решить вековые проблемы жизни. «Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то, просто разрешены в непримиримой борьбе!» — писал Чаренц (перевод А. Тарковского). Чаренц был захвачен ритмами революции, и именно поэтому ему казалось (он об этом писал в 1922 году), что у музыкальнейшего Тьерьяна почти нет ритма. Он слышал время — не музыку, а грохот разрушающегося мира, — и он хотел выразить свой век в громкоголосых стихах и поэмах.

В 1925 году в «Элегии, написанной в Венеции» Чаренц полемизировал с Аветиком Исаакяном, видел в нём поэта старой, ушедшей жизни. А в сентябре 1937 года он посвятил Исаакяну стихотворение (это было если не самое последнее, то одно из последних стихотворений Чаренца), в котором сказал о своей любви к Варпету (Мастеру), о том, что слышит, как простой народ поёт песни Исаакяна и это ему помогает жить... В двух этих стихотворениях речь не только об Исаакяне. В них выразилась определённая позиция Чаренца, его взгляды на жизнь и литературу. Но нельзя сказать, что в первом стихотворении Чаренц ошибался, а во втором — нет. Чаренц велик и дорог нам именно такой — неровный, сложный. К противоречиям приводила поэта его страстность, увлечённость, стремление постичь и отразить всю многогранность и всё богатство жизни.

Родина и революция как единая тема проходят через всё творчество Чаренца. Он любил писать стихи об огне, о его очищающем пламени. Он видел, как в огне революции возрождается Армения, древняя страна Наири. «Книга пути» Чаренца (1934) — это книга судеб армянского народа.

Около двух десятилетий Чаренц был в центре литературной жизни Армении, был начинщиком многих литературных споров, вокруг него всегда группировались поэты его поколения и творческая молодёжь. Он оказал огромное влияние на развитие советской армянской поэзии. Он обогатил мировую Лениниану своей знаменитой «Балладой о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог», своими поэмами «Дядя Ленин», «Ленин и Али»...

В советских национальных литературах с самого их зарождения мощно звучала тема мировой революции, тема солидарности с мировым пролетариатом. Во «Всепоэме» (1920 — 1921) Чаренц написал о грядущем рабочем братстве народов: «И я говорю: будет мир — общей радости дом!» (перевод В. Брюсова).

Пролетарский интернационализм — основополагающая черта советских литератур. Азат Вштуни (1894 — 1958) лучшие свои произведения посвятил пробуждающемуся Востоку:

В сердце твоём лава течёт, множество солнц, много огней!
Армией солнц ты окружён, солнечный сын, джан мой Восток!

(Пер. М. Светлова)

В стихах по-восточному колоритных Вштуни сказал о социальных взрывах на Востоке, о грядущем его освобождении.

«Восточными» поэмами иного характера прославился выходец из Ирана Гегам Сарьян (1902 — 1976). Он пел трагедию любви, трагедию красоты в стране гаремов и ханов. Слог его поэм и баллад песенный и высокий, отмеченный неназойливой игрой ритмов и созвучий.

Прекрасна патриотическая лирика Гегамы Сарьяна — его стихи о Советской Армении, его песни о воинах... «Сеятели не вернулись» — эта строка из стихотворения Сарьяна о погибших в войну солдатах стала в Армении крылатой. «Тихая лирика» Гегамы Сарьяна ценна задушевностью, завораживающей прелестью слова.

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжеляла грусть,
Как пепельницу — чёрных спичек груз.

(Пер. В. Тушиновой)

Природа творчества неоднозначна. По-разному выражают себя поэты и по-разному себя утверждают. Наири Зарьян (1900 — 1969) издал в 1926 году свой первый стихотворный сборник «В голубой стране каналов» и с тех пор — больше сорока лет — принимал самое активное участие в литературной жизни республики как поэт и публицист. Всецело захваченный пафосом социалистического строительства, он откликался на важнейшие события жизни. Поэма Н. Зарьяна «Рушанская скала» (1930) — это широкое эпическое полотно, посвящённое теме строительства колхозной деревни. Общественный конфликт переплетается здесь с личным — героя поэмы убивают, но его дело продолжается: на смену старому крестьянскому быту приходит новая колхозная жизнь. Позже Наири Зарьян написал на ту же тему колхозного строительства роман «Ацаван» (1937 — 1947), ставший заметным явлением армянской советской прозы.

В 30-е годы потерял былую остроту вопрос о том, нужна ли пролетариату классическая культура. И если эта тема занимала Наири Зарьяна, то он к ней подходил несколько иначе. Он думает «о месте поэта в рабочем строю» и находит, что поэты-классики несовременны. Характерно в этом смысле стихотворение Зарьяна «Фирдоуси» (1934). Зарьян отдаёт должное гению средневекового персидского лирика, но вместе с тем пишет:

Не слушай древности, не тронь
Того, что тленно и мертво.
Дай песне трепет, и огонь,
И сердце века твоего.

(Пер. П. Антокольского)

Новые эстетические принципы социалистического реализма утверждались в борьбе, в острой литературной полемике 30-х годов. Наири Зарьян дерзал, горячо спорил, полемизировал со своими современниками, но и высказывал порой мысли спорные, писал стихи риторические, не выдержавшие испытания временем. Спустя три десятилетия Наири Зарьян скажет о себе:

Жалеть ли о том, что написать не успел,
Или о том, что написано мною?

(Пер. М. Петровых)

Об уже написанном жалеть, как говорят, не приходится. Да и многим из написанного поэт вправе был гордиться. Это и военная лирика, и героическая поэма «Голос Родины»

(1943), и патриотическая трагедия «Ара Прекрасный» (1944 — 1946), написанная на основе исторического предания об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамиде) и свидетельствующая о недюжинной силе таланта Зарьяна. Это, наконец, его послевоенная лирика, в которой так ярко сказалась публицистичность Зарьяна...

В последние годы жизни Наири Зарьян и под влиянием критики (критика была к нему особенно пристрастна, порой резка), и под влиянием собственных философских размышлений, подытоживающих сделанное, написал цикл стихотворений, прекрасных своим драматизмом, остротой переживаний.

Исповедальность, присущая лишь поздним стихам Н. Зарьяна, — основная черта творчества Гургена Маари (1903 — 1969), его поэтической прозы и лирической поэзии. Он писал себя, и он выразил время. Его стихи — это его биография и биография страны. Он и в прозе был лириком. Как писатель он субъективен в положительном смысле этого слова.

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки...

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.

(Пер. В. Звягинцевой)

Эта лирическая миниатюра демонстрирует ещё одну черту поэта Маари — мажорность его лирики. Даже грусть в его стихах мажорна. Поэт радуется миру, и радость живёт в его стихах. И ещё. Слово Маари часто приправлено, как солью, щепоткой юмора, иногда иронии. И разве в цитированных выше стихах не растворена капелька юмора, придающая им ещё большую задушевность? Наконец, Гурген Маари — мастер пейзажа. Словом, как кистью, он умел писать природу.

Примечательна пейзажная лирика поэта того же поколения, что и Маари, Ваграма Алазана (1903 — 1966), хотя порой Алазан слишком традиционен, вторичен. В конце 10-х — начале 20-х годов стали печататься Веспер (1893 — 1977), Вагаршак Норенц (1903 — 1973), Сармен (р. 1901), автор Гимна Советской Армении и целого ряда стихотворений, положенных на музыку.

В 30-е годы обратили на себя внимание Сурен Вауни (р. 1910), Хачик Даштенц (1910 — 1974), Мкртич Хираниян (1899 — 1970), Согомон Таронци (1905 — 1971) — поэты, которые, кстати, многое сделали и как переводчики русской и европейской поэзии и прозы.

В 1934 году Ованес Шираз (р. 1914) издал свою первую стихотворную книгу «Предвсеннее». Книга принесла ему широкую известность. И с тех пор он — один из самых попу-

лярных поэтов Армении. Популярность Шираза среди читателей была все эти годы устойчивой, хотя творческий путь поэта был отмечен противоречиями, спадами. Шираз печатается много и... небрежно. Он как-то сказал о себе: «В золотословом моём песке найдёшь много бесценных камней». Из многих поэтических сборников Шираза лучшие и бесспорные — «Книга песен» (1942) и «Лирика» (1946), хотя, конечно, и в других его книгах есть сильные стихотворения, есть, так сказать, «золотословый песок». И время, как старатель, добудет из песка золото. Многие стихотворения Шираза уже сейчас стали классическими. И этого, очевидно, достаточно, чтобы он мог сказать о себе: «И люди, меня увидев, — по-новому видят мир».

Многое значит для Шираза фольклор. Свою известную поэму «Сиаманто и Хаджезаре», написанную на основе курдской народной легенды, Шираз начинает двустилием, верно характеризующим всё его творчество:

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

(Пер. А. Тарковского)

Известно, что о поэте надо судить по его удавшимся произведениям. И с этой точки зрения знаменательна патриотическая лирика Ованеса Шираза. Лучшие свои стихотворения о народе, родине, родном языке Шираз создал в годы Великой Отечественной войны.

Мы мирными были, как наши горы,
Вы налетели свирепы, как вихри.
Мы встали против вас, как наши горы,
Вы взвыли свирепы, как вихри.
Но мы вечны, как наши горы,
Вы исчезнете свирепы, как вихри.

(Подстрочный перевод)

В оригинале этого стихотворения Шираза, труднопереводимого из-за кажущейся абстрактности его содержания, конкретность и полновесность слова достигаются за счёт семантической и стилистической полисемии двух стержневых слов-образов — горы и вихрь. Кроме того, звукопись оригинала (**лернер, мер, вайраг, хахах, охмер...**) придаёт «Экспромту» твёрдые, набатные интонации. Это шестистишие Шираза, написанное в 1941 году, сразу же приобрело в Армении известность. Военная тема расширила, углубила и обогатила патриотическую лирику Шираза.

В годы войны выступил со стихами, поднимающими народ на борьбу, старейший армянский поэт Аветик Исаакян. Он систематически печатал и гневные публицистические статьи. «Для нас, армян, Москва — любимая и родная столица! Здесь решается вопрос о существовании и нашего многострадального народа, наше будущее», — писал Исаакян в октябре 1941 года.

В Армении, как и всюду у нас в стране, литература стала грозным оружием борьбы с врагом.

Молодые поэты, начавшие печататься во второй половине 30-х годов, творчески возмужали, выросли в годы войны. «Война нас сделала поэтами», — говорит Амо Сагян (р. 1914). Сагян — участник Великой Отечественной войны, как и Ваагн Давтян (р. 1922), Рачия Ованесян (р. 1919), Сагател Арутюнян (р. 1921), Ваагн Каренц (1924 — 1980), Богдан Джанян (р. 1917)... Погиб на фронте поэт Татул Гурян (1912 — 1942)... Во фронтовой печати работали Ашот Граши (1910 — 1973) и Гурген Борян (1915 — 1971). Поэзия воевала. В стихах, присланных в Ереван из действующей армии, Сагян писал о зелёном тополе страны Наири (Армения) как о символе родной земли:

Красуешься под ветерком, сверкаешь свежей листвою,
Дневной дороге тень даришь, глубокой ночью ждёшь зари.
В теснинах сердца моего звонкоголосый говор твой,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!..
Меча и пламени певец, хочу я лишь твоей любви,
И если в праведном бою прикажет родина: «Умри!» —
Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты живи,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

(Пер. М. Петровых)

Ашот Граши, ещё до войны снискавший известность стихами о родной земле, писал в тяжёлые военные годы стихотворения тревожные, без бывшего налёта идилличности:

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мёртвого снега.

(Пер. В. Цыбина)

Сражаются люди, сражается земля людей, поэтому там, где пали солдаты, весна ослепла, и снег там мёртвый...

Основные мотивы армянской военной лирики — те же, что и в поэзии общесоюзной. Народ жил одними и теми же чувствами, одними и теми же думами. Поэты писали о героизме, о подвиге, о военной дружбе, писали о разлуке и верности... Читая стихотворение Гургена Боряна о матери — «Ты ждёшь меня», нетрудно вспомнить стихи на ту же тему о матери, о любимой женщине и войне у других советских поэтов. И самый глагол *жди* спрягался на все лады в короткие часы привала, во фронтовых письмах, стихах... В годы войны Борян создал лучшие свои лирические стихотворения.

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

(Пер. В. Звягинцевой)

В этом четверостишии зримо и психологически точно написаны ночь и тишина, непривычная, кричащая тишина фронта. Боряну сопутствовал успех, когда он писал о пережитом. И в послевоенные годы он создал замечательные своей искренностью и прочувственностью лирические стихотворения.

В контексте времени развивалась и армянская лирика второй половины 40-х и 50-х годов. Армянские поэты, как и поэты других республик, боролись стихами за мир. Этой теме были посвящены горячие, публицистические стихотворения. В качестве примера можно назвать получившее в своё время широкую известность стихотворение Наири Зарьяна «Письмо товарищу Жанису Зуймачу»...

Армянская послевоенная поэзия (конец 40-х — начало 50-х годов) страдала некоторой риторичностью. В печати появлялись стихи «правильные» и декларативные, написанные без творческих мук. В ответ на такие «ходкие» стихотворения, в которых ничего не было от жизни, но якобы была радость, был оптимизм, Маро Маркарян писала:

Если скажу, что забот не знаю,
Мне всё равно не поверит никто.
Если скажу, что смеюсь всегда я,
Мне всё равно не поверит никто.

Часто дорога была нелегка мне,
Так же, наверно, как вам, друзья,
Ноги поранила я о камни,
Так же, наверно, как вы, друзья.

(Пер. И. Снеговой)

Откровенность Маро Маркарян — убедительнее любых аргументов. Критика была благосклонна к «благополучным» стихотворным схемам. Подлинная же лирика «прорывалась» от схем и штампов к сложной и многообразной правде жизни.

«Не делай так, а делай эдак...»
Что я отсюда извлеку?
В любви сфальшивить напоследок?
Изъять правдивую строку?
Но страсти белое каленье
Ты не упрячешь подо льдом,
И гордое стихотворенье
Пренебрежёт любым судом.
В твоём благоразумном мире
Я, бедный, вовсе не гожусь!
Ведь я не изменяю лире
И честной страсти не стыжусь!

(Пер. Д. Самойлова)

Это стихотворение (оно написано в 1947 году) — прямой ответ Геворга Эмина критикам, которые неодобрительно писали о лирике чувств, лирике любви. В 1946 году тогда ещё молодых поэтов Сильву Капутикян, Геворга Эмина, Маро Маркарян строго критиковали на съезде писателей Армении за проявление «упаднических настроений», хотя то были настроения живых людей, умеющих радоваться и грустить. Много позже, в 1958 году, Сильва Капутикян в предисловии к своим избранным стихам, как бы страхуя лирику любви, писала: «Хочу реже “предоставлять трибуну” так называемой интимной лирике. Но жизнь идёт, перемежая личные радости и огорчения. А так как я не веду дневников, очень не люблю писать писем, то вся эта внутренняя энергия чувств уходит в “личную лирику”. Ну, что ж, пусть будут ещё такие стихи, коль они пишутся!»

Капутикян чуть ли не оправдывается: вот, мол, пишу интимную лирику.

Капутикян — прекрасный публицист (и в стихах, и в своих прозаических книгах «Караваны ещё в пути», «Меридианы карты и души»). Для многих армян, проживающих волею судеб за рубежом, патриотическая лирика Капутикян олицетворяет родину — Советскую Армению. Но ведь прекрасна (и, кстати, заслуженно известна!) её интимная, любовная лирика.

Лирические признания Капутикян полны чистоты чувств. И страсть чиста. Она возвышенна... Поэзия Капутикян для многих её читателей — духовная, внутренняя опора. «Стихи Капутикян всегда помогут в трудную минуту жизни», — говорила одна её читательница.

Хорошие стихи вообще и хорошие стихи о любви воспитывают людей, делают их чище и лучше, что, понятно, имеет большой общественный, социальный смысл. Поэзия должна

быть актуальной. И если говорить о любовной лирике, разве она не актуальна, разве воспитывать чувства — задача не современная? «Раз нет любви — нет и меня самой», — признаётся Маро Маркарян. Она проверяет свои чувства жизнью — большой, настоящей, отбрасывая всё мелкое, незначительное:

Бывало, с судьбой своей не поладя,
От горя ноешь, свету не рада,
Не видишь конца бессилью.
Но вдруг скала обрушится рядом —
И горе твоё покажется пылью.

(Пер. А. Яшина)

Голос у Маркарян мягкий, невысокий, но о чём бы она ни писала — чувство масштабности жизни, времени всегда присуще её творчеству. Она умеет сочетать «камерность» с широтой охвата действительности, включая в область личных переживаний волнения и радости мира. Маркарян хочет быть полезной людям, словом, как сердцем, хочет согреть читателя. Отсюда в её лирике образ поэта, разбрасывающего стихи, как зёрна добрых чувств.

Плодотворность известного тезиса о поэтах хороших и разных легко проверяется армянской поэзией последних двух десятилетий. Активно работают в современной литературе поэты старшего поколения. Амо Сагян издал за последние десять лет лучшие свои стихотворные сборники и по праву снискал славу выдающегося поэта современной Армении. Он воспел поэзию земли, поэзию труда. Старый крестьянин Хачипап всю жизнь работал, и когда «вдруг на пахоте занемог, бросил плуг, покраснел от стыда...». Крестьянин **стыдится** своей немощи! В этом — идея всего стихотворения, его высокий нравственный смысл. Сагян любит писать природу высокогорного Зангезура, своей родины:

Свет коснулся гор.
Пробегают дрожь по горам,
Горы приподнялись.
Грянул птичий хор.
Пробегают дрожь по ветвям,
Деревья прянули ввысь.
Вскочила на камень лань.
Камни по сторонам,
Как под плетью, прянули ввысь.
И в эту раннюю рань
Из-под скал на диво глазам
Столетия прянули ввысь.

(Пер. А. Тарковского)

Так описал Сагян рассвет в горах. В этих стихах присутствует человек, присутствует история. Природа всегда одухотворена у Сагияна его лирическим «я». Поэтому определение «Сагян — поэт природы» в известной мере условно. Он — поэт жизни, поэт сегодняшней Армении и Армении тысячелетней, хотя, как правило, не пишет на темы исторические. Исторична в поэзии Сагияна современность.

В пейзажи Сагияна — ясные, чистые — можно всматриваться, как всматриваются в полотно художника:

... Утро и солнце,
В травах,
По тропе муравьиной,
На муравьиных спинах

Двигается труп пчелиный.
Раннее, раннее утро.

(Пер. А. Марченко)

Пейзаж для Сагияна никогда не был «видом какой-нибудь местности» (так определяется пейзаж в словарях). Не кусок природы, а кусок жизни — вот что такое пейзаж, написанный рукой мастера, художника или поэта.

День на исходе, день уходит,
Что делать? Краток день — мир его праху.

Не постесняться, спросить бы,
Куда день уносит столько света?

Где день хоронит столько голосов?..
И пока я думаю над ответом,

По склонам скал спускается в ущелье
Чёрная конница теней.

Чудо и тайна жизни проявились в данном случае (перевод стихотворения подстрочный) в том, как в горах день сменяется ночью — явление само по себе обыденное своей каждодневностью. На самом же деле угасающий день и наступающая ночь становятся благодаря поэту предметом нескончаемых раздумий. И сама природа становится нам ближе. Человек находит себя, частицу себя в природе.

Государственной премии СССР (1977) удостоен стихотворный сборник Геворга Эмина «Век. Земля. Любовь». Эмин — один из ведущих поэтов современной Армении. Он известен как новатор, как автор стихов нетрадиционных. Однако новаторство Эмина выражается не в формальных поисках. Стих у него крепкий, я бы сказал, традиционный. Он своеобразен и нов по характеру мышления, фактуре языка, материалу. В одной из своих статей Эмин высказал мысль, для него характерную: поэт, если он хочет быть современным, близким и понятным сегодняшнему читателю, должен превращать в поэзию то, «что раньше не было поэзией». Главное в поэзии Эмина — ответственность современного человека за сегодняшний день, за свою землю, свой дом, своих близких. Из своего «сегодня» Эмин вглядывается в глубь веков, в историю своего народа, своей Армении и обнаруживает здесь корни времени.

Историческая тематика издавна занимает Ваагна Давтяна, автора поэм, сюжеты которых взяты из трудов средневековых армянских историков.

Широкой известностью пользуется поэма Давтяна «Тондракийцы», повествующая о мощном «еретическом» движении, потрясшем в IX — XI веках самые основы власти церкви и феодалов. Давтяну удалось создать крупные, характерные образы мятежных тондракийцев. Тондракийцы, восставшие против «церковного христианства», стремились разрушить официальные формы религиозных культовых отправлений, понимая, что церковь стала в руках власть имущих орудием социального гнёта. Острота конфликта дала Давтяну возможность глубоко изобразить разные стороны средневековой Армении, показать людей, обураваемых великими страстями. Исторический герой Давтяна — широкий земной человек, ему тесно и тяжело жить в тисках социальной несправедливости и религиозной схоластики. В героях Давтяна «просматриваются» черты, близкие современному человеку, родственные ему.

Существенная часть лирики. Давтяна — стихи о нашем современнике. Эти его стихи несут в себе мотивы радостного, вакхического восприятия жизни. Стихи написаны легко (это лёгкость мастерства), без нажима, словно бы само собой сложилось стихотворение. В

каких-то добрых, светлых красках видится поэту земля и мир. «Пусть в мире приумножается доброе, хорошее, благословенное», — утверждает поэт, и это, конечно, не значит, что слово поэта лишено внутреннего драматизма, что он не видит противоречий современного мира, что он идеализирует жизнь. Возвышенна позиция поэта Давтяна, жизнерадостно его мирозерцание.

Щедростью чувств отмечены многие стихотворения Рачия Ованесяна и в особенности его лирический цикл «Чудесный садовник».

В аллегорическом стихотворении «Мефистофель» Рачия Ованесян пишет, что в обмен на душу автору обещали славу, награду, имя... Но может ли поэт жить без души? Влюблённость во всё живое, горячее, восторженное восприятие действительности настолько сильно выражены в лучших стихотворениях поэта, что именно эти качества определяют характерные особенности его лирики. Романтизм поэзии Ованесяна — от полноты жизни. Мир представляется ему садом, где «листья выглядят золотом, жемчугом — капли и цветущими лилиями — снегопад».

Некоторая драматическая усложнённость была свойственна позднему Ваагну Каренцу, оставившему, кстати сказать, остроумные, меткие пародии на многих современных поэтов, прозаиков и критиков. Интересны стихотворные сборники последних лет Абраама Бахшуни (р. 1915), Саркиса Харазяна (р. 1923), Арташеса Погосяна (р. 1922), Вардгеса Бабаяна (р. 1925), Аршалуйс Маргарян (р. 1914), Шмавона Торосяна (р. 1926), Метаксэ (р. 1928), Гарика Бандуряна (р. 1927)...

Для современной армянской поэзии многое значил (и сейчас его влияние огромно) Паруйр Севак (1924 — 1971). Говорят, что талант в литературе — гораздо более частое явление, чем характер. Севак был прежде всего характером, огромной творческой индивидуальностью. Он утвердил в поэзии 50 — 60-х годов дух творческого беспокойства, творческих поисков. Нет большого писателя, творчество которого не было бы связано с поисками новых форм воплощения действительности. Но есть писатели, которые по преимуществу ищут, прокладывают новые пути. Иногда они уходят далеко вперёд, может кому-то даже показаться, что они отрываются от собственной национальной почвы. Таким писателем-разведчиком был Паруйр Севак, поэт ищущий, острый, полемичный. Он жил в атмосфере постоянных споров, постоянно что-то опровергал, что-то доказывал, горячился. Говорили, что он не любит армянскую классику, не любит Исаакяна. «Какая глупость! — отвечал Севак. — Два Исаакяна, даже десять Исаакянов (Исаакян плюс его подражатели) — это один поэт». Севак хотел быть (и он им стал!) другим, ещё одним армянским поэтом.

Всё мне кажется,
Я ещё удивлю этот атомный век,
К древним струнам семи
Вот возьму и прибавлю восьмую.

(Пер. А. Корнеева)

Поиски этой вот своей струны и составили пафос всей жизни Севака. В одной из своих статей Севак писал: «Пословица гласит: есть вещи, которые не сделаешь, пока не научишься, и есть вещи, которые не научишься делать, пока их не сделаешь. Мне кажется, что несколько десятилетий наша поэзия была стреножена первой половиной названной поговорки: делали то, чему научились, и, наоборот, ни во что не ставили то, чему не научишься, пока не сделаешь».

Чтобы научиться, Севак призывал писать, делать, дерзать. В одном из своих двестишестидесятишестилетних писем, несомненно программном для него, Севак сказал, что он устал от филигранных холодных слов и что лучше быть знающим дело кузнецом, чем ювелиром.

Севак больше других армянских поэтов обращался к истокам национальной поэзии, национальной культуры (об этом свидетельствует его интерес к творчеству Григора Нарекаци, его поэма о Комитасе «Несмолкающая колокольня», его монографическое исследование о Саят-Нове...), и он же больше, чем другие поэты, его сверстники, ратовал за обновление национальных традиций, за широкое обращение к достижениям мировой культуры. Всем своим творчеством он восставал против замкнутости и узости. Он выступал за широкое взаимодействие культур и высмеивал тех, кто, думая сохранить своё национальное лицо, боялся культурных влияний. Такие люди, говорил Севак, могли бы обвинить в плагиате создателя армянской письменности Месропа Маштоца. «И не надо также забывать, — писал он, — что если в выражении “вариться в своем собственном соку” заключена философия, то это философия нищеты».

Севак рано скончался (погиб в автомобильной катастрофе). Он любил этот мир, эту землю глубокой крестьянской любовью. Он хотел одарить людей радостью, хотел жить: «Ноги мои не пресытились. Пусть ещё ходят по земле...».

После смерти Севака вышло в свет его шеститомное собрание сочинений, интерес к его творчеству велик, его популярность в Армении повсеместна. Искусство вечно, а значит, и жизнь не коротка...

Сразу, уже первыми своими стихами обратил на себя внимание Размик Давоян (р. 1940), поэт, автор ряда стихотворных сборников и большой лирической поэмы «Реквием». Давоян пишет о личном, о том, что стало его биографией, его жизнью. Вообще говоря, так пишут все поэты. Но этот общий признак приобретает в поэзии Давояна черты специфичности. Порой в его стихах связи между образами, между словами оказываются «упрятанными» в каких-то очень личных, субъективных переживаниях, и стих теряет ясность (связи не прослеживаются). Но и в этих стихах Давояна есть магия слова, музыки, многозначности оттенков, догадок и игры ума...

Мовсес Хоренаци поведал о древнейшем армянском обычае посвящать в платаны (сосны). «По шелесту листьев этих деревьев и колебанию их при тихом и сильном дуновении ветра научились в земле армян гаданию и гадали так в течение долгого времени». Посвящённых в платаны называли сосанверами. И чтобы до конца понять посвящённого в сосы Давояна, надо слышать его стих, уметь угадывать по тихому, таинственному шелесту стиха всю глубину мыслей и чувствований поэта.

Плодотворно работает в современной армянской литературе целая плеяда поэтов среднего поколения и поэтов молодых.

Прежде всего следует назвать Людвигу Дуряна (р. 1933). Его тихая, раздумчивая поэзия отмечена неброской прелестью и задушевностью. Ровно, без срывов вот уже много лет работает Нансен Микаэлян (р. 1931). Импровизаторским, песенным даром отмечена лирика Арамаиса Саакяна (р. 1936). Несколько замкнут, но глубок Юрий Саакян (р. 1937). Гражданственна лирика Карлена Акопяна (р. 1937). Иллюстрирует свои стихотворные сборники Аревшат Авакян (р. 1940), поэт и художник твёрдой руки и мысли. Поискам новых форм воплощения жизни посвящены стихотворные сборники Ованеса Григоряна (р. 1945). Известен своей остропроблемностью, бескомпромиссностью Давид Ованес (р. 1945). Яркими, по-настоящему талантливыми стихами обратили на себя внимание Армен Мартиросян (р. 1943) и Рачия Сарухан (р. 1947). Общественно значима и интересна личная лирика Анаид Парсамян (р. 1947). Стихами для детей известны Сурен Мурадян (р. 1930), Эдуард Милитонян (р. 1952)... Всех поэтов не перечислить. В Армении поэтов много, а пишущих стихи ещё больше. И всё-таки я бы назвал ещё несколько имён — Левон Мириджанян (р. 1933), Татул Болорчян (р. 1933), Размик Тонян (р. 1934), Ерванд Петросян (р. 1940), Генрих Эдоян (р. 1940), Вазген Аракелян (р. 1941), Артём Арутюнян (р. 1945)...

Лев Озеров как-то остроумно заметил, что один из критиков обладал способностью находить настоящих поэтов в ёмкой (безразмерной) и не всегда справедливой формуле «... и другие». Часто в «и других» оказываются поэты замечательные, но только начинающие свой путь и ещё не замеченные.

Эта статья — всего лишь краткий обзор новой и советской армянской поэзии, обзор, ограниченный местом и временем — «... до Паруйра Севака».

* * *

Давно, в 1921 году, Егише Чаренц написал стихотворное посвящение — «Армении». Оно начиналось строкой: «Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять». Эти слова были подсказаны Чаренцу трагическим прошлым страны и народа. Будущее подсказало поэту другие пророческие слова: «Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять».

И так всегда — в Армении и всюду на земле, где люди трудятся, зарабатывают свой хлеб своим трудом, пекутся о родных и близких, о родной земле, о звёздах и космических далях, теперь уже тоже родных и близких.

ЛЕВОН МКРТЧЯН

НОВАЯ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Микаэл Лазаревич Налбандян родился в семье ремесленника 2 ноября 1829 года в г. Нор-Нахичевани (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Нахичеванской школе Габриела Патканяна. В 1853 году экстерном сдал экзамен при восточном факультете Петербургского университета. В 1854 — 1858 годах был вольнослушателем медицинского факультета Московского университета. Сотрудничал в издаваемом в Москве армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). В 1859-м и в 1860 — 1862 годах жил за рубежом (Париж, Индия, Лондон, Италия). В начале 1860-х годов сблизился с А. Герценом и Н. Огарёвым. В июне 1862 года Налбандян возвращается в Нор-Нахичевань. Здесь его арестовали по делу «лондонских пропагандистов», отвезли в Петербург и заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В ноябре 1865 года тяжело больного Налбандяна сослали в г. Камышин Саратовской губернии. Умер Налбандян в ссылке 31 марта 1866 года.

Велико было значение Микаэла Налбандяна как соратника и единомышленника русских революционных демократов, писателя, публициста и философа для развития армянской культуры, общественной мысли и демократического движения.

В 1940 — 1946 годах вышло в свет на армянском языке полное собрание сочинений М. Налбандяна в четырёх томах. На русском языке: Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954; Стихотворения, М., 1967.

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыхание человека
И брэнному созданью дал
Дар кратковременного века, —
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простёр
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спелёнут, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребёнку малому в угоду, —
Наверное, тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий
И радовались все кругом
Живому лепету ребёнка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа.

Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»
«Свобода? — эхом прозвучав,

Судьба сурово спросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжёлый будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу».

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

1845 — 1847 (?)

АПОЛЛОНУ

Зачем ты дал мне, Аполлон,
Терзающую душу лиру?
Я недоволен, я смущён,
Я слышу горький ропот мира.

Её ты в наказание дал,
Иль чтоб утешить скорбь глухую,
Иль чтоб сильнее я страдал
И чувства расточал впустую?

Возьми же лиру. Может быть,
Она нужней другим поэтам.
Ужели мог ты позабыть:
Однажды я просил об этом.

Приму я с твёрдостью в душе
Всё мне суждённое судьбою:
И желчь и яд в её ковше,
Мне поднесённом злой рукою.

Но никогда у ног твоих
Не стану ползать я бесплодно,
Как те, чей разум не постиг,
Что люди на земле — свободны!

1859

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

«Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлёт родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

Бездольная! Немало лет
В оковах, как в темнице,
Но волей смелых сыновей
Она освободится.

Вот это знамя, милый брат,
Сама я вышивала.
Над ним я ночи не спала,
Слезами омывала.

На нём три цвета — посмотри, —
Цвета отчизны нашей,
Чтоб сгинуть Австрии навек,
Пусть блещет знамя краше!

Чем может женщина в боях
Помочь своим любимым?
Тебе я отдаю свой труд,
Он был неутомимым.

Скорее на коня, храбрец,
Держи высоко знамя!
На помощь родине своей
Иди вперёд с друзьями!

Смерть всё равно нам суждена,
Изменим ли природу?..
Блажен, кто пал за свой народ,
За родины свободу.

Любовь народа верный щит,
Спеши, господь с тобою.
Везде тебе я буду, брат,
Сопутствовать душою.

Борись отважно, чтоб врагу
Твоей спины не видеть,
Чтоб итальянца словом “трус”
Никто не мог обидеть».

И протянула брату стяг
Заветный итальянка:
В три цвета вышила его
Искусная смуглянка.

И поклонился брат сестре
За доблестное слово.
Взял саблю, верное ружьё
И сел на вороного.

«Спасибо, — молвил он, — прощай,
Любимая сестрица,
Верь, будет знаменем твоим
Вся армия гордиться.

А если я паду, не плачь
Над тихою могилой —
В загробный мир со мной пойдёт
Враг — не один — постылый!»

Навстречу австриякам брат
Помчался в непогоду —
Ценою крови купит он
Италии свободу.

О, как болит моя душа,
Когда я вижу ныне
Такую жаркую любовь
К родной земле в кручине.

Хоть вполровину б так любил
Народ мой униженный!
Но где же, Египте, тобой
Прославленные жёны?!

Рыдания теснят мне грудь,
Невмочь писать мне далее,
Раз итальянки таковы —
Ты не жалка, Италия!

1859

ОТВЕТ ВЕЛИКОГО ВАГАНА МАМИКОНЯНА

Мы вновь — говорим? Говорим и теперь,
Когда единенья меж братьями нет,
И каждый на каждого смотрит, как зверь,
Когда попираем мы предков завет,
Когда раздружились с народом своим?
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Но не с тысячью ль пал
Вардан наш из тысяч шестидесяти,
А персов остался лишь полк и бежал
От наших, от тысяч шестидесяти?
Мы стали небрежны, добра не храним,
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьёт; хуже пришлого свой,
Вновь идолов чествуют Двин, Арташат
И дымом задёрнулся крест храмовой?
Когда мы себе же худое творим,
Мы вновь — говорим?

.
Мы вновь говорим? А на родине власть
У гнусных ласкателей в грязных руках?
Сидит раболепник на шее у нас,
Что мы перед сильным? Ничтожество, прах!
Лижи ему ногу, склоняйся пред ним...
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А презренный пришлец,
Сынам Просветителя крылья связав,
Сам пастырей ставит для наших овец,
Как хочет его зложелательный нрав,
И мы «Многи лета пришельцу!» кричим...
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Подойдя, поклонясь,
Любому ничтожеству руку мы жмём, —
Собакам дворовым! Они же при нас
Не смеют явиться с открытым лицом,
Под масками прячутся... Мы же их чтим!
Мы вновь — говорим!

Иль совести нашей святая вода
На лбу не оставила капли стыда?
Нет! Пропадом мы не хотим пропадать!
Пора нам мечи вражьей кровью обдать!
Народ свой и веру спасём! Победим!
И — заговорим!

1862 — 1864 (?), (1868)

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

Мкртич Пешикташлян родился в семье ремесленника 18 августа 1828 года в Константинополе. Окончил в 1845 году школу конгрегации мхитаристов в Падуе. (В 1717 году Мхитар Себастиан организовал в Венеции центр по изучению армянской культуры). Вернувшись в Константинополь, занимался педагогической и общественной деятельностью. Пешикташлян — один из основоположников армянского театра в Константинополе, он — автор исторических трагедий «Аршак II», «Ваган Мамиконян» и др. В своей лирике, а также в трагедиях Пешикташлян выразил идеи национально-освободительной борьбы.

Умер Пешикташлян 29 ноября 1868 года в Константинополе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1961; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

МЫ — БРАТЬЯ

Пусть как один святой напев
Природы голоса поют;
Иль пусть — прекраснейшей из дев
Персты по струнам пробегут;
Все эти песни не звучат
Милее звуков слова: «брат»!

Мы — братья! Руку мне подай:
Лишь буря разлучала нас!
В лобзании братском исчезай
Всё зло, что создал Рок на час.
Везде, где очи звёзд блещут,
Что есть желанней слова: «брат»!

Пусть мать седая Айастан
Друг с другом видит сыновей
И боль целит глубоких ран
Слезами сладкими очей!
Везде, где звёзд огни горят,
Что есть прекрасней слова: «брат»!

Мы прежде шли путём одним...
Мечты — вновь вместе быть — зовут!
Печаль и радость соединим,
И плодотворен будет труд!
Везде, где звёзд нетленен ряд,
Что есть священной слова: «брат»!

Ах! Вместе сеять, вместе жать,
И вместе лить на нивах пот,
И жатву блага собирать, —
Твой, твой расцвет, родной народ!
Какие ж звуки прозвучат
Милей желанных звуков: «брат»!

ЗЕЙТУНСКИЙ АРМЯНИН

Навис утёс над кручей гор...
Там бледный юноша сидит.
По скалам вдумчиво скользит
Его угрюмый, мрачный взор.
 «О чём скорбишь, печальный сын
 Скалистых гор, дитя долин?»

Иль хочешь ты, чтоб синий вал
Тебе на сумрачных волнах,
Как на грохочущих струнах,
Свою мелодию сыграл?
 О чём скорбишь, печальный сын
 Скалистых гор, дитя долин?»

Иль, может быть, хотел бы ты,
Чтоб небосвод тебе дарил
Улыбку ласковых светил
И улыбались бы цветы?..
 О чём скорбишь, печальный сын
 Скалистых гор, дитя долин?»

Иль, может быть, ты ждёшь, что мать
И та, которой предан ты,
Придут в печали утешать,
Рассеют мрачные мечты?»
 — «Я жажду пуль, кровавых встреч,
Хочу в руках держать я меч!»

РАФАЕЛ ПАТКАНЯН

Рафаел Габриелович Патканян родился в семье священника-педагога 8 ноября 1830 года в Нор-Нахичевани (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков (1843 — 1849). Окончил также восточное отделение Петербургского университета (1866). В 1855 — 1857 годах издавал в Москве литературные сборники «Гамар-Катипа». В 1863 — 1864 годах издавал в Петербурге и редактировал журнал «Юсис» («Север»). С 1866 года жил в Нор-Нахичевани.

Творчество Патканяна, его стихи, его рассказы, пронизано идеями патриотизма и национально-освободительной борьбы. В 1877 — 1879 годах, во время русско-турецкой войны, когда со всей остротой встал вопрос об освобождении западных армян, Патканян создал высокие образцы гражданской поэзии.

Умер Патканян 22 августа 1892 года в Нор-Нахичевани.

В 1963 — 1974 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Патканяна в восьми томах; на русском языке: Певец гражданской скорби. Избранные стихотворения Рафаэля Патканяна, М., 1904; Антология армянской поэзии, М., 1940.

СЛЁЗЫ АРАКСА

По берегам твоим заснувшим
Брожу, Аракс, в тоске моей.
Я уношусь к векам минувшим,
Взываю к теням славных дней!..

Но волны бурные несутся,
Не внемля, пенясь и шумя;
О берег с плачем горьким бьются
И мчатся в дальние края...

Поведай мне, Аракс могучий,
По ком рыдаешь ты порой?
Зачем объят тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слёзы горькие струятся,
Из гордых падают очей,
И волны к морю вдаль стремятся
От грустной родины моей?..

О, не мути же в гневе воды!
Забудь волненье и печаль!
О, вспомни вновь былые годы!..
Зачем спешишь ты к морю вдаль?..

Пусть снова розы украшают
Сады прибрежные твои,
А ночью песней оглашают
Заснувший берег соловьи!

Пусть ивы свежестью отрадной,
Сгибаясь, дышат у воды —

И в жаркий день в струе прохладной
Купают нежные листы.

Пускай пастух с свирелью бродит
По берегам твоим порой,
И стадо мирное приходит
К тебе в жару на водопой!..

Аракс запенил гневно воды
И влагу бурей всколыхал, —
И в шуме диком непогоды
Я голос грозный услышал:

«Зачем с желаньем безрассудным
Пришёл, безумец, ты ко мне, —
Тревожить вновь виденьем чудным
Меня в тяжёлом полусне?

В тоске по муже, в тяжком горе,
Ужель вдову, средь грустных слёз,
Ты встретишь в праздничном уборе,
Как в годы счастья, годы грёз?

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят...

А были дни, в краю свободном
Я в чудном блеске протекал,
И к морю вдаль в просторе водном
Спокойно шёл за валом вал.

В те дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утром ранним отражался
В них отблеск пламенной зари.

Но что же случилось с древней славой
Моих роскошных берегов?
Где храм иль замок величавый?
Где блеск старинных городов?..

Лишь Арарат не забывает
О славе скрывшейся моей,
И влагой нежно он питает
Моё русло, как мать — детей...

Но влаги вечной и священной
Достойны ль мёртвые поля,
Где турок властвует презренный
И стонет древняя земля?

Мои сыны... Их нет со мною!
Но сколько их в стране чужой,
В борьбе с гнетущею нуждою,
В борьбе за хлеб насущный свой!

Моих сынов враги изгнали,
Отчизну душит низкий плен,
И в древний край они прислали
Толпы неверных мне взамен!

Для них ли пышными цветами
Теперь украшу берег свой,
И мне ль пред дикими очами
Блестать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для них отчизны нет,
Я буду скорби предаваться, —
И свят да будет мой обет!»

И, белой пеной одеваясь,
В ней скрыл Аракс свою печаль, —
И, точно змейка извиваясь,
Понёс он волны к морю вдаль.

1855

ИЗ ПОЭМЫ «СМЕРТЬ ХРАБРОГО ВАРДАНА МАМИКОНЯНА»

И теперь нам молчать, о друзья, и теперь,
Когда враг нас терзает, как яростный зверь,
Прямо в грудь направляет свой меч роковой,
Не смущаясь рыданием и скорбной мольбой?
О братья армяне! пора отвечать:
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Захватил ухищреньем наш отчий очаг,
Имя Гайка низверг, что блистало в былом,
И, великий в веках, обещан Торгом,
Лишил языка, отнял скипетр и рать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Отнял меч-оборону, унизив наш стяг,
У работников плуг вырвал дерзко из рук,
Переделал на цепи тот меч и тот плуг?
О горе! в плену мы должны изнывать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Поднимая оружие, как гибельный знак,
Нас таить заставляет рыдания невзгод,

То, что душу гнетёт, нам сказать не даёт?
Чтобы плакать, где свой нам Евфрат отыскать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Совершая с надменностью каждый свой шаг,
Голос правды в душе у себя заглушив,
Гонит нас из страны, от родных наших нив?
Скитальцам, нам некуда, братья, бежать.
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Равнодушно взирая на толпы бродяг,
Нагло руку простёр и, преступно глумясь,
Оборвал между братьев последнюю связь?
Так близко погибель армян! Что начать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Нас лишает последних, божественных благ?
Нашу церковь гнетёт, чтоб сломить нас верней,
Волка в шкуре овечьей поставив над ней.
Нет храмов, где б нам принимать благодать.
И ныне молчать?

И теперь нам молчать? Что же скажет весь свет,
Если камни и скалы застонут в ответ?
Скажут все, что армяне достойны судьбы,
Что они по заслугам в плену и рабы!
Умели отцы край родной защищать!
Доколе ж молчать?

Пусть молчит тот, кто нем, чей недвижим язык,
Или тот, кто в ярме видеть сладость привык!
Но в ком сердце мужчин, кому честь дорога,
Пусть бесстрашно идёт против злого врага!
Кто славой сумел свою смерть увенчать,
Тот вправе молчать!

1856

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МУЩЕВ

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —
Ему точёный, острый меч
Отец в подарок должен дать!

Когда ребёнок подрастёт,
К игрушкам вкус проснётся в нём, —
Пусть привыкает он играть
Бесстрашно гибельным ружьём!

И пусть, когда пора придёт
В ученье мальчика отдать,
Он прежде учится мечом
Владеть, — а после уж читать!

Читать, писать — полезно всем...
Но мало грамоты одной!
Пролить готов ли ученик
Всю кровь за честь страны родной?..

И лишь тогда иной удел
Придёт для нас в краю родном...
Кто сердцем горд и духом смел, —
Не будет нищим и рабом!

1879

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

«Ступай, мой сынок, и весь мир обойди,
И, признан великим, назад приходи».

Отправился сын, много поту пролил
И деньги большие, богатство скопил.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?».
— «Нет, нет! Ты большое богатство снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

И снова пошёл он — к земным мудрецам,
Учёным и гением сделался сам.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?».
— «Нет, нет! Ты великую мудрость снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошёл в монастырь он, укрылся в леса,
Вериги надел и творил чудеса.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?».
— «Нет, нет! Ты великую святость снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Он стал полководцем, был ловок и смел,
И много земель покорить он сумел.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?».
— «Нет, нет! Ты великую славу снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошёл он в страну, где гнезвился дракон;
Дракона убил исполинского он.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:

«Не стал ли великим твой сын дорогой?».
— «Нет, нет! Ты великую доблесть снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Он вспомнил тогда, что в плену его брат,
Что братскую руку оковы тягчат.
И вновь он на подвиг тяжёлый пошёл
И, выручив, брата свободным привёл.
Вдруг горы и доли, и море кругом,
И люди, все люди, вскричали о нём:
«Себя позабыв, ты о брате взыскал!
Великим, великим отныне ты стал!».

1880

ЖАВОРОНОК

«Жаворонок, в небо ты зачем летишь,
Песней серебристой в облаках звенишь?

Отчего не хочешь петь среди цветов,
Там, где ты выводишь маленьких птенцов?»

«Ах, есть много, много горя у меня!
Друг меня покинул, жизнь свою кляня;

Земледелец мирный этим другом был:
Страх перед врагами мир его смутил.

Стал наш край родимый пуст и молчалив,
И растёт репейник вдоль армянских нив.

На земле отныне нет покоя мне,
Оттого стремлюсь я к ясной вышине.

Целый день и вечер в небесах я вьюсь,
Целый день я песней господу молюсь,

Чтоб благой десницей нас он защитил,
Чтоб армянский пахарь снова мирно жил,

Чтоб светило счастье нам в родном краю;
Вот о чём под небом грустно я пою».

1880

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

Геворг Додохян родился в 1830 году в селе Годенлу близ Симферополя. Окончил в 1859 году Дерптский университет. В период учёбы в университете написал своё знаменитое стихотворение «Цицернак» («Ласточка»), ставшее популярной народной песней. После окончания Дерптского университета учительствовал на Северном Кавказе. С 1867 года жил в Симферополе. Долгие годы преподавал здесь в семинарии.

Умер Геворг Додохян в 1908 году.

Додохян известен как автор одной-единственной песни «Цицернак», хотя в 1930-х годах были обнаружены и изданы на армянском языке многие его стихотворения (Тбилиси, 1939).

ЦИЦЕРНАК

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг,
Ты куда же летишь,
За зигзагом зигзаг?

Чрез поля, чрез овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!

Там, далёко, с тоской,
Мой отец, весь седой,
Сына милого ждёт
С каждой новой зарёй.

Мой привет в этот дом
Передай перед сном
И скажи: «Ах, старик,
Плачь о сыне своём!».

Расскажи, сколько бед
Я терплю много лет;
Что все дни я в слезах,
Что полжизни уж нет.

Для меня небосклон
От зари затемнён,
На глаза мои в ночь
Не спускается сон.

Ах, без пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я — красивый цветок
Без родимой земли.

Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг,
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

ГАЗАРОС АГАЯН

Газарос Агаян родился в крестьянской семье 4 апреля 1840 года в селе Болнис-Хачен, близ Тифлиса. В 1853 году поступил в Нерсисяновскую семинарию, которую из-за нехватки средств не окончил. Работал наборщиком в Тифлисской типографии. В 1862 — 1867 годах работал наборщиком в Москве (типография Лазаревского института восточных языков) и в Петербурге (типография Академии наук). Занимался самообразованием, изучил русскую и европейскую литературу. Вернувшись на родину, всецело отдаётся литературной и педагогической деятельности. Агаян — автор учебника «Родной язык», мемуарной книги «Главные события моей жизни». Написал роман «Две сестры», стихотворения и сказки для детей. Из лирики широко известно стихотворение «Прялка».

Умер Газарос Агаян 20 июня 1911 года.

В 1939 — 1950 годах были изданы на армянском языке сочинения Г. Агаяна в четырёх томах; на русском языке: Избранное, Ереван, 1941.

ПРЯЛКА

Прялка, ты вертись, вертись,
Бедую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Масла я влила в ушки,
Прикрепила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо своё вращай,
Нитка толстая, тянись,
Веретёна оплетай!

Тиграник мой к пастуху
Ходит в поле босиком.
Габриэл продал чуху,
Плачет ночью, плачет днём.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Ни мешка нет, ни ремня,
Ни верёвки, ни сумы;
Не бывало прежде дня,
Чтобы так нищали мы!

Ах, невестой я ткала
И паласы и ковры;
Замуж вышла — продала
Даже войлок с той поры!

Красный день мой почернел,
Тот пришёл, кто в долг давал;
С чёрным сердцем, что хотел,
Всё унёс, всё отобрал.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

1882

СМБАТ ШАХАЗИЗ

Смбат Симонович Шахазиз родился в семье священника 5 сентября 1841 года в селе Аштарак, близ Еревана. Окончил в Москве Лазаревский институт восточных языков (1800), получил в Петербургском университете степень кандидата восточных языков (1867). Первый сборник стихов «Часы досуга» (1860) отмечен романтическими настроениями. Испытал воздействие Микаэла Налбандяна, что отразилось в новом стихотворном сборнике «Скорбь Левона и различные стихотворения» (1865). Лирика зрелого Шахазиза гражданственна и социально значительна. В последний период жизни занимался преимущественно публицистикой: «Голос публициста» (1881), «Летние письма» (1897), «Воспоминания о празднике Варданидов» (1901), «Несколько слов моим читателям» (1903).

Умер Смбат Шахазиз 24 декабря 1907 года в Москве.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1961; на русском языке: Юрий Веселовский, Армянский поэт Смбат Шах-Азиз. Критический этюд и избранные произведения Шах-Азиза, М., 1905.

СОН

Я слышал нежный голос,
К старой матери склонён,
Сердце с радостью боролось...
Горе! Это был лишь сон.

Там журчал ручей струистый,
Жемчугами опенён,
Как хрусталь прозрачно чистый...
Горе! Это был лишь сон!

Грустной песнею волнуем,
Был я детству возвращён.
Мать приникла поцелуем...
Горе! Это был лишь сон.

Мать отёрла мне в печали
Взор мой — был он затенён.
Ах, но слёзы всё бежали:
Почему то был лишь сон?

2 января 1864

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВЯТОЙ ТРУД!

Была пора любви беспечной...
На струнах лиры молодой
Я пел о страсти бесконечной,
Объятый пламенной мечтой...

И муза неги самовластно
Внушала песни мне свои,
О чудных снах шептали страстно,
О сладких грёзах, о любви...

Я возмужал — и сбросил смело
Ревнивой музыки власть и гнёт...
И честный труд, святое дело
К себе мечты мои влечёт!

Я услышал рыданий звуки
И вздохов тяжких в грустный миг...
Я горечь слёз познал и муки,
Мольбы народа я постиг...

И дал обет служить всецело
Я ближним песнею своей...
И честный путь прославит смело
Певец трудящихся людей!

1 июня 1864

АШТАРАК

Листвой деревьев осенён
Мой Аштарак родной...
Там воздух чист и небосклон
Сияет голубой...

Кругом поля, как изумруд,
Душистые цветы...
И травы пышные растут
Там редкой красоты.

Село родимое лежит
Над быстрою рекой.
Форель резвится и шалит
В волнах её порой...

Разлит волшебный аромат
В приветливых садах,
И воды ласково журчат,
Что вдаль несёт Касах.

Но мрак невежества гнетёт
Там робкие умы.
И задыхается народ
Под игом вечной тьмы!

Грущу я часто в тишине,
Красу твою любя...
О Аштарак! Подобно мне
Любил ли кто тебя?

Когда весь мир в объятьях сна,
Как прежде, я томлюсь...
В полночный час душа грустна,
Я за тебя молюсь.

2 июня 1864. Богородск.

ПЕТРОС ДУРЯН

Петрос Дурян родился в семье бедного кузнеца 20 мая 1852 года в Константинополе. После окончания школы (учился с перерывами — надо было зарабатывать на жизнь) перепробовал ряд профессий: ученик аптекаря, приказчик, актёр.

Жизнь Петроса Дуряна была недолгой, он заболел туберкулёзом и умер 21 января 1872 года, не прожив и полных 20 лет.

Дурян оставил после себя исторические пьесы («Арташес I», «Падение династии Аршакидов», «Взятие Ани, столицы Армении», «Тигран Второй» и др.), проникнутые духом патриотизма. Славу поэта составили, однако, его лирические стихотворения.

В 1971 — 1972 годах издан двухтомник сочинений Петроса Дуряна на армянском языке. На русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свеет скорбь рукой победной, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложь смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В чёрный гроб меня положит, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, её призыв,
И мой гроб в толпе потонет, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданием
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставанием, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет, —
Знайте, что я мёртв тогда!

1871

МОЯ СКОРБЬ

Я не о том скорблю, что, в жажде сновидений,
Источник дум святых иссякшим я нашёл,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнётом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И, счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла...

И не о том скорблю, что нежное создание,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит моё последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня...

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной —
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть — о, как мне жаль, как жаль!

1871

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звёзды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба горько и светло?
О, ружья огненные бога, вы —
Основы молний, перлы синевы!

Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!

Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,

Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!

Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...

Меж стонов кипарисов чёрный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грёз холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могилой сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в неё!
Я жить хочу, хочу любить ещё...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не даёт,
Ни луч с небес улыбкой не скользнёт:
Ночь — гроб мой; звёзды — факелы; уныл,
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слёз,
Ты этот месяц в небеса вознёс.
Кто к смерти близки, всё же нужны тем
Сначала — жизнь, и плакальщик затем.
Писали тщетно звёзды мне: «Любовь!»,
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»,

Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей,
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, всё смеялось в злобе торжества
И этот мир — насмешка божества!

ДЖИВАНИ

Дживани — псевдоним Сероба Бинголяна-Левоняна. Родился в крестьянской семье в 1846 году в селе Карцах (Ахалкалакский район Грузии). Начальное образование получил в родной деревне. Зарабатывал себе на хлеб тем, что сам исполнял свои песни в Александрополе (ныне Ленинакан), Тифлисе... Песни Дживани в его собственном исполнении пользовались огромной популярностью. Его лирика пронизана народным мироощущением и близка к песенному фольклору. Лучшие стихотворения Дживани стали народными песнями и по сей день любимы в народе. Дживани был крупнейшим представителем так называемой ашугской поэзии.

Умер Дживани 20 февраля 1909 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Лира Дживани, Ереван, 1959; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

В ЭТУ НОЧЬ

Виночерпица! дай мне вина в эту ночь.
Я томлюсь, и душа так мрачна в эту ночь.
Чем-нибудь пусть замлеет она в эту ночь,
Чтоб недаром страдать мне без сна в эту ночь!

Сделай милость, красавица, сядь, отдыхай!
О хвалимая, боли моей сострадай!
Что в седых погребях, то вино мне подай,
На огонь мой лей воду до дна в эту ночь!

Дай мне, милая, руку: тобой — я пленён;
Мы в одно соединим нежный звук двух имён;
Ведь ты видишь: ко мне не придёт уже сон.
Выйдем в сад, даль — чиста, даль — ясна в эту ночь.

Сколько раз, милый друг, я делил твою боль.
Покориться тебе, быть рабом мне позволь.
Любишь, нет ли, скажи! ах, солгать — хорошо ль?!
Доскажи до конца, всё сполна — в эту ночь.

Ах, внимли! в эту ночь можешь ты мне помочь!
Постарайся смущенье своё превозмочь;
Если нам друг для друга цвести, — цепи прочь!
Будет данная клятва прочна — в эту ночь.

1882

* * *

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут: придут — уйдут...
Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды лишь на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут — уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племён,
Как караваны, что под звон в степи идут: придут — уйдут.

Мир — сад, и люди в нём — цветы! но много в нём увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут — уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый, не грусти!
События должны идти, творя свой суд: придут — уйдут.
Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут: придут — уйдут.

Земля ласкает, словно мать, учёного, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут: придут — уйдут...
Весь мир — гостиница, Дживан! А люди — зыбкий караван!
И всё идёт своей чередой: любовь и труд, — придут — уйдут.

1892

ЛЮДИ

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас, людей?
Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
Ни бодрости, ни верных дружб, ни дней весёлых нет.
Как разгадать причину бед, откуда грусть людей?

От них самих такая боль, и муки, и тоска.
Изнашивает их юдоль, и жизнь их коротка.
Умы людские — чёрных туч бездомные пути.
Они не знают, что творят, куда, зачем идти.

Хозяева зверей и птиц, ремёсел господа,
Властители вещей и сил, — крепка людская власть.
Навек закреплена их связь, порука их тверда,
Не распадётся никогда, да и не в силах пасть.

Да, человеческий облик юн, о Дживани-ашуг!
Не ярок свет людских лампад и вверх не вознесён.
Мы — как подростки. Долог наш младенческий досуг.
Мы будто в колыбели спим, и сладок ранний сон.

1899

АШУГ

Хоть не крылат певец-ашуг, —
Сегодня тут, а завтра там,
Пернатым брат певец-ашуг, —
Сегодня тут, а завтра там.

То хочет пить, то хочет есть,
То слышит брань, то слышит лесть,
И так весь век ему проведать, —
Сегодня тут, а завтра там.

Ашуг родился светляком,
Разносит вести, всем знаком,

Он облако под ветерком, —
Сегодня тут, а завтра там.

В надежде тщетной он бредёт,
То в город, то в село зайдёт;
Он вдруг, как молния, падёт, —
Сегодня тут, а завтра там.

Дживан! Ему покоя нет,
Пчелой летает много лет;
Так и покинет белый свет, —
Быть может, тут, быть может, там.

1902

НАРОДНЫЙ ГНЕВ

Гнев народа — как поток ужасный,
Спорить с ним, бороться — труд напрасный.
Коль восстанет, беспощадный, страстный,
Он утёс-громаду разнесёт!

От огня, гордец, ты станешь чёрен,
Коль умён — будь пламени покорен.
Рой пчелиный в ярости упорен —
И вишапа страшного убьёт.

Человек комочком теста мнится,
Но могучий порох в нём таится.
Не шути с народом: коль сплотится —
Горы сдвинет, в море их сметёт.

Тяжела пощёчина народа,
Гнев его страшнее год от года.
Будет день, и сокрушит свобода
Всех — кто ныне прахом нас зовёт.

1905

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

Александр Овсепович Цатурян родился в бедной семье 11 апреля 1865 года в г. Зака-талы (Азербайджан). Учился в местном церковно-приходском училище, а затем — в трёх-классном уездном училище. В начале 1890-х годов переехал в Москву, где и прожил боль-шую часть своей жизни. Начал писать в юношеские годы. Первый сборник «Стихотворения» вышел в свет в 1891 году. Поэзия Цатуряна глубоко демократична. Лучшие свои стихотво-рения поэт посвятил жизни трудящихся людей, их чаяниям и их борьбе. Известен Цатурян и как переводчик русских и европейских поэтов. Он издал два тома стихотворных перево-дов «Русские поэты» (М., 1905).

Умер Александр Цатурян 18 марта 1917 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1958; на русском языке: Сти-хотворения, Л., 1958.

К ЧЕРНИ

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поёт?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведёт?..»

Пушкин

Чего ты хочешь, чернь тупая,
От лиры вольного певца?
Зачем, камнями осыпая,
Его ты травишь без конца?

Чего ты требуешь? Того ли,
Чтоб душу пылкую смилив,
Он от своей отрёкся воли,
Колена пред тобой склонив?

Того ль, чтоб чистую, святую
Он песню вынес на базар
И пел смиренно аллилуйю
Тому, кто платит за товар?

Иль, словно раб, лишённый чести,
Чтоб он простёрся ниц в пыли,
В твоих рядах, с тобою вместе
У ног властителей земли?

О злая чернь, ты мне презренна!
Твои страданья — жалкий бред!
Сияет солнце неизменно,
И тьме не пересилить свет!

Знай, если к небу рвётся пламя
Из самых недр земной груди, —
Его не угасят струями
Унылой осени дожди!

Знай, если высоко в лазури
Орёл могучий держит путь, —
Его не остановят бури,
Его на землю не вернуть!

Так дай мне руку, чернь слепая,
Дели с певцом его мечту,
И ты прозреешь, познавая
Добро, и свет, и красоту!

Июнь 1889

* * *

Довольно призраки блаженства обещали
Усыпать розами мой скромный, грустный путь!
Довольно сны любви покой души смущали
Несбыточной мечтой мою тревожа грудь!..

Цветущей юности беспечным наслажденьям
Я говорю теперь последнее прости!
Я песни в дар принёс невзгодам и мученьям,
И новому, тернистому пути!..

1890

ТЕБЕ МОЁ СТРАДАНИЕ

О правда, идеал святой,
Тебе моё страданье!
Я посвятил тебе одной
Моё существованье!

В борьбе житейской сколько раз
Я был твой верный воин!
Зато каких бывал подчас
Насмешек удостоен!

Меня хотели затравить,
Ничтожества старались
Мой честный голос заглушить,
Но, злые, просчитались!

Когда же чёрных их сердец
Коснулся меч мой правый,
Пытался не один подлец
Мой хлеб смешать с отравой!

Но ты зови, зови меня,
О правда, в гущу боя!
Ты щит мой, ты душа моя!
Я не хочу покоя!

1893

ПРОДАЖНАЯ ПЕЧАТЬ

В газете читаю
Хвалу негодяю,
Который народные деньги сосёт.
Я всё понимаю
И только не знаю:
А сколько ж газета за строчку берёт?
(1896)

* * *

Мрачна, темна душа моя!..
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуя,
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга!
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сёстры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем!..

1896

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Окована цепями ледяными,
Лежит земля безмолвствуя и ждёт,
Что день весенний чарами своими
Былую жизнь и радость ей вернёт.

Вот так и мой народ, — терпя гоненье,
Ты ждёшь, надеясь долгие года,
Что новое восстанет поколение
И цепи рабства сбросит навсегда!

1898

ВОЛНЫ И ДУМЫ

Волнуется море. Взбегают горами
Мятежные волны — гиганты седые,
И стонут, и бьются о берег валами,
И рвутся вперёд боевыми рядами,
И падают снова в объятья стихии.

Безумны вы, с вечной судьбиною споря:
Нет жизни у вас за пределами моря!

Волнуется сердце. За думою дума
Вздымаются в нём, рвутся к свету свободы,
Кипят, словно волны, и снова угрюмо,
Под говор зловеющий житейского шума,
В груди замирают, не видя исхода...

Безумны вы, думы о вольной отчизне:
За гранями сердца нигде нет вам жизни!

1898

ПЕСНЯ ВОИНА

Лети, мой конь, лети скорей
В разгар давно желанной битвы, —
Падём в бою — так помянут
Нас бедной родины молитвы!
Неси меня в тот славный край,
Где бились прадеды и деды,
Где мой народ и день и ночь
Свои оплакивает беды!

Прошли года, века прошли, —
Он жил лишь светлыми мечтами,
Не видя проблеска надежд
И под родными небесами.
Клонясь покорно пред судьбой,
Он долго ждал расцвета силы,
А лютый враг его сынам
Копал кровавые могилы.
Ценою смерти я готов
Купить хоть день свободной жизни
Стране, томящейся в плену,
В цепях страдающей отчизне!

Лети ж стрелой, лети, мой конь,
В последний бой, на поле брани —
Туда, где смерть в рядах бойцов
Сбирает дерзостные дани!..

1898

МОЛИТВА АРМЯНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Не прошу у тебя я, о боже, венков,
Телеграмм, адресов, юбилеев, речей;
Ни посмертной любви, ни надгробных цветов.
Всё я буду иметь от отчизны моей.

Одного лишь прошу я, о щедрый господь,
Что от родины мне не даётся в удел:
Иль пошли мне насущного хлеба ломоть,
Или дар, чтобы воздухом жить я умел.

1901

БЕДНЫЙ ВОР

Ко мне проник однажды вор...
С какой надеждой он, несчастный,
Перелезал через забор,
Не знаю... (не совсем мне ясны
Воров расчёты). Но, гляжу,
Он в комнате тихонько бродит
(А я, уже раздет, лежу)
И медленно ко мне подходит.
Я притворился, будто сплю,
Но не свожу с прищельца взора
И каждый шаг его ловлю.
Что, думаю, приманит вора?..

Подробно рассмотрел он всё,
Вплоть даже до пустых бутылок,
И, видя лишь старьё, тряпье,
С досадой почесал затылок.
Увидел: нет нигде монет,
Всё скромно, бедно и убого,
И даже ценных стульев нет.
Вот только книг уж очень много.
Сообразив, что делать, вмиг
Он ряд забрал, подкравшись к полкам,
Моих покрытых пылью книг
И, грустный, вышел тихомолком,
А я, в раздумье погружён,
Подумал: «Право, жаль детину!
Армянских книжек связку он
Продаст навряд ли армянину!».

1901

ЗАСЕДАНИЕ

Собрались армяне решать дела.
Царил в заседание порядок особый:
Председателем Страсть у нас была,
Секретарём — Вражда, оратор — Злоба.

Всё сразу смешалось в общий рёв,
И Драка взяла последнее слово.
Так мы разошлись в конце концов,
Но толку не было никакого.

И только при выходе, у дверей,
Мы встретили скрюченное создание.
И это была Справедливость — но ей
Не дали доступа на заседание.

1901

К МАМОНЕ

Однажды Мамоне я задал вопрос:
«За стол твой обильный, меж лавров и роз
И мне бы хотелось когда-нибудь сесть...
Какие пути для этого есть?».

Ответил Мамона: «В объятья мои
Тебя приведут лишь кривые пути.
На свете их много, и каждый хорош,
Как только с прямой дороги свернёшь!».

1901

Я ПУТНИК УСТАЛЫЙ

Я путник усталый. Я одинок.
Так много прошёл я в жизни дорог.
Прошёл я, сестра, по горам и долам,
И счёта не знал я дням невесёлым.

Я путник усталый. Я одинок...
И вот предо мной твой милый порог.
Сестра, я не ведал конца ненастью,
Ужель не откроешь мне двери к счастью!

1908

ЗАВЕЩАНИЕ АРМЯНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба
И напишите:

«С голоду погиб...».

1910

МАТЬ

С весенних дней, отцветших навсегда,
Твою любовь, о мать, я вспоминаю.
В тумане жизни, через все года,
Её печальный светоч сохраняю.

Как сказка с недосказанным концом,
Как песня недопетая, быть может,
Она о счастье говорит былом
И струны сердца горестно тревожит.

С весенних дней звучит мне голос твой,
О мать моя, в тоске воспоминанья.
Как свет зари — была мне жизнь с тобой,
Жизнь без тебя — холодный мрак страданья!

1912

ОТЧИЗНА

Ещё в младенчестве, мечтая безмятежно,
Отчизна грустная, тебя любил я нежно;
И тихо пела мать, склонившись надо мной,
На языке твоём, заветный край родной.

Когда же вырос я, с твоей судьбой печальной
Сроднился я навек, мой край многострадальный!
Гонимый с давних пор, священный твой язык
Мне в душу, как псалом торжественный, проник.

Твоих невзгод ашуг, я пел не умолкая
Про скорбный твой удел, отчизна дорогая,
Про тяжкий гнёт оков, про море жгучих слёз, —
И светлый рой надежд и прелесть тайных грёз!

О край мой, вековым прославленный страданьем,
Твой образ окружён немеркнущим сияньем!
Пусть в наши дни кипит кровавый, грозный бой, —
Я верю, родина, что день уж близок твой!

Я верю... Как дитя счастливое, ликую,
Из песен радостных борцам венок плету я,
И славит голос мой рассвет в родной стране,
Как жаворонка песнь — в лазурной вышине.

1916

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Иоаннес Мкртичевич Иоаннисиан родился 26 апреля 1864 года в Вагаршапате (ныне — район Эчмиадзина). С 1877 года учился в Москве, вначале в гимназических классах Лазаревского института, а затем на историко-филологическом факультете университета (окончил в 1888 году). Долгие годы учительствовал (Эчмиадзин, Тифлис, Баку), преподавал русскую литературу, а также историю всеобщей литературы. С 1912 года по май 1918 года был председателем училищной комиссии при Бакинской городской управе. В дни Бакинской коммуны продолжал работать в качестве члена Городского совета и заведующего Отделом народного образования.

Иоаннес Иоаннисиан приветствовал Октябрьскую революцию и установление Советской власти в Армении. С 1922 года работал в Законодательной комиссии при Совнарком Армянской ССР.

Умер И. Иоаннисиан 29 сентября 1929 года на даче под Ереваном.

Три стихотворных сборника Иоаннисиана (1887, 1908, 1912) имели большое значение для новоармянской поэзии.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в четырёх томах, Ереван, 1964 — 1966; на русском языке: Лирика, М., 1963.

ПЕВЕЦ

Когда в родной стране моей
Места украсятся святые,
И небо хмурое над ней
Очистят звёзды золотые,
И солнце светом и теплом
Народное развеет горе,
И из руин восстанет дом,
И тишиной заблещет море, —
Тогда настрою я свою
Давно заброшенную лиру
И то, что я в душе таю,
Отдам воспрянувшему миру.
Я воспою отчизну вновь,
Меня цветами долы встретят.
Восславлю к родине любовь —
И звёзды радостней засветят...
Но время трудное идёт,
А вы в сетях молитв живёте,
Певца не слушает народ.
Вы только чуда с неба ждёте.
Я тоже верю небесам,
И с вами я готов молиться,
Но если бог откажет нам —
Я буду сам за счастье биться.

УЗНИК

Меня оставил солнца свет.
И мрак всё небо заволок...
Надежда лжёт — возврата нет,
А вольный мир далёк, далёк.

В углу, покрытом темнотой,
Влачу я дней моих беду,
Печаль и скорбь всегда со мной,
Нет радости, кого я жду?

Свобода светлая, когда ж
Мои мечты тебя найдут, —
Когда же ты, свобода, дашь
Опустошённому приют?

1880

ПУТНИК

Студёный ветер мечется, гудит
По тополям и по кустам безлистным
И хлопья снега в воздухе кружит,
Окутав горы покрывалом мгlistым.
Шатает путника и хлещет по глазам,
И не видать дороги преходящей, —
Он подымает взоры к небесам,
А небо смотрит женщиной скорбящей.
Но скоро солнце радостно взойдёт,
ПодыметсЯ с улыбкой золотою.
Природа, как ребёнок, ласки ждёт,
Чтоб заиграть весеннею листвою.

1883

* * *

Пусть солнце сегодня закрыто тьмой,
Пусть раны души без конца горят
И, словно мачеха, перед тобой
Судьба ставит кубок, где только яд, —

Придёт когда-нибудь твой рассвет,
Забудешь ты горечь годов былых,
В душе засияет надежды свет,
Сверкнёт вдохновение слёз живых.

1886

ДВА ПОЦЕЛУЯ

Когда по жилам кровь бежит, бурля,
И силам юным нет конца и края,
И вся в цветах нам видится земля,
И жизнь чарует нас блаженством рая, —
Тогда любовь нам поцелуй дарит.
Её уста смеющиеся яркие.
Но поцелуй коварен — он горит,
И жжёт, и лжёт, как бред безумца жаркий.

Но в грозный час, когда сказать «прости»
Ты должен всем мечтам неутолённым,
Всему, всему, что встретилось в пути,
И даже скорби, даже горьким стонам, —
К немym устам приникнет в этот час
Немая смерть холодным поцелуем.
Тот поцелуй уж не обманет нас,
Он верен, бесконечен, неминуем.

1886

ЦАРЬ АРТАВАЗД

(Легенда)

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались,
Седого Масиса чело облекли.
И буря ревёт, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! Ну! Дикий рёв повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат,
И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать, —
Но крепко он стиснут в цепях роковых.

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя, —
Страданья твои, Артавазд, не пройдут, —
Последняя в мире — далёко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадёт!

Мы верим: наш край ещё будет счастлив,
И грешный народ ещё благо найдёт!

Но если будем подобны камням,
Расслышать не сможем призывов души, —
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить,
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток и суров...

Но нет! Не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги в семь переливов игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

1887

ПЕВЦУ

Пусть прелесть песенных созвучий,
Родившись в глубине сердечной,
Своей гармонией певучей
Разбудит дремлющих беспечно.

Зажги в нас пламень благородный
Больших страстей, большого чувства —
И мы поклонимся свободной,
Бессмертной правоте искусства.

1887

* * *

Я знаю: горе найдёт меня,
Куда бы я ни посмел уйти,
И жизнь, за собою всегда маня,
Жестоко обманет на полпути.
Я знаю: призраки злых надежд
Душе приносят одну печаль.
Не разомкну я усталых вежд,
Чтобы взглядеться в пустую даль.

Я знаю... Но ты об этом забудь
И снова мне прежнюю дай мечту.
Пусть в ней заблещет утраченный путь

И солнце, зовущее в высоту.
Скажи, что застенчивая луна
Улыбкой своей ко мне снизойдёт,
Что будут глаза — как море, без дна,
Чтоб думать о них всю ночь напролёт.

1837

АРАЗ

Бежит Араз, плеща волной,
О скалы бьёт седой волной.
Где утопить тоску мою, —
О камни биться головой?

Ты быстро воды мчишь, Араз,
Видал ли милую хоть раз?
Я отыскать её не мог,
Быть может, ты нашёл, Араз?

Ах, ветер стонет, как живой,
Брожу от страсти сам не свой.
Хотя бы весточку подай,
Река моя, не будь немой!

Покоя ночью не найду,
Пишу любимой, как в бреду;
Араз, едва блеснёт заря,
К тебе с тоской своей приду!

На голый камень луч упал,
Огнём убит я наповал.
Огнём бровей и тёмных глаз
Испепелённый, я пропал!

Бежит Араз, плеща волной,
О скалы бьёт седой волной,
Где утопить тоску мою, —
О камни биться головой?

1887

* * *

Умолкли навсегда времён былых народы,
Родились новые народы в смену им;
И с пальмой нежною зиждательной свободы
Склонилось счастье к народам молодым.

И слава прадедов, забрезживши звездою,
Роняет им свой луч и светом гонит зло;
И, добытый трудом, печалью и борьбою,
Венок бессмертия венчает их чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
Лежишь как труп живой, мне горестно взглянуть:
В цепях тоскуешь ты, прекрасный лик склоняя,
Размётана твоя истерзанная грудь.

Из-под твоих руин не глянет ветвью новой
Зелёный мирт любви — спасения символ;
Возложен на тебя тоски венец терновый,
Венец немых скорбей и вековых зол!

Но нет, ты не умрёшь! Я верю в обновление;
Оно должно прийти, — оно к тебе придёт!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Проснись, близок час, о родина, — он ждёт!

Всё то, что некогда в душе твоей боролось,
Пусть вспыхнет вновь! Воспрянь во прахе и пыли!
Хоть полумёртвая, услышь, подай свой голос, —
Твои сыны придут со всех концов земли!..

1887

* * *

Дорогая, усни! Сладкий сон призови,
Чтобы очи сомкнуть у меня на груди.
Полнозвучной волной песнопений любви
Очарованный слух до зари улади.

Благовонными розами я уберу
Твои кудри и грудь, колыбель всех отрад.
Спи, царица моя, спи, пока поутру
Стаи радостных птиц в небеса не взлетят.

И едва только золото первых лучей
Заиграет, горя, над твоей головой.
Пусть разбудит тебя голос страсти моей —
На багряных губах поцелуй огневой.

1891

* * *

Всё вперёд, всё наверх! Бесконечен мой путь,
Истомилися руки, о где же конец?
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Всё вперёд, всё наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещает стремнины конец,
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор,
Всё вперёд, всё наверх, неустанный боец!

Пусть далёко вершина, светла и чиста,
Пусть ещё не сегодня страданьям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята.
Всё вперёд, всё наверх, вдохновенный боец!

1896

* * *

Не тоскуй, мой брат, не страшись, мой брат,
Этой чёрной тьмы, полонившей взгляд.
Это — света весть, это — клич добра,
Эта тьма — зари молодой сестра!

Иль не видел ты, как за бурей вслед
В небесах горит победивший свет
И сияет вновь солнце над землёй,
Обнимая мир, расточая зной?

Ты ещё несёшь крест нелёгкий свой,
Но спасенья час — он не за горой.
На Голгофу кровь щедро пролилась —
Лишь тогда настал воскресенья час.

1896

НОВАЯ ВЕСНА

Некому ждать тебя, —
Зачем ты идёшь, весна?
Некому петь тебя, —
Напрасно идёшь, весна!

Над миром — полночи гнёт,
Кровь по горам течёт,
Горе принёс нам год, —
Зачем ты идёшь, весна?

Соловей прилетит — но что ж?
На радость ли ты придёшь?
Чьё сердце почует дрожь?
Напрасно идёшь, весна!

Да и розы на свете нет,
Украшенья юдоли нет.
Нет сердца без боли, нет!
Зачем ты идёшь, весна?

Вот ты возвратила птах.
Как жить им в своих домах?
Вся моя родина — прах...
Напрасно идёшь, весна!

Сомкнулись ашуга уста,
Саз-кяманча заперта,
Душа огнём залита, —
Зачем ты идёшь, весна?

Некому ждать тебя, —
Напрасно идёшь, весна!
Некому петь тебя, —
Зачем ты идёшь, весна?

1897

* * *

Он лежал на холодной постели,
И вздыхал, и внимал он, как звонко
Буря выла и вихри шумели
И стонали стенаньем ребёнка.

Мрак чернел в одиноком оконце...
Он, простёрт на холодной постели,
Воздыхал о пылающем солнце,
И стонал он, и вихри шумели.

1908

* * *

Лучами растопило снег,
И зеленеет на приволье
Под солнцем пламенным весны
Пшеницы молодое поле.

Ручей струится, и журчит,
И убегает торопливо.
В струю прозрачную его
Глядит безлиственная ива.

1911

В. БРЮСОВУ

Где раньше — глыбы руин
Видали люди в ночи
Да между голых вершин
Слыхали — плачут сычи, —

Обрёл ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет —
В слезах отчизну мою.

И понял — можем мы петь.
Хотя пока мы рабы.

Хоть суждено нам терпеть,
Но жребий нашей судьбы —
От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути.

1916

НА БЕРЕГУ МОРЯ

На берегу стою один,
Тоски не в силах побороть я...
А море рвётся из глубин,
Над головою туч лохмотья.

Поднялись волны, как холмы,
И с рёвом рушатся на скалы,
А я с утёса, как с кормы,
Гляжу, смятенный и усталый.

Валы спешат к моим ногам,
Им скользкий камень не помеха,
И далеко по берегам
Победный рёв разносит эхо.

О чём поёте вы, о чём —
Сурово, ласково и грозно?
Кого разите, как мечом,
Кого жалеете так слёзно?..

Моя смятенная душа
В том море, буйном и суровом, —
Своей печали не глуша,
Свой плач с его сливает рёвом.

1916

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Ованес Тадевосович Туманян родился 7 (19) февраля 1869 года в селе Дсех Лорийского (ныне Туманянского) района Армении. Начальное образование получил в селе Джала-логлы. В 1883 — 87 годах учился в Тифлисской армянской гимназии Нерсисян. Гимназию не окончил. Нужда заставила работать в армянской духовной консистории и в армянском издательском обществе (Тифлис). После 1893 года занялся исключительно литературно-общественной работой. Туманян был деятелем большого общественного темперамента и авторитета, многое сделал как страстный поборник дружбы и братства народов Закавказья. Туманян-общественный деятель подвергался преследованиям, был арестован в 1908 и в 1911 годах. В 1899 году Туманян организовал в Тифлисе литературный кружок армянских писателей «Вернатун». Был председателем Кавказского армянского общества писателей (1912 — 1921), председателем Комитета помощи Армении (1921 — 1922)...

Начал писать Ованес Туманян в середине 80-х годов. Наряду со стихами и поэмами Туманяна многое значат для новой армянской литературы также и его проза, его публицистика.

Умер Ованес Туманян 23 марта 1923 года в Москве, похоронен в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений, т. 1 — 4, Ереван, 1969; на русском языке: Избранные произведения в трёх томах, Ереван, 1969.

МЕСТЬ ПОЭТА

Безвременья бездушные сыны,
С открытым сердцем шёл я к вам когда-то,
Но, недоверием развращены,
Во мне врага признали вы, не брата.

За то, что душу кроткую мою
Ожесточили, омрачили гневом —
Я беспощадной песней воздаю,
Преследую мучительным напевом,

Чтоб знали вы отчаянье и страх,
Чтоб ваша жажда утолялась жёлчью,
Чтоб не хватало слёз, чтоб на пирах
С поникшей головой сидели молча.

Поэта негодующего мечь
Вас будет жечь, не зная сожаленья,
И вы обречены её пронести
Как песню, сквозь века и поколенья.

1891

* * *

Никто в ночи не ведаёт — каков
Тот труд незримый, что творит природа.
Но вот луга. И в темноте лугов
Роса сверкает при свечах восхода.

Никто не знает степени тоски,
В которую вознёсся ум поэта.
Но вот строка. И в темноте строки
Его печаль имеет зримость света.

1892

ДВЕ ЧЁРНЫЕ ТУЧКИ

С зелёного трона спокойной вершины,
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
Гонимые бурей, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперёд.

Но даже и буря в порыве жестоком
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком,
Их с места на место бросая, гнала.

И вместе всё дальше по тёмной лазури,
Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,
Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

1894

ИЗ ПСАЛМОВ СКОРБИ

1

Когда, господь, ты нас от муки смертной
Избавишь?.. О резне проклятой весть
Прошла с толпой изгнанников несметной
Из края в край и ширится поднесь.

Прославят ли твоё господне имя
Сироты, что в кровавой стонут мгле?
Довольны ли щедротами твоими
Отверженные на чужой земле?

А сколько здесь погибших безвозвратно!
Стенания звучат и льётся кровь...
Тебе, всевышний, разве не отрадны
Молитва, ликование и любовь!..

2

Боже, дни прошли, как дым ползучий,
Мои кости высохли, как сучья,
Я поник поблекшею травой,
В сердце нет ни искорки живой.

Хлеб мой — бьющие в лицо камня,
Отдых — неустанные гоненья.

Днём — за злою вестью злая весть,
Ночью — исхожу слезами весь.

Как сова на кладбище, мрачною,
Воробьём продрогшим коченею...
Я в тоске и в горе изнемог,
Ниспошли мне избавленье, бог!

1898

НАШИМ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ

Поистине, предки, блаженны вы были, —
Вы песни слагали на утре времён,
Вы в сердце мечту золотую хранили,
Вы верили: будет народ наш спасён.

Вы родину в песнях своих прославляли,
Величье и славу пророчили ей,
И лиры торжественной струны звучали
Безоблачной радостью будущих дней.

Но вживе растерзана родина наша
И боль её смертная — в наших сердцах.
Мечты золотые — виденьем миража
Бесследно исчезли в пустынных песках.

Нет звука у лиры в надорванных струнах,
На жизненном утре наш дух изнемог,
И падает лира из рук наших юных,
И рушатся в сердце и песня и бог.

1902

В АРМЯНСКИХ ГОРАХ

Нелёгок наш путь, полночный наш путь, —
Столетиями мы
Средь горя и тьмы
К вершинам идём, чтоб вольно вздохнуть
В армянских горах,
В суровых горах.

Сокровище дум заветных несём, —
Издrevле оно
Душой рождено,
Народной душой в пути вековом,
В армянских горах,
В высоких горах.

Из жарких пустынь кидались на нас
Орда за ордой,
Беда за бедой
И наш караван терзали не раз

В армянских горах,
В рыдавших горах.

Ограблен, разбит в ночи караван...
Мечась между скал,
Путей он искал,
И шёл он в крови бесчисленных ран
В армянских горах,
В скорбящих горах.

Глядим, не сводя тоскующих глаз,
На сумрак земли,
На звёзды вдали, —
Когда же рассвет заблещет для нас
В армянских горах,
В зелёных горах?!

1902

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и чёрном просторе
Душа моя скорбно плывёт.

Встаёт на дыбы иногда разъярённо
И ищет, где брег голубой,
Спускается вглубь иногда утомлённо,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море
И берега вовек не найдёт.
В армянских страданиях — на чёрном просторе
Душа моя скорбно живёт.

1902

НАШ ОБЕТ

Мы дали обет и верны мы обету.
Нас тьма окружает и беды нас бьют,
Но дорог нам свет, и пробьёмся мы к свету,
Пусть душные тучи дышать не дают!

Огнём и мечом и потоками крови
Судьба нас пугала, глядела черно, —
Ни славы у нас, ни покоя, ни кровли,
Но, чистое, светится наше чело.

Изодрано в клочья священное знамя,
Родная страна, как чужая страна,
Сурово глядит, как идём мы, не зная,
Какая нам завтра беда суждена.

Пусть рок не допустит увидеть победу
И в сумраке грозном ни проблеска нет —
Мы дали обет и верны мы обету,
Взыскав лишь света и веруя в свет.

1903

ПРЯЛКА

(Народное)

Ты пряди кудель, пряди,
Прялка.
Много дела впереди,
Прялка.
Ты проворна, ты быстра,
Прялка.
Ты голодному сестра,
Прялка.

Светит месяц по ночам.
Это — свет моим очам.
При луне сажусь к окну,
Нитку белую тяну.
Буду пряжею своей
Одевать-кормить детей.

Ты пряди кудель, пряди,
Прялка.
Много дела впереди,
Прялка.
Ты проворна, ты быстра,
Прялка.
Ты бездомному сестра,
Прялка.

1908

СПУСК С ПЕРЕВАЛА

Сорок лет я шёл горною тропой,
Лёгкий путь отверг,
Шёл я вверх и вверх, —
В царство света из мглы слепой.

Сорок лет путём, наводящим страх,
Шёл я напрямик
И обрёл, постиг
Силу духа в горних мирах.

Я забыл внизу, сбросил на ходу
Славу и почёт,
Всё, что дух гнетёт, —
Суетность, богатство, вражду.

Я на них взглянул с дальней высоты
И вздохнул вольней,
Увидал ясней
Жалкое безумье тщеты.

Я иду с горы, кладь моя легка,
Свет в душе таю,
Радуюсь, пою,
И напев летит в облака.

1909

С ОТЧИЗНОЙ

Пускай в неведомое, вдаль, свой взор вперяю я,
Пусть в беспредельности давно витает мысль моя, —
Но каждый раз, когда к тебе вернусь, влеком тоской,
Мне сердце ранит и томит стон безутешный твой,
Твоих запуганных детей жестокая беда,
Селенья скорбные твои, пустые города, —
О мой родимый край,
Судьбой гонимый край!

Толпятся полчища врагов пред мыслию моей,
Идут топтать твоё лицо, цветы твоих полей;
Взывая, хищники бегут к тебе со всех сторон,
Неся с собой кровавый пир, пожар, погром, полон,
Ты обращён в долину слёз, и каждый твой напев —
Как горький плач, и грустен взор твоих печальных дев, —
О ты, рыданий край,
О ты, страданий край!

Но ты стоишь ещё живой, в крови от ран своих
На тайном рубеже времён грядущих и былых,
Глубоким голосом скорбей ты с богом говоришь
И в сердце горестном глагол до времени таишь, —
Глагол, что суждено тебе поведать пред землёй,
Как суждено тебе для нас заветной стать страной,
О, зорь встающих край,
Надежд грядущих край!

В одеждах пламенных придёт заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ — как блеск её лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат;
И вот поэт, что уст своих проклятьем не сквернил,
В воскресшей песне воспоёт расцвет воскресших сил, —
Наш воскрешённый край,
Несокрушённый край!

1915

СТИХИ ДЕТЯМ

ЛИСА

В один прекрасный день лиса сошла с горы
И говорит: — Я жду, несите мне дары!
Мне надобен петух. Один петух пока!
Ах, дерзкая лиса с хвостом пышной цветка!

А бабушка моя, спасая свой насест,
Кричит: — Держись, петух! Лиса тебя не съест!
Ужо моя клюка помнёт твои бока,
Постылая лиса, с хвостом пышной цветка!

Но бабушке лиса пролаяла в ответ:
— Без толку не кричи — даю тебе совет,
Слаба твоя рука и палка коротка!..
Бесстрашная лиса с хвостом пышной цветка.

Лиса в курятник шасть, и, не боясь греха,
Взялась хвалить красу и удаль петуха:
— Мне даже мысль о нём приятна и сладка!..
Лукавая лиса с хвостом пышной цветка!

Вдруг бабушка моя воскликнула: — Беда!
Исчез мой петушок! Пропал невесть куда!
На горе мне сюда пришла издалека
Бесстыжая лиса с хвостом пышной цветка!

Ой, милый мой петух! Оранжевый петух!
Как пел ты поутру! Как радовал мой слух!
Погиб, красавец мой! Печаль моя горька...
Жестокая лиса с хвостом пышной цветка!

Ах, маленький зверёк, удаленький зверёк,
И след простыл твоих быстrobeгучих ног!
Худы твои дела, да слава велика,
Премудрая лиса с хвостом пышной цветка!

1906

ВОРОБУШЕК

За травой банджар чуть свет
Девочка бежала,
Целый час искала,
А банджара нет.

Воробей в траве сидел,
Рябенькая спинка,
Он взлетел, на ветку сел —
В клювике травинка.

1907

ЖАВОРОНКИ

На гумне — и смех, и труд.
Жаворонки — тут как тут.
Клювиками — тук-тук-тук.
Улетают из-под рук.
Незаметно, воровски
Выбирают зёрнышки
И над током в переклик
Слышится: килтык, килтык...

1907

ТЕСАК И ПИЛА

Не будь сквалыгой, как тесак:
Себе, себе и только так,
Но, как пила, радей вдвойне:
Себе и мне, себе и мне!

1908

ЗЕЛЁНЫЙ БРАТЕЦ

— Э-э-эй, зелёный братец,
Э-э-эй, весёлый братец,
Ты сказал нам: «Улыбайтесь,
Забывайте о зиме!
Пусть цветы в садах белеют,
Пусть ягнята нежно блеют,
Пусть скворцы птенцов лелеют,
Распевают на заре!»
— Э-э-эй, зелёный братец!
Э-э-эй, весёлый братец,
Что за игры, что за радость
На ликующей земле!

1908

ПЁС И КОТ

(Сказка)

1

Скорняжным
Тёплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За стеклом
Сидел
Скорняк усатый,

Как вдруг
К нему
Явился пёс
И шкурку
Мягкую
Принёс.

2

«Здорово, кот! —
Промолвил пёс,
Протягивая лапку. —
Трещит
На улице мороз,
Скорее
Шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.
Ну, что ж,
Сошьёшь?» —
«Изволь, сошью!»

3

«А долго ль ждать?» —
«В денёк-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапкою в субботу!
Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!

4

Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно,
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить —
Не шубу шить.
С деньгами можно
Не спешить».

5

В субботу утром

Старый пёс,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замёрзший нос.
«Ну, что,
Готова шапка?» —
«Нет», — говорят
Ему в ответ.
«А где хозяин?» —
«Дома нет!»

6

Продрогший пёс
Присел и ждёт
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идёт
В богатой
Новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
«Зачем торопишься,
Чудак?
С таким шитьём
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить —
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра,
Теперь кроить её пора!»

7

«Мне очень жаль, —
Ответил пёс, —
Что шапка не готова.
Но не сердись
На мой вопрос:
Когда явиться
Снова?
Не в гости
Я хожу
В твой дом,
А за своим
Хожу
Добром!»

8

«Ну, так и быть, —
Бормочет кот, —
Приди к обеду
В среду!»
Среда настала.
Пёс идёт
За шапкою
К соседу.
«Как поживаешь?» —
«Жив-здоров!»
«Готов заказ?» —
«Нет, не готов!»
Тут вышел крупный разговор,
Потом и потасовка.
«Ты, братец, плут!» —
«Ты, братец, вор,
Жена твоя воровка!» —
«Щенок!» —
«Урод!» —
«Молокосос!» —
«Паршивый кот!» —
«Плешивый пёс!»

9

Доходит дело
До суда.
Узнав
Про эту драку,
Судья сказал:
«Позвать сюда
И кошку и собаку!»
Лукавый кот
И бедный пёс
Вдвоём явились
На допрос.

10

Кто их судил,
Когда и как, —
Отдельно
Или вместе, —
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал
Без вести.
Бежал он,
Хвост подняв трубой,
И все меха

Унёс с собой!

11

А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, —
Семейства кошек
И собак
Между собой
Не ладят.
Кота увидев,
Честный пёс
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.
При этом кот
Плюётся так
В смущенье
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папахи.

1886

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Всё, что светом считалось, давно отмелькало,
Из того, что мечталось, исполнилось мало,
Жизнь моя разметалась, и мукою стало
Всё, что светом и счастьем казалось сначала.

1890

* * *

В лугах — концерт невидимых певцов,
Их голоса летят со всех концов.
Сверчки мои, кто вам теперь внимает,
Кто любит вас в краю моих отцов?

1916, июнь

* * *

Ушли навек,
Покинув отчие края, ушли навек,
Я, плача, призывал — никто не отозвался.
Вы не откликнулись, друзья, ушли навек!

1916, июнь

* * *

Устал метаться меж двумя мирами,
Как между мельничными жерновами,
Метаться между прежними царями
И нынешними новыми друзьями.

1917, 15 января

* * *

Зачем бегу, зачем себе я лгу,
Что от людей куда-то убегу?
Я связан с ними тысячами нитей,
Не разделять их боли не могу!

1917, 12 ноября

* * *

В наш мир, где тьма людей перебивала,
Приходит всякий день людей немало,
Чтоб опытом столетий пренебречь
И путь извечный начинать сначала.

1917, 30 ноября

* * *

Придя сюда, мы ведаем едва ли,
На сколько дней мы тут гостями стали.
И если нет в сердцах у нас любви,
Мы зря сюда попали, мы пропали.

1917, 30 ноября

* * *

Я видел всё: предательство и зло.
Бывало — и меня коварство жгло.
Но я любил, смотрел прощавшим взглядом.
Мне часто было и во тьме светло!

1917, 24 декабря

* * *

Где б ни был, что б ни делал, — постоянно
Мне слышится какой-то голос странный, —
Тревожит неизбывною тоской,
Зовёт к себе в какой-то край туманный.

1918, 26 января

* * *

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!

1918, 2 февраля

* * *

Осенним днём, в далёком далеке
Печальный жаворонок на пенёке
Всё смотрит на лорийскую дорогу,
Всё ждёт меня, в надежде и тоске.

1918, февраль

* * *

Стал много совершенней белый свет;
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он — полужверь, ему до Человека
Ещё не меньше миллиона лет.

1918, ноябрь

* * *

Ушли, ушли... Как мало вас осталось!
Со смертью жизнь всегда чередовалась.
Где бытие, а где небытие,
Не понимаю — всё перемешалось.

1918, 8 октября

* * *

Сады Эдема скрыты звёздной тьмой.
Там ждут меня, там дух рождался мой.
Зачем я здесь средь суеты и шума?
Ах, если б вновь прийти туда, — домой!

1919, 21 ноября

* * *

Когда берёшь Ты из того, что мне Тобой дано,
Я понимаю: у меня богатств ещё полно.
Я знаю: дух Твой всемогущ, щедра Твоя десница,
Как много надо мне вернуть, чтоб нам соединиться!

1921, 2 мая

* * *

Масис — превыше всех армянских гор,
На высоте его вступила в разговор
Моя душа с Творцом: длинна беседа эта —
С времён небытия и до скончания света.

1921, 21 мая

* * *

Дорога, как в былые дни, дорога,
Меня с собою не мани, дорога.
Какие люди по тебе прошли,
Куда навек ушли они, дорога?

1922

АВЕТИК ИСААКЯН

Аветик Исаакян родился 18 (30) октября 1875 года в городе Александрополе (ныне Леникан). В 1889 — 92 гг. учился в Эчмиадзинской семинарии. С 1893 года по 1936 г. много странствовал, подолгу жил за рубежом (Вена, Цюрих, Лейпциг, Женева, Берлин, Париж...). В 1896 и 1908 гг. был арестован за участие в национально-освободительном движении, сидел в Ереванской тюрьме и в Тифлисской Метехской тюрьме. В 1936 году вернулся в Армению. Активно занимался здесь общественной деятельностью, был председателем Союза писателей Армении, избирался депутатом Верховного Совета республики. В 1943 году был избран академиком АН Арм. ССР.

Первое стихотворение опубликовал в 1892 году в журнале «Тараз», первую книгу «Песни и раны» — в 1897 году.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в шести томах, Ереван, т. I, 1973, т. II, 1974, т. III, 1975, т. IV, 1975, т. V, 1977, т. VI, 1979; на русском языке: Избранные произведения в двух томах, М., 1975.

* * *

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснёт —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слёзы кудрями отрёт.

Александрополь, 1891

МОЕЙ МАТЕРИ

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пёстрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг,
Мимо сердца с тоскою безумной
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,
Был бы сном я, — далече, далече,
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся, и плакал бы, джан!

Дрезден, 1893

* * *

Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!

Александрополь, 1895

* * *

Не глядись в чёрный взор,
В нём безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор, —
Бойся чёрных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей,
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся чёрных очей!

Александрополь, 1897

* * *

Глухим, неясным, призрачным порывом
Куда-то рвётся существо моё.
Как мгlistой ночью моря забытьё
Лишь плеском выдаёт себя тоскливым, —
Душа как сон: то есть, то нет её.

Александрополь, 1897

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,

Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Казарапат, 1898

* * *

Хотелось сердце спрятать мне
Во мраке моря, в глубине.
Всю горечь от тебя укрыть
Навеки, глубоко на дне, —

У моря велика душа,
Все тайны в нём погребены.
Всё выслушает, не дыша,
Взволнуется из глубины.

Одесса, 1898

* * *

Когда бы из моей сердечной раны
По смерти вырос розы черенок,
И из страны далёкой друг желанный
С поклоном к праху моему притёк,

И в сердцевину розы над могилой
Из слёз его хоть капелька влилась, —
Она б насквозь прошла цветочной жилой
И рану мне закрыла в тот же час.

Одесса, 1898

* * *

Пройдут века... Конец земли обещан:
Должна остыть, растрескаться планета,
И будет подо льдом, в глубинах трещин,
Спать человечество в гробу зловещем.
О, если б и тогда в груди поэта
Стучало сердце...

1899

* * *

Видит лань — в воде
Отражён олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.

Лани зов сквозь сон
Услыхал олень.

Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день.

Харич, 1899

* * *

В долине, в долине Сално́ боевой,
Ранен в грудь умирает гайдук.
Рана — розы раскрытой цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

Запевает кузнечик в кровавых полях,
И в объятьях предсмертного сна
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут, и звучат,
Все о нём их звенят голоса...

Над долиной Сално туча хмуро встаёт,
И слезами увлажнился дол.
И сражённому чёрные очи клюёт
Опустившийся в поле орёл...

1900

* * *

Мне снилось: я, раненный в сердце, лежал
Один, на прибрежном песке,
Баюкал меня набегающий вал...
Забылся я в тихой тоске.

Мне снилось: весёлою песней звеня,
Товарищи мимо прошли,
Никто не позвал, не окликнул меня,
И песня умолкла вдали...

Цюрих, 1901

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлён.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звёзд, лобзаньем неба светит
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь её прихода жду я, —
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!

Баку, 1902

* * *

— Охотник, брат, в горах один
Ты рыщешь целый день.
Тебе не встретился ль мой сын,
Мой мальчик, мой олень?

Затосковал, ушёл он прочь,
Мой мальчик, мой цветок.
По диким кручам день и ночь
Блуждает одинокий.

— Да, я видал его с утра,
На брачный пир он шёл.
И в сердце у него, сестра,
Багровый мак расцвёл.

— Скажи, охотник, кто ж она,
На мягком ложе с ним,
Склонилась, нежности полна,
Над дитятком моим?

— На камне сын твой дорогой
Внезапным сном сражён.
Сестра, не с ланью молодой —
Обвенчан с пулей он.

Высоко ласточки летят
И тучек лёгкий дым,
И тихо травы шелестят
Над дитятком твоим.

1902

* * *

Караван мой бренчит и плетётся
Средь чужих и безлюдных песков...
Погоди, караван! Мне сдаётся,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слёз она не запомнит моих,
Кто зовёт? Караван, шевелися, —
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утёс, на скалу...

Ст. Нахичевань, 1903

* * *

Словно молний луч, словно гром из туч,
Омрачён душой, я на бой пошёл.
Словно стая туч над зубцами круч,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошёл.

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей,
Ты ищи, сестра, ворона коня,
Он копытом бьёт в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
На хмельном пиру, средь товарищей.
Взвоят горный ветер, кинет горсть песка
В твоего дружка на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слёзы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Рассыпать цветы над могилою...

1903

* * *

Я возвещаю вам: придёт духовный голод,
Уж пиршественный стол не даст утехи вам.
Вас, обожравшихся, нужда бродить погонит
С тоскою по словам, по огненным словам.

Отвергли вы души высокие порывы,
И мысли и мечты казнил бесстыдный смех.
И бесновались вы во капищах наживы,
В стремленьях и мечтах не находя утех.

Для вас, кто осмел величье созиданья,
Для вас, пресыщенных, придёт духовный глад.
И будете молить и клянчить подаянье,
Блуждая по земле, мечась из града в град.

1903

МОЯ МОЛИТВА

Вот сердце моё — сосуд пустой.
Наполни его, природа,
Извечной мудростью, добротой!
Я верю в тебя всей душой своей,
Поборешь ты все невзгоды.

Я верю бессмертной силе твоей,
Сулящей нам счастья годы.
Наполни же сердца сосуд скорей,
Божественная природа!

1903

* * *

Сорванную розу — ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — всё во сне, в тумане,
И любовь, и горе — тень воспоминаний.

Сохраняй же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть.

Не спеши... Смерть глянет поздно или рано...
Всё пройдёт бесследно: сны и мгла тумана!

Москва, 1904

* * *

Жизнь мою вы в грёзу превратили,
Девственные, чистые глаза.
И в иссохшем сердце разбудили
Песню, словно вешняя гроза,
Жизнь мою цветами задали,
Девственные, чистые глаза.

Тифлис, 1904

* * *

Погляди, сестра моя, погляди, —
Ранен в сердце я, тяжким окутан мраком.
Исцели эту рану в моей груди,
Ах, утешь меня! Я так много плакал.

Слёзы доброй рукой сотри с очей,
Не давай мне плакать, я столько плакал,
Ото лба туман отгони, развей,
Пожалей меня. Я так много плакал.

Тифлис, 1904

* * *

Шёл бедуин, и в мираже песчаном
Тень девушки мелькнула перед ним.
Он весел был, а сделался печальным.
В тень девушки влюбился бедуин.

Его пустыня зноем истерзала,
От лютой жажды рот его иссох.
Он любит высоко и несказанно
И умирает, пав лицом в песок.

Забывшись невещественным и вечным
Глубоким сном, кто знает — сколько лет
Всё ищет он в пространстве бесконечном
Бессмертно грациозный силуэт...

1904

* * *

С дальних морей, из пустынь без границ,
Из светлых дворцов, из глухих темниц
Бесконечные стоны и ночью и днём
Отдаются эхом в сердце моём.
И солёны слёзы, и горек смех,
И хлеб окровавлен, и горе у всех...

Иссякнет ли море слёз наконец?
Я слышу, как слёзы из всех сердец,
Капля за каплей, горе своё
Изливают в сердце моё!

1905

* * *

Да, я знаю, всегда есть чужая страна,
Есть душа в той далёкой стране.
И грустна и, как я, одинока она.
И сгорает и рвётся ко мне.

Даже кажется мне, что к далёкой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По её волосам золотым...

Александрополь, 1905

* * *

Душа — перелётная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупницы,
И тьма впереди и в былом.

Но где-то, усеявши неба покатость,
Не ведают звёзды беды,
И ты — голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.

Хоть раз меня взором мирящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце своё погружу.

Душа — перелётная бедная птица
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупницы,
Дорога ночная темна.

Александрополь, 1905

* * *

Быстролётный и чёрный орёл
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвёл
На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл нескончаемый плеск.

Карс, 1905

* * *

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поёт любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склонённой головой
Ликует жаворонок страстный!

1905

* * *

Враждует с человеком человек,
Друг против друга точит меч весь век.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму,
Заботы не прибавлю никому,
Я отпускаю меч звенящий мой,
Я за себя вступать не стану в бой.

1905

* * *

В далёких горах Гималайских сейчас,
Хребты затопив от вершин и до пят,
Дыханием моря смятенного мчась,
Клубясь, необъятные тучи кипят.

Гроза на грозу громоздится в горах,
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнут — бесстрашно стоят.

Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце, — там место тебе...

1905

* * *

Из жизни всей
Два аромата
С давнишних дней
Доныне святы;
Я ликовал,
От слёз шалея,
И обожал,
Не вожделя.

Тифлис, 1907

* * *

У кого так ноет ретивое,
Что в ответ щемит и у меня?
Это волк голодный за горою
Горько воет, кровь мне леденя.

Злая тень на снеговом сугробе,
Я, как ты, устал и одинок.

Волчье сердце, я твоё подобье
В этом мире смерти и тревог.

Мы родные братья и подобье
В этом мире горя и обид.
Так проклятье ж всей земной утробе.
Вместе, братец, заскулим навзрыд.

Эривань, 1907

* * *

Я увидел во сне: колыхаясь, висясь,
Проходил караван, сладко пели звонки.
По уступам горы, громоздясь и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки.

Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
Я — за нею, палимый тоской... Караван
Раздавил моё сердце, поверг меня в прах.

И с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,
Я лежал одинокий, отчаянья полн...
Караван уходил, и в далёкой дали
Уходящие сладостно пели звонки.

1908

* * *

Где он лежит,
Тот камень простой,
Что станет моей
Могильной плитой?

Быть может, не раз
На пути моём
Я в скорбном раздумье
Сидел на нём...

Эривань, 1909

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могила есть в безжизненной степи.
Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днём,
Вновь ветер волны травяные водит...
Кем был любим он? Кто мечтал о нём?

1909

* * *

Далёко, далёко
Есть сердце одно,
Оно одиноко
И грусти полно.

Оно прилетает
В ночной тишине,
Стучит и рыдает,
Прижавшись ко мне...

Тифлис, 1910

* * *

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребёнком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит:

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

Константинополь, 1911

* * *

На изумрудном берегу реки
Печально дремлет дом родимый.
Ах, как мои скитанья далеки,
Бреду затерянный и нелюдимый.

Вокруг меня гудят в ночном разгроме
Осенние глухие сквозняки...
Горит ли там очаг, в родимом доме,
На изумрудном берегу реки?

1911

* * *

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Всё в мире — призрак, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино, —
Я с радостью приму удар меча.

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Измир, 1912

* * *

Там маленькая девушка,
Как светлая голубка.
Как только с нею встретишься,
Лишаешься рассудка.

И кто она — не ведаю.
И путь её неведом.
Хочу, как только встретится,
Бежать за нею следом.

1917

* * *

Была война. Юнец домой
Зашёл, собравшись воевать:
«Я взрослым стал. Пора мне в бой.
Благослови в дорогу, мать».

Мать, как была, так обмерла,
Когда же вновь в себя пришла,
За шею сына обняла,
Как будто век его ждала:

«Какое счастье, боже мой,
Что ты с войны пришёл живой!»

1919

* * *

С утратой того, что любимо,
Я в жизни не мог примириться,
Что властвует необходимость,
Я в жизни не мог примириться.

И мысль моя тщетно пыталась
Смирить непослушное сердце,

С действительностью преходящей
Я в жизни не мог примириться.

1921

В РАВЕННЕ

На глухой вершине Арарата
На мгновенье век остановился —
И ушёл...

Острый меч сверкающей зарницы
Об алмазы яркие разбился —
И ушёл...

Взор гонимых смертью поколений
Соскользнул по гребню исполина —
И ушёл...

Наступил черёд твой на мгновенье,
Чтоб и ты взглянул на ту вершину,
И ушёл...

Равенна, 1926

АКОП АКОПЯН

Акоп Акопян родился 29 мая 1866 года в Гандзаке (ныне Кировабад). В 1886 году в Тифлисе, а в 1887 году в Баку работал учеником аптекаря. Позже работал в Баку чернорабочим, кассиром, бухгалтером. С 1901 года жил и работал в Тифлисе. В 1922 году основал в Тбилиси армянскую секцию пролетарских писателей Грузии. Акоп Акопян хорошо знал жизнь кавказского пролетариата. Член партии с 1904 года, он связал свою жизнь и своё творчество с борьбой и чаяниями рабочего класса.

Первое стихотворение Акопяна было опубликовано в 1893 году, первый стихотворный сборник — в 1899 году (Тифлис)... В 1907 году Акопян издал книгу стихов с характерным названием «Революционные песни», а в 1912 году — поэму «Новое утро». В 20-ые — 30-ые годы воспевал строительство новой жизни, новую преображённую революцией действительность. А. Акопян был удостоен звания народного поэта Грузии и Армении (1923).

Умер А. Акопян 13 ноября 1937 года в Тбилиси.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в четырёх томах, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, т. I, 1955, т. II, 1956, т. III, 1958, т. IV, 1958; на русском языке: Стихотворения и поэмы, Л., «Советский писатель», 1981.

ЧЕСТЬ И ТРУД

Я был ещё дитя, когда
Отец, согбенный от труда,
Учил меня, что в мире есть
Одно святое слово — «честь».

Когда я книги стал читать,
Однажды мне сказала мать,
Что путь мой в жизни будет крут,
Что должен полюбить я «труд».

Я в школе пробыл мало лет:
Для бедняка там места нет...
И по велению отца
Стал подмастерьем кузнеца.

С тех пор мой тяжкий молот бьёт,
И жжёт чело горячий пот,
И дни тяжёлые идут,
Но всё я помню: «честь» и «труд»,
«Честь» и «труд»!

1895

ПЕСНЯ

Я на рассвете юных дней
Запел однажды о любви.
Та песня родилась в крови.
Тоска и боль звучали в ней...

Но ты молчала. Не пришлось
Душе услышать отзыв твой.

Лишь эхо гор отозвалось
И полетело над землёй.

Ах, этот отзвук будет жить
В моей груди до склона дней.
Соединила эта нить
Меня с отчизною моей.

1896

РЕВОЛЮЦИЯ

Товарищ! Видал ли ты бурю на море?
Вот с пеною в пасти, как злые пантеры,
Могучие волны взлетают на шхеры,
Ревут, сшибаются, яростно споря,
И рассыпаются,
Как песок.

А после волна беззаботной улыбкой
Приветствует солнце, и небо, и свежесть,
Воркует, как флейта, смеётся, как скрипка,
Вздыхает, как девушка, нежась
У ног.

Товарищ! Слыхал ли ты грома раскаты?
Вот в небе пальба и слепящие взрывы,
И дикие молнии нетерпеливо
Мечами вонзаются в чёрные латы
Туч.

Мгновенье — и хлынул ликующий ливень,
Гроза умирает в стенаньях и рёве,
И вот уже мир, голубой и счастливый,
И вот уж вплетается в кудри деревьев
Сияющий луч.

Товарищ! Слыхал ли ты вопль роженицы?
Когда, извиваясь и корчась на ложе,
Стенает она, как сражённая львица,
Стенает и хочет сдержать, но не может,
Неистовый крик.

Но муки проходят своей чередой, —
Вот вскрикнул впервые ребёнок румяный,
И, полная счастья и негой покоя,
Мать встретила радостный миг.

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря разыграла.
Две силы столкнулись — и вот они быются,
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребёнок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движении.
Свобода — дитя. Революция — мать.
Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженьи
Грудью,
Грудью её защищать!

1905

КАЗНЁННЫЕ

Идут, идут, и сонм голов,
Как паводок без берегов,
Из рвов и из могильных ям
Идут, — конца нет мертвецам.

Волна взбегает за волной.
Иной — с пробоиной сквозной,
С отметиною кровяной —
Иной.

Казнённые. Лавина тел.
Тот хвачен шашкой, тот висел,
В том пригоршнею пуль засел
Расстрел.

Идут, и вопиёт, как глас,
Глухой укор, немой наказ
Повисших рук, рубцов и язв,
Отёков и пустых глазниц,
Вперённых ниц.
И в нас.
Без глаз.

1909

В НИЖНИХ ЭТАЖАХ

Ты стоишь у тучи на виду,
Ни морщинки на высоком лбу,
Чердаки твои в грозу ведут
С молниями тяжкую борьбу.

Кровью кирпичи напоены,
Краснотой пугая облака,
Пóтом кирпичи обожжены,
Чтобы крепче выросли бока.

Этажей твоих высокий рост!
Кто на крыше с вихрем воевал?
Кто вскормил тебя? В ненастье и мороз
Кто, скажи, на стройке изнывал?

Ты стоишь, обжора, предо мной,
Кровью сыт и потом напоён,
Верхних этажей голубизной,
Блеском их пугая небосклон.

Кто вознёс их пышно в небеса?
Наклони же каменное ухо
И услышь, как в нижних этажах
Каменщик, что изнемог в трудах,
Кашляет размеренно и глухо.

1911

РАВЕНСТВО

(Отрывок из поэмы)

Видели ли вы:
Ранней зарёй
Новорождённая зелень
Умыта росой,
А над нею
В истоме предутренних снов
Белоснежные лебеди облаков...

Зелени много
В сказке моей,
Сказке моей
Не страшна зима...
За небоскрёбом,
В тени ветвей,
Одноэтажные
Встали дома.

Здесь по-иному
Цветёт земля,
Здесь замолкает
Гул корпусов —
В маленьких домиках
Из хрусталя
Много детей
И много цветов.

Нового мира
Новый посев,
Новой работы
Новый напев...

Много здоровых
И крепких детей
Поют и играют
В сказке моей.

Все они резвы,
Не зная нужды,
Зависть и злость,
Гнев им чужды.

Грязной рукой
Их не трогала злоба,
Ждёт их, весёлых,
Большая учёба.

Много им надо
В жизни понять —
Надо им вырасти,
Надо им стать —

Тысяча, как один,
И один, как тысяча...

1916 — 1917

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Шушаник Кургинян родилась в семье ремесленника 18 августа 1876 года в г. Александрополе (ныне Ленинакан). Начальное образование получила в родном городе. Занималась самообразованием. Начала печататься в 1899 году. В 1903 году переехала в Ростов-на-Дону. Здесь исключительно благотворным было влияние революционных событий на формирование мировоззрения поэтессы, на её творчество. Кургинян пишет стихи, проникнутые пафосом революционной борьбы. Ей вместе с Акопом Акопяном суждено было стать зачинателем армянской пролетарской поэзии.

В 1920 году Кургинян создала во Владикавказе армянский рабочий клуб им. Степана Шаумяна. С 1921 года жила в Ереване.

Умерла Шушаник Кургинян 24 ноября 1927 года в Ереване.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1947; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ПАНИХИДА

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорок
В беспредельной степи, молчалив, одинок,
Безмятежно стоит.

Кто-то спит под землёй, и разбитую грудь
Вихри огненных дум неспособны взметнуть:
Беспробудно он спит!

Он прильнул головой к мать-родимой земле,
Но рыданий земных он не слышит во мгле.
Он уснул, он забыл.

Как лампы, горят сонмы звёзд в вышине,
Фимиамы струят волны трав в тишине, —
Миллионы кадил.

Над могилой шумит ветер с тихой тоской:
Как напев гробовой, говорит: «Упокой»,
Полон сумрачных грёз.

Ни креста, ни плиты... В свой торжественный час
Он свой крест роковой, ради всех, ради нас,
На Голгофу понёс.

2 октября, 1906

ГАСИТЕ ЛЮСТРЫ...

Ночь... Мрак... В зените, едва мерцая,
Льют звёзды бледный, печальный свет,
Во мгле трепещут, изнемогая,
И вскоре гаснут — и вот их нет.

Земля вздыхает; с дыханьем тленья
Объемлет траур поля страны.

В полёте ветра звучат моления,
Рыдания, вопли. И нет луны.

Но вы хотите с небес огнями
Сравняться блеском во мгле земли,
И вот мгновенно вдохнули пламя,
В несчётных люстрах вы жизнь зажгли.

Во мрак полночных, безлюдных улиц
Из ваших пышных дворцовых зал,
Из ваших окон лучи метнулись,
И сумрак ночи свет пронизал.

Вы веселитесь, вам вечный праздник
Средь муз, в богатстве, в игре мечты,
И ваших пиршеств любой участник
Исполнен ласки и доброты...

Вы веселитесь и дни, и ночи,
Вам вечный праздник, вам невдомёк,
Что о погибшем под ним рабочем
Здесь каждый камень сказать бы мог.

Что кровью каждый кирпич набухнул...
Вы веселитесь, — и смех, и визг
Взлетают в стенах, с которых рухнул,
Сломавши ногу, голодный вниз.

И ярко в люстрах сверкает пламень,
Сиянье льётся из ваших глаз,
Но ваша совесть черства, как камень,
И мрак извечный в сердцах у вас.

Гасите люстры!..

И пусть за стол ваш, в разгаре пира,
Сойдутся толпы со всех концов —
Бездомных, жалких, голодных сирот,
Лишённых вами своих отцов...

И пусть, босые, в грязи, в отребье,
Сойдутся толпы их матерей,
Что тянут руку с мольбой о хлебе,
Бродя с сумою вокруг дверей;

И пусть разыщут в дворцах могилы
Тех, что свалились без сил, мертвы,
Вздымая стены, кладя стропила
Дворцов, в которых замкнулись вы...

И пусть, в увечьях, в кровавых клочьях,
Ворвётся в залы, за рядом ряд,
Гроба покинув, толпа рабочих,
Свой смертоносный вперяя взгляд,

Чтоб вместе с вами справлять здесь
праздник

И спеть о страшной судьбе своей
Вам песнь лишений, что горше казни,
Песнь чёрстой корки — под лязг костей...

И среди мрака твердить упорно
О мраке ваших преступных дел,
Бренча цепями неправды чёрной,
Чтоб приговором их звон гремел.
Гасите люстры!..

14 декабря, 1906

РАБОЧИЕ

Это идём мы, —
волосы грязны, шапки измяты,
куцый, засаленный пиджак,
то недовольны, то безразличны,
мрачен, безрадостен шаг;
голод запечатлелся привычно
в складках безмолвных морщин;
но пробуждают вдруг взгляд анемичный
гнев и презрения яд...
Старость — за наши мученья расплата,
жаждем мы света, надеждой простою
бедное сердце объято,
рана в груди и досада, —
это идём мы...

Люди труда — батраки богатеев,
жиром богатый оброс,
золота горы лежат перед ними,
ну, а трудящийся — бос,
дружит он с горем, слезами ночными,
с ссылкой, железной тюрьмой...
Дёшево проданы мы со своими
силами рук и ума
здесь, на торгу кровопийцев и змеев,
страх нас за жизнь обуял.
Продали, очи нам мраком заклеив,
продали, головы страхом овевяв,
продали нас...

О, душегубы, пиявки болота,
жизни высасывающие соки,
оцепенелыми кротоми
ночи проводите в грязном пороке;
роющие могилу руками
дивной, святой и великой свободе

и припадающие губами
к кубку с густой человеческой кровью.
Лица измучены вечной работой,
им не ласкать ваши нежные нервы,
наша забота — не ваша забота,
вам лишь насытить пузо охота.

Каждою каплей крови рабочей,
каплею пота солёной,
горьким дождём слёз бесконечных,
нашей судьбою согбенной,
злой угрозой смертей бессердечных,
силою рук работающих
и беспокойством тревог вековечных
вы набиваете брюхо...
Вы до наживы страшно охочи,
нам же — гроши за работу,
трудимся дни мы, трудимся ночи,
труд наш тяжёл и бессрочен.
Мы, словно пасынки, чахнем от боли.
Вы же — избранники дьявольской доли.

Да, мы идём, —
слышен наш шаг из глубокого ада,
рабства далёких веков,
слышен наш шаг из бескрайнего гнёта
в звоне оков;
вышли мы, чтобы разрушить с налёта
зла и насилия трон.
В жизни проложит дорогу свобода
нам и братьям навек.
Равенство, — вот, что сегодня нам надо,
тем, кто достоин его.
Так мы идём, рабочей громадой!..
Так мы идём, — и зреет расплата!
Так мы идём!

1907

СИАМАНТО

Сиаманто — псевдоним Атома Ярджянна. Родился в семье менялы 1 января 1878 года в Западной Армении в г. Акн (Турция). В 1892 году переехал в Константинополь, а в 1896-м — в Каир. С 1897 года учился в Женевском колледже, а затем в Сорбонне. Изучал естественные науки, глубоко интересовался различными литературными течениями, творчеством Э. Верхарна и М. Метерлинка, а также поэзией армянского средневековья.

Поэзия Сиаманто полна тревог за судьбы народные. Он стал очевидцем трагедии родного народа — турецкая реакция осуществляла свой чудовищный замысел физического истребления армян. В 1908 году Сиаманто возвращается из Европы в Константинополь. 24 апреля 1915 года он был арестован турецкими властями и в августе того же года — убит.

Литература на армянском языке: Избранные сочинения, Ереван, 1957; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ГОРСТЬ ПЕПЛА — РОДНОЙ ДОМ

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,
И с плоской высоты твоих белёных крыш,
Звездоточивой лишь настанет ночи тишь,
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат.

Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —
Развалина, лежат обломки лишь одни...
То был день ужаса, и крови, и резни...
А около тебя цвели в саду цветы.

Теперь спалённая, там комната была
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.
Там детство проводил в веселье и в игре,
И за спиной росли два радостных крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,
Сиявший золотом, в своих лучах таил
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,
Где воля красная, где разум мой блистал.

Ах, умер ли родник, поющий во дворе?
Ах, ива сломлена ль и мой зелёный тут?
И под деревьями ужели не текут
Источника струи, стекая по горе?

И клетку помню я, и куропатку в ней...
Напротив — розы куст... Когда горел восток,
На утренней заре журчащий голосок
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.

О дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,
Душа свободная к развалинам родным,
Как голубь, прилетит, чтоб волю дать своим
И песням, и слезам. О, верь, родимый дом!

Но кто, когда умру, кто принесёт с собой
Святого пепла горсть от пепелищ твоих
И бросит на парчу покровов гробовых
И с ним смешает прах певца земли родной?

Горсть пепла, отчий дом! О, с прахом горсть твоим,
Горсть пепла из немой развалины твоей,
Из прошлых дней твоих, от горя и скорбей
Горсть пепла, чтоб моё осыпать сердце им!..

МОИ СЛЁЗЫ

Я с грёзой один меж родимых долин проводил свой младенческий день.
Был лёгок мой шаг, как на горных лугах белокурый прекрасный олень.
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного неба пьяна.
В глазах было золото, в сердце — надежда, душа была богом полна.
Пришёл и роскошный, дарующий блага румяного лета, закат,
И мне, и земле за корзиной корзину дарил плодородный наш сад.
И молча я срезал со стройного стана ветлы из прекрасных ветвей,
Одну — для свирели, для тайной свирели, для будущей песни моей.
Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые птиц голоса,
И ропот источников с чистой волной, и шумящие вечно леса,
И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее, чем ласка сестры, —
Мне всё отвечало на лепет певчий, на звуки свирельной игры.
Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыхание, и, скрытая тьмою ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

ЧАЯНИЯ НЕВЕСТКИ

Годами одна у окошка сию я,
Смотрю на дорогу твою, мой далёкий,
А в этом письме — тихий трепет души,
И тела, и дум; мой и больше ничей он.
Не помнишь ты солнце в день нашей разлуки?
Оно было щедрым, как слёзы мои,
И было горячим, как мой поцелуй,
И добрым, родной, как твои обещанья,
И светлым, родной, как твоё возвращенье.
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь? —
Пролила на тень я коня твоего.
Чтоб даже моря пред тобой расступались
И суша легко под ногами цвела...
Ах, солнце разлуки давно закатилось
И чёрною ночью сменилось, родной...
Я плакала, сшиблена лавою лет,
И слёзы катились на щёки, как звёзды,
И розы сжигали, сжигали, родной...

Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.
Ещё так хмельна от вина твоего я.
И траурна — нету и нету тебя...
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.
И возле церковных дверей на колени
Встаю, обративши на запад глаза.
И раню колени, и тихо молю...

Пусть высохнут сразу моря-океаны
И хоть на мгновенье два мира сомкнутся.
А после — не нужно ни царства, ни солнца!..
К родному порогу вернись, мой далёкий!
Рука моя долго пуста без твоей.
Я в чёрном — я жду твоего возвращения.
Вернись! Словно плод, переспела любовь.
Хранит поцелуй для тебя она сладкий.
А чресла мои материнства не знают.
Я свадебной, золотом тканной фатой
Украсить ещё колыбель не сумела,
Не пела над люлькой — не пела, не пела
Небесную песнь матерей я армянских.
Вернись! Нету сил у тоски у моей.
И чёрная ночь расстилает свой саван.
И совы, родной, во дворе причитают.
И горькие слёзы мешаются с кровью.
Невестке покинутой не вмоготу.
Руками своими уже начинаю
На голову сыпать холодную землю —
Холодную землю могилы моей...

Я С ПЕСНЕЙ УМЕРЕТЬ ХОЧУ

1

Со сладостью Надежды, Ожиданья я был наедине в тот вечер.
И взвешивал весами Спасенья и Страданья я Родины судьбу...
Но в дверь мою в полночный страшный час вдруг сильный стук раздался.
Вошёл с улыбкой друг — красив, как жизнь, и добр, как брат, и грозен...

2

Он молод был. А искра глаз его была опавшей искрою звезды.
И выточен был стан его из мышц прекрасных мраморов.
А мысль рвалась из пламенных страниц великой справедливости людской...
А на челе цвели цветы и доброты его, и боли.

3

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили о муках Родины.
И голова его под грузом дум всё больше походила на сердце траурного полубога...
А взгляд его в моём всё больше находил предначертаний родственной судьбы...
Улыбки мягко освещали души.

4

Он длительно молчал. И я молчал. Воспоминанья увлажняли очи...
Свет лампы голубой, стоявшей на моём столе, струился вниз очищенной кровью.
Я побледнел. Исчезла грёза с появлением утра...
Но он вдруг встал с осанкою героя, ладонь мою в свою вобрал и так сказал:

5

«Знай, этот вечер, друг, был вечером прощания и веры.
Конь мой осёдлан. У ворот твоих он ржёт в упругой лихорадке боя.
Ты видишь: меч мой обнажён. В нём нагота сверхчеловеческих решений.
Приблизь своё чело к моим устам... Час нашего прощания и веры!..

6

А ты воспой и боль, и мощь народа на этих чистых трепетных страницах
В дар будущим счастливым поколениям, в дар нашей прошлой золотой печали.
Я сир, мятежен. Мне — потерянных искать... Прощай, мой друг...
Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай — я с песней умереть хочу!..»

ВААН ТЕКЕЯН

Ваан Мигранович Текеян родился 21 января 1878 года в Константинополе, там же получил образование. С 1906 года жил за рубежом (Ливерпуль, Марсель, Гамбург). Подолгу жил в Египте. Первый стихотворный сборник вышел в свет в Париже в 1901 году. Текеян занимался общественной, издательской деятельностью. Издавал в Каире и Константинополе армянские журналы и газеты. Текеян — автор повестей, рассказов и критических статей. С неизменной любовью писал он о Советской Армении как о родине всех армян.

Умер Ваан Текеян 4 апреля 1945 года в Каире.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1958; на русском языке: Поэзия Армении, М., 1916.

ХАНУМ

Её скрыл тусклый чёрный шёлк, всю с головы до ног,
И поступь оттого легка и шёлково шуршит,
Что лиры бёдер я сквозь шорох слышать мог,
Ханум идёт, и вслед за ней плеск мускуса спешит.

Оставив пышных кружев плен, блеснет её рука,
Ревниво полускрыт тот блеск перчатки чернотой,
И сквозь вуаль, с прямого лба что падает, мягка,
Сурьмой украшенных очей горит огонь густой.

И через мост, лишь облака закатом зацветут,
Из горизонта в горизонт проходит так ханум,
Рог Золотой затмив собой, чаруя вечер дум,
Великолепна и строга, ханум проходит тут,
То женщина иль дух на миг покинул свой дворец,
Дух города, что мил и горд, чудесен, наконец.

1906

ЕГИПТЯНКА

Смуглый ангел, я ради красоты твоей без сожаленья
Белых ангелов гордо покинул, стремясь к тебе жадно.
Перед аспидным светом твоим я стою в изумленье,
Словно путник, в ночи разглядевший окрестность нежданно.
Мне так сладостен зной твоих взоров и гибкого стана:
Голос твой не утратит надо мной замечательной власти.
Запах кожи твоей я готов обонять неустанно
И погибнуть готов под песками зыбучими страсти.
Как тростинку от берега, оторву от земли я, лелея,
Твоё тело прекрасное — унесу тебя вдаль, как святыню.
И душа будет в юном и жарком согласьи с твоею.
Мне всё кажется: жили когда-то великие бог и богиня.
Был он бык — чернобок и упрям, и была она трепетной ланью.
Сотворило тебя сладострастное их сочетание...
Как священное чудо, почитаю тебя я отныне.

1921

МАЧТЫ

Всё мачты, мачты, мачты на домах —
Дома плывут без паруса куда-то.
То рябь, а то девятый вал и крах.
А тонкий шест — награда и расплата.

Свой курс у дома, выбор свой и след.
И пассажиры, кажется, в порядке:
Сидят — меланхоличен в окнах свет —
Средь рёва волн, средь их гремучей схватки.

Я вверх смотрю на эту суету,
Шестов прогнувшуюся пестроту, —
Их волны тупости и крови моют.

И к мачтам мудрости приник мой взор:
Людское око проколов в упор,
Пусть для высшего его раскроют.

1943

* * *

Тебя мы чтили, мщенья клинок...
Ты был в земле, когда тебя подъяла
Рука бойца, и сталь твоя сверкала...
Приникнуть к горлу деспота ты смог.
Но он дрожал лишь краткую минуту...
Ты разломился, ржавый и погнутый,
Осмеянный, ты лёг у наших ног...
Тебя мы чтили, мщенья клинок...

Мы любим вас, о цепи униженья,
Зовёте вы, звенящие, восстать...
Вам велено нам шею обвивать.
При каждом шаге каждое мгновенье
Наш горбится от яркой муки стан...
Но мы следы полюбим наших ран,
Когда цветами станут ваши звенья...
Мы любим вас, о цепи униженья...

ПАДУЧИЕ ЗВЁЗДЫ

(Сонет)

Мои глаза падучих звёзд полны,
Я собирал их летними ночами,
Когда, скользя средь сонной тишины,
Они сверкали кроткими лучами.

Я их собрал в полночном летнем храме,
Пока они, в паденьи с вышины,

Цвели ещё над дальними холмами
И, взрыв любовь, не умерли, как сны.

Моя душа отсель всегда светла.
Мои глаза — ларцы с лучистым кладом.
И в день, когда мне слишком тяжела

Скорбь нищего, и с горестным разладом
Тревога мрака входит в жизнь мою, —
Из этих звёзд я солнце создаю.

ПЕСНЯ ОБ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ты мне, язык армянский, мил, как пышный сад.
Средь древней чащи нашего былого,
Где —только мрак, твоё любое слово —
Как сочный плод, что я срывать, блуждая, рад.

Как пышный сад, ты люб певцу, язык армян.
Честь наших храмин, рощею зелёной,
В борьбе столетий, цвёл ты, полный звона,
И будешь цвести в веках, и сок твой будет прян.

В тени твоих деревьев я плетусь сам-друг,
Гляжу, в слезах, на ветви их и корни
И лишь дивлюсь, как жив твой шелест горный
Там, где гроза не раз сметала всё вокруг.

Груз сочных пёстрых гроздий — вот твои слова!
Твои слова, что в дивном зное зрели,
Слова, что здесь поют в моей свирели,
Звон сочных слов твоих, чьим мёдом грудь жива.

КАРАВАН

На горизонте караван в пути,
Я жду. Изгиб кривых горбов
Качается всё ближе меж холмов
И начинает серебром цвести
Своих уздечек. Жду я. Как недуг,
Пустынь неизъяснимый жажды зов
При звоне тех горбов и голосов
Встаёт в душе... Но гаснет солнца круг.
Во тьме бушует море предо мной,
Я то внимаю грустным бубенцам,
То женским и ребяческим сердцам.
Я плачу, что ушло всё, что ушло,
И след его ветрами замело,
А что ушло, то не придёт назад,
Как этот отгорающий закат.

БАЛАНС

Баланс! Что осталось, что от жизни осталось мне?
То, что давал я другим, странно, только оно!
Благословенья без смысла, умиленья во сне,
Истощение сердца, беззвучный плач заодно.
Но вернулось, как сладость, что роздал на стороне.
Чтоб окрепшим осесть на большие года,
Что любовь унесла, нет, то не погибло на дне,
Бог вернул мне всё, дав сиять в моих днях навсегда.
И сейчас вот, о боже, страданиям моим вопреки,
Пусть счастья ручей пересох, наслаждаюсь вином,
Могу опьяняться обильно я старым вином,
Не ропщу: что осталось? В яму легли тростники.
Пали дубы. Что осталось, что истинно верно?
Лишь утешенье, что солнца испили безмерно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всё в прошлом: город, краски сада
И часа ласка золотая.
И то, как ты прошла куда-то,
Благословенно молодая.

Ты шла нарядна и надменна.
И не ступала — уплывала!
Как будто небо вдохновенно
Тебя для глаз наколдовало.

Иду с лицом отяжелевшим
Туда, где жил твой шаг и шёпот,
Душа моя меня торопит!

Иду к шагам твоим ушедшим.
Где ты когда-то проходила,
Погребены навек светила...

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Тридцать мысов лежат предо мною.
Мой корабль, паруса напрягая,
К ним спешит. А под ловкой волною
Пасть акулы зияет, пугая.

Старый парус в нелепых заплатах.
Руль кривой — повернуть его трудно.
Ради мысов, зелёных, покатых,
Подновил я усталое судно.

Нас не тронули бури лихие —
Зыбь незримое делала дело
И проворнее грозной стихии

Разрушала мне душу и тело.

Я порою надежды лишался —
Несмотря на небесную ясность —
Тридцать мысов достичь... И решался
Мне предсказывать некто опасность.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желания грифы,
Вера канула в тёмное море.

За любовью любовь умирала
На руках моих, медленно тая.
Грёз попадало за борт немало —
Я над ними молитву читаю.

Лишь надежду растил я прилежно —
Я вскормил её сердцем певучим.
И росла, и мужала надежда,
Разгоняя внезапные тучи.

С нею сам я царил над собою.
Только билась она безуспешно
С изнурительной странной судьбою...
Злые души сгубили надежду.

Она маялась в тягостной муке.
Уложил её с горькой любовью
И сложил я бессильные руки,
И стою у её изголовья.

Тридцать мысов лежат предо мною.
Беспокойна стихия живая.
И акулы плывут под волною,
Труп надежды моей ожидая.

МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЖИЛ ДАВНО

Мне кажется, я жил давно в Элладе,
Имел Сократа разум и обличье.
И тайну бога самого постичь я
Умел, разгадки сокровенной ради.

Вот лучшие ученики под сенью
Акрополя мне преданно внимают,
Вникают в речь мою и увлекают
Меня навстречу саду и цветенью.

Владею речью мудрою и краткой.
Душа моя в их взорах отразится!
Лиричны эти трепетные лица,
Как островки, омытые загадкой.

О мудрость! Ты прекрасной и нетленной
Являешься в холмах мне сиротливых,
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.
Они же — обновление вселенной!

Неважно, что камнями и хулою
Толпа меня встречает. Обречённый,
Испить я должен чашу смерти чёрной...
Ученики отторгнуты толпою.

О мудрость! Преклоняю седину я
Перед твоей всезнающей улыбкой,
Она на горных склонах, в дымке зыбкой
И на земле живёт, меня волнуя...

БАШНЯ

Чтоб душу защитить от злых ветров,
Чтоб волны лет её не источили,
Пока был в силе я, пока был в силе,
Построил башню — гордый, прочный кров

Над морем, под жестоким небом... В этом
Укрытии живёт моя душа.
Не спит мой разум, душу сторожа,
И дверь закрыта перед белым светом.

Пусть волнами стучится белый свет,
Но с моря путника давно не жду я —
Ни для кого здесь места больше нет...

А если буря, с башнею враждую,
Хлестнёт волной и кинет мне предмет,
Обломок прошлого в нём разгляжу я...

* * *

Зима и злая стынь кругом.
И жизнь в ладу с календарём:
Короткий день и долгий холод.

Дороги голые. И голод.
Следов весны мы не найдём
При всём усердии своём.

Но, вопреки календарю,
Вчера была весна и лето.
Душа и тело помнят это...

А впрочем, что я говорю!
Густые сумерки. Зима.
И на пороге — только тьма.

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

Даниел Варужан родился в крестьянской семье 24 апреля 1884 года в Западной Армении в селе Багрник. В 1896 году семья переехала в Константинополь. Учился в Венеции (с 1902 года). В 1906 году поступил в Каннский университет. Писать начал с 13-ти лет. В поэзии Варужана отразилась трагедия армянского народа Западной Армении. Даниел Варужан также автор стихов, воспевающих крестьянский труд и жизнь рабочих. Он одним из первых в армянской поэзии писал о трудной жизни рабочих людей. О своём сборнике «Песни хлеба» (начал писать в 1912 году, книга вышла в свет в 1921 году) Варужан говорил: «В этом сборнике будет воспета родная земля, труд пахаря и спокойное величие сельской жизни».

Даниел Варужан был арестован турецкими властями 11 апреля 1915 года; убит 13 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

Есть хата; в ней — колыбель;
Из кипариса она.
Вкруг дико воет метель
И сов насмешка слышна.

Со сводов виснет седых
Бус синих, синих овал.
То слёзы неба, но их
Жестокий холод сковал.

Там копоть, сырость, капель...
И там безмолвно в тиши
Качается колыбель,
Как месть в глубинах души.

То — место, где армянин
Мятежных кормит детей,
Где цвет лобзаний — один:
Кровавой розы алей.

Там нежных слов не слышать,
Под песнь любви не уснуть:
И мгла там — строгая мать,
А молний вспышка там — грудь.

В слезах, лишённый всего,
Ребёнок должен там жить;
Там случай зыблет его
И друг приходит кормить.

Но там, под синью тех бус,
Герой, быть может, сокрыт.
Как в яслях спал Иисус,
Освободитель там спит!

ПЕРВЫЙ ГРЕХ

Каждый день на горах и в ущельях пасла
Своего синеглазого козлика дева;
И на лилии ноги босые её
Наступали в уверенном шаге...
И струились по белой открытой груди,
Как шафран, золотистые косы;
И ни мирт, ни жасмин на её голове,
Как ланитные розы не вяли.
Дева пела всегда, и смеялась в душе
Её песня. Из краешка неба
Было сшито лазурное платье её.
И пастушечий посох в безгрешной руке —
Древний змей, превратившийся в камень, —
Веткой персика стал...
И когда на прохладный ручей ввечеру
Пригоняла козлёнка она,
Сквозь деревья украдкою месяц
Пробирался следом за ней.
Он, наверное, — глаз вожделений
Иеговы, любовника дев.

Но однажды услышала голос она,
К роднику её звавший в долину.
Он, как звучная песня, её чаровал,
И внимал ему белый козлёнок,
Шею вытянув, с длинной травинкой во рту.
Ибо песня та новою песней была:
«Вниз сойди, о невинная дева!
И под тенью смоковницы мне принеси
Синеглазого козлика в жертву!
Принеси его в жертву и ведай, что я —
Этих гор всемогущий владыка,
Что моим дуновеньем, по воле моей
Серебром заструятся потоки,
Чистым золотом станут ручьи;
Там, где я поцелую к земле прикоснусь,
Дрожь желанья по ней пробежит;
Станет лилия розой на персях моих
И царицею девушка станет,
Я цветами наполню луга, превратив
В них горячую кровь твоей жертвы.
И тогда не козлёнок ты будешь пасти,
А пастушкою бабочек станешь!».
Долго слушала дева, и эти слова
Будто в сердце её говорили,
И под звёздами молча вздохнула. Потом
Посох свой подняла, подчинясь волшебству,
К вожделением полной долине.

Здесь ручей, здесь смоковница, чувствуешь ты
Дух Самца, что шафрана и тмина
Благовонием плотно окутал тебя?
Принеси твою жертву немедленно!
И на гладких и светлых камнях у ручья,
Там она положила козлёнка;
И рожок его в мокрый зарылся песок,
О, каким сладострастным и сладким был миг!
И казалось ей, белый козлёнок её
Будет так же резвиться и прыгать
На покрытом цветами лугу.
Ведь она никогда не слыхала про смерть,
И запела она об одном
Наслаждении, что обещает
Принесение в жертву себя.
О весне своей юности пела она,
О своём гармоническом теле.
И её миновал умоляющий взгляд
Синеглазого козлика. К шее,
Опьянённая страстью, приблизила нож
И вонзила с весёлою песней.

Так у ног Соблазнившего Духа она
Принесла свою первую жертву.

Но от жертвы её не раскрылись цветы,
И не стала пасти мотыльков...
Замутилась от крови струя родника,
И козлёнок не мог уж в холодной воде
Выпить звёзды блестящего неба.
В травах посох покрылся опять чешуёй,
Став шипящей змеёю, как прежде;
И за тёмными скалами скрылась луна.
А она, окружённая тьмою,
Над убитым козлёнком стояла одна
И, рыдая, омытою кровью рукой
К мокрым векам своим прикоснулась...
И пока на челе её вянул жасмин,
О грехе своём плакала дева...

МЕРЦАЮЩАЯ ЛАМПАДА

Ночь победы нынче, невестка моя, —
засвети лампаду скорей.
Сын вернётся с войны в родные края, —
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —
поднеси лампаду к двери.
Сын приехал с лаврами на челе, —
поднеси лампаду, смотри!..

На телеге тёмный плат кровавой...
Посвети среди темноты...
Ранен прямо в сердце мой сын — герой, —
погаси же лампаду ты.

ПЕРВОЕ МАЯ

Мир от Востока до Запада! Нынче
я созываю лирой своей
людей
сырых, не знающих солнца
лучей.

Первого мая себя я увидел
в зарослях роз, распустивших бутоны...
Сок земли
жадно я выпил, песни гнездовой в душу
вошли.

Люди, приблизьтесь, — ведь я чародей,
пот превращу в россыпь ценных камней,
в росы полей.
Влить в ваши кости солнечный жар
в воле моей.

С мрачных заводов идите ко мне вы!
Мир трачен молью. Мира основы
новы, —
создали вы их. Ко мне, мукомолы,
седы от половы.

С верфей идите ко мне, корабелы!
Трюмы ведь вашими станут гробами.
Рядами
из чрева болот восстаньте и двиньтесь
полями.

Идите ко мне вы, ко мне все идите!
В сердце моём столько света без меры,
что я из серой
пыли слеплю Человечество внове,
полное веры.

Хватит томиться в подвалах безглазых,
воздух хватая жадными ртами,
жить кротоми...
Голод, как ржа, липнет к людям
годами.

Пусть не стучит молот о наковальню,
пусть затупятся зубья пилы
о стволы,

и пусть ржавеет вонзённый топор
от смолы.

В день Первомай машины — сироты.
Надо ль сегодня стоять за станками,
руками
вертеть колесо и следить
за ремнями?

Скиньте рубахи, пропахшие потом,
бросьте шапчонки рваные следом, —
при этом
головы ваши окутаю солнечным
светом.

Братья, идите ко мне вы, идите!
Все мы сегодня с праздником. Маем
славим
землю творящую, с кровью творящей
смыкаем.

Ветер овеет страждущих души.
Раны откройте его дуновенью,
как исцеленью.
А родниковое благословенье
словно свеченье.

С персиков цвет осыпается ливнем.
Руки в благоухающем цвете.
В эти
минуты кедр затоскует
обо всех нас на свете.

Солнце на небе. Смотрит на вас лишь,
к вашим лишь лбам прикоснулось устами.
Правящих вами
солнце обходит в презренье
лучами.

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдёте, и грянут
звонко фанфары.

Птица для вас запоёт над вершиной,
буду на лире я петь, не струну
я натяну,
крепкие нити жилы орлиной, —
гром на страну!

Пусть вам пороги усыпят цветами.
А лишь луна дивный лик свой покажет, —

ласку окажет
и ваши двери сладким бальзамом
помажет.

ОДА

Славу я воспел тростниковым пером.
Посвящаю тебе, отчий край.
Средь платанов его вырезал я ножом.
Посвящаю тебе, древний край.
Я жрецов тростниковым пером воспел.
Свет из горла его заблестел.

Тростниковым пером я воспел тоску.
Посвящаю скитальцам родным.
Этот стебель растёт на чужом берегу.
Посвящаю смиренным моим.
Я воспел тростниковым пером невест.
Плач из горла его плыл окрест.

Тростниковым пером воспел я кровь.
Посвящаю вам, жертвы резни.
Оно, словно феникс, возродилось вновь.
Посвящаю погибшим в те дни.
Тростниковым пером я воспел язвы ран.
В тростнике жило сердце армян.

Тростниковым пером я воспел свой дом.
Посвящаю тебе, отец.
Я его нашёл над засохшим ручьём.
Мать свою воспел я, певец.
Тростниковым пером воспел свой порог,
Шёл из горла пера дымок.

И воспел я борьбу за честь и добро.
Посвящаю армянам — бойцам.
Мех в горниле сердца — перо.
Посвящаю моим храбрецам.
Торжество тростниковым пером я воспел.
Огонь из горла пера летел.

ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомлённо.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспалённых.

Струна замолкла. В обмороке стон
Тут бродит. Тяжкий сон нетрезво дышит

Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Надкусан был он опьянённой женщиной —
В неё он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мёртвой бабочкою пышнокрылою
На стуле веер кем-то позабыт.

А из двери, в ночи открытой настезь,
Вздых мускуса ещё не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,
Исподтишка целует раб рабыню.

ИЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу, чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячему миру
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той наготой
Нам терзаться, не смея при этом
Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Убиенным мне быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

О, ТАЛИТА...

Красным светом горит и горит во тьме
Погребок твой, о Талита!
Пива мне! Пусть по пальцам твоим бежит
Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —
Весь холёный и тонкий весь.
И неважно, что всякий простолюдин
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо
Под назойливый липкий грим.
Будят похоть они в дряхлом теле вельмож —
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что вырастил «свет», —
Только деньги в почёте у них.
Услаждают себя они страстью собак
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!
Сядь ко мне на колени скорей!
Пусть покажутся икры в чёрных чулках
Под короткою юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,
Пусть поёт захмелевший ашуг
И слепые зрачки устремляет на нас,
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои —
Отразит их хрустальный бокал.
Опустись — не спеши — на колени мои,
Чтоб желания миг созревал.

И неважно, что губы твои матросня
Искусала, — скорей забудь,
Что пролился пот вождельенья густой
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,
Как беспечный пьяный солдат.
Выжму кружку до капли последней, а ты
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,
Святотатствовать, чтоб не рыдать.
И плебейке принёс я душу свою,
Чтоб за кружку пива продать!

РУБЕН СЕВАК

Рубен Севак — псевдоним Рубена Чилинкаряна. Родился Севак 15 февраля 1885 года в селе Силиври близ Константинополя. Начальное образование получил в Константинополе. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета. Работал до 1914 года врачом в одной из больниц Лозанны. Многие стихотворения Рубена Севака посвящены национальной трагедии армян Западной Армении, в лучших его стихах преобладают гражданские и социальные мотивы. Севак писал о жизни и борьбе европейских рабочих. Рубен Севак — автор дидактических рассказов «Страницы, вырванные из дневника врача» (1913 — 1914).

Рубен Севак был арестован турецкими властями в 1915 году и убит в Константинополе 26 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ТРУБАДУРЫ

Взгляни на трубадуров — вот они!
Беспечны, ветру вольному сродни,
На площади теперь они играют.
И люди ставни полуоткрывают —
Послушать их. Невыносимый зной.
Но всё поют слова любви смешной
Трубадуры.

Необычайны лица у мужчин,
А спутницы в отрепьях. Им — один
Удел бродяжничества и лишений.
Брезгливой улицей унижен гений.
Но вдохновенен их заветный труд.
От голода, но с песнями умрут
Трубадуры.

Ветра, невзгоды — жизнь горька, грустна,
Печалью чёрной до краёв полна.
Познание жизни в их улыбке томной.
Но есть и радость в их судьбе бездомной.
Взъерошенных волос каскад седой
И смех бунтарский, вечно молодой
У трубадуров.

Ведёт искусство их тропой одной
От лоз весёлых, что возделал Ной,
До желтизны медлительного Нила
И до Урала, где их поманила
Гряда багряной Огненной земли.
Друзей похоронили там, где шли,
Трубадуры.

Железный и машинный этот век
Их радостного духа не рассек.
В столицах, там, где золото кумиром,

Свои сердца они вверяют лирам,
В труде возвышенном пылают дни.
Природы вольной сироты они,
Трубадуры.

Меня возьмите — из страны в страну.
Я жизнь иную, новую начну.
Рыдая, петь и равнодушие бычье
Осмеивать; познать земли величье,
Опасности стремнин и горных рек!
Мы — пилигримы скорбные навек —
Трубадуры.

Мы — пилигримы, мы — поэты, мы —
Свободные и гордые умы,
Владыки песни. Мы — в туниках рваных,
Нас душит голод, наше тело в ранах,
Мы непонятны, мы — трагедий весть,
Поэты и пииты! Мы и есть
Трубадуры.

Из раны сердца наша песнь возшла.
Судьба забывчива, коварна, зла.
Другим она сулила ликованья,
Стол пиршества. Дорогою изгнанья,
На три тысячелетья опоздав,
Идут, готовы к смерти у канав,
Трубадуры.

Но не скорби! Ужель ты не богат?
Всё наше; вдохновение — твой сад.
Всё наше — росный луг, закат безмолвный,
Цветенье розы, и морские волны,
И кладбище с могилою в тени.
Похожи на былых богов — одни
Трубадуры.

Мы едко осмеём с пером в руке
Коварство мира в краденном венке.
Мы смертники, но не умолкла лира:
Мы — не рабы у властелинов мира.
Свободу слова защищай, как лев!
В нас яд, но мы бессмертны, умерев,
Трубадуры.

Ужель необходимо нам на торг
Нести сердца, чтоб вызывать восторг?
Нет, служим цели мы одной, великой,
Слагая наши песни для рамика.
Кто «смерть однажды лишь» — изрёк? День тьмы —
Наш каждый день. Так умираем мы,
Трубадуры.

Смех соглядатаев нам нипочём.
Пусть подступает голод к нам с ножом.
Как пастыри, живём высокой целью
И человечество своей свирелью
Ведём вперёд, неся свободы весть.
Искусства мёртвого живая ветвь —
Трубадуры.

Ах, дожили мы до худых времён!
Кто благороден, — попран и казнён.
Во гробе сердце схорони живое!
Повсюду золота коварство злое.
Лишь мы одни всё те же. И сейчас
Любить желаем... Кто же любит нас,
Трубадуры?

Ты умерло, искусство славных дней,
Когда сливались жизнь и песнь. О ней,
О жизни, пело столько безымянных,
Шагавших в их плащах багряных
Из замка в замок, с лирою в руках.
И эта песня не умрёт в веках,
Трубадуры!

Гомер, ты трубадуров всех — отец!
Хвала тебе, божественный слепец,
Восславивший героев громогласных.
Моя мечта о всех творцах прекрасных
В любом столетии и в любом краю.
В певцах гоxtанских вас я узнаю,
Трубадуры!

Мне душно — сердце кто-то сжал в кулак, —
Когда смотрю сквозь ставню на бродяг.
Поют с натугой, вяло, как попало...
На плаху песню золото послало.
Свободное искусство — прах глухой.
Теперь поют с протянутой рукой
Трубадуры.

На площади, где беспощадный зной,
Канючит голос хриплый, жестяной.
Под эти звуки просит подаянья,
Проходим шляпу протянув в молчаньи,
Старик в морщинах резких, как рубцы.
Мы новой эры новые творцы —
Трубадуры.

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Мисак Мецаренц — псевдоним Мисака Мецатуряна. Родился в январе 1886 года в селе Бинкян (Западная Армения). В 1894 году семья будущего поэта обосновалась в городе Сваз. Здесь Мецаренц учился в местном училище. С 1896 года учился в Анатолийском колледже. В 1902 году на Мецаренца напали бандиты, избили его и нанесли ножевую рану. Вскоре у поэта началось кровохарканье и были обнаружены первые признаки туберкулёза.

Умер Мисак Мецаренц 22 июня 1908 года в Константинополе. За год до смерти поэта вышли в свет в Константинополе два стихотворных сборника Мецаренца «Радуга» и «Новые песни», принесшие ему известность как тончайшему лирику-гуманисту.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1956; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ТРЕПЕТ

Рой абрикосовых бликов
Жалит ночную вуаль.
С моря уходит печаль
В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко
Прячутся под синеву.
Душу мою наяву
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,
Воспоминанья любви
Быстро восходят в крови,
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это,
В радужной млея тиши,
Роет во тьме, близ души,
Тёплые борозды света.

1903

НА РАССВЕТЕ

(Сонет)

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой и кружится, и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,

Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлёт заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!

1905

СОНЕТ С КОДОЮ

Цветы роняют робко лепестки,
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грёзой сладостной объятom,
Так сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатом,
Льют нежный дух, клоня свои листки,
К ним ветер льнёт, и вихрем беловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.

Как гурии неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распуская,
Их белый сонм струится в водомёт;

Вода фонтана льётся, бьётся звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ребёнка,
Но сладострастно песнь её зовёт...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

1905

СУМЕРКИ

Деву заката

пурпурный красит наряд.

Но отчего я один

с грёзой печальной своею?

И отчего я теряюсь

в объятьях её и немею?

А над моей головою

благоухает гранат.

О лучезарный цветок!

Мимо прошла ты легко.

Что-то в душе моей

дрогнуло песней неспетой.

Ты улыбнись,

возвращаясь дорогою этой,

Мне —

света жажду я так глубоко.

Мгла опускается в душу мою,

где давно уже ночь.

И на заре ожиданий

снова тревожат сомненья.

Лишь пригубив
 розовый запах забвенья,
Вновь обращаюсь к тебе,
 чтоб себя превозмочь.
Стану под ясной луной
 или, быть может, впотьмах
Слушать рубиновый пульс
 грёзы своей напрасной.
Где же улыбка и свет,
 жизнью даримые страстной?
Как же мне сбросить тот груз,
 что у меня на плечах?
Ты приходи!
 Не дано изменить нам мечте.
Так я устал
 колесить в одиночку тропой незаметной.
Дождь моросит в мою душу,
 и дрожь стала смертной.
Праздно застыла рука
 в траурной пустоте.

1905

СОЛНЦУ

Юг прохладен и мягок, как поцелуй,
а душа моя жаждет нежных дней,
сладострастный поток сияющих струй,
о, пролей в мою душу, солнце, пролей,
в горькой мгле сокрыты муки мои,
бродят думы среди лесов и камней.
Солнце, болен я, —
лаской меня согрей...
У окна, ощутив полуденный зной
пламенной вечнозелёной мечты,
я, раскинув руки,
жду встречи с тобой.
В своей огненной сети сожги меня ты.
Обжигают твои поцелуи меня,
и пронзают они мою душу насквозь.
Я пойду по дороге страстей в свете дня.
Солнце! Болен я, — жить нелегко мне пришлось.
А душа моя — птаха летает в тоске,
истомившись по смеху, по песне простой.
Из гнезда песня взмыла невдалеке, —
задохнувшись, полёт окончила свой.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной!
Пока в ясном и сладострастном тепле
вижу я сумасшедший танец шмелей
и пока цветы и кусты на земле

замирают от жажды, —
душою своей
ощущаю покой я безоблачных дней,
ощущаю покой,
опьянённый весной...

Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной...
А колдун влажной ночи меня стережёт,
только сумрак падёт, — он меня уведёт.
Так последний уж раз,
так последний уж раз
ты обвей меня, солнце, горячей волной,
исступлённой и страстной,
в последний мой час.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной...

1906

В КАКОМ ОПЬЯНЕНИИ...

В каком опьянении деревья и в зной,
И в холод, в тени, под дождём свежи.
Нацелившись ввысь листвою вырезной,
Молодые совсем ещё деревца,
Стоящие вдоль пшеничной межи, —
Все деревья пьют лучи до конца.

В каком опьянении трава на земле
Отражает свет росинками глаз.
В каком опьянении цветы, замлев
Сияя росой, от неожиданных ласк
В любимых руках тускнеют, спалась.

В каком опьянении украсить готов
И солнечный луч, и холм-исполин
Свой лоб золотой венцом из цветов.
В каком опьянении с невест-долин
Красноногий журавль, взлетая, берёт
Вечернюю грусть в обратный полёт.

В каком опьянении зяблики пьют
Без устали свет, как солнечный мёд,
Забравшись тайком в садовый уют.
В каком опьянении, как снег белы,
Встречая восход средь розовой мглы,
Сои парят, золотясь в высоте.

В каком опьянении, дрожа до конца,
На свою постель в кисейную тень
Невеста-горlinkа ждёт самца.
В каком опьянении бражник раскрыл
Над озером, где сиренева мгла,

Паруса своих млечно-белых крыл.

В каком опьяненье к макам полей
И к белым цветам стремится пчела,
Чтобы сосать сосцы медоносных фей.
В каком опьяненье синеют моря,
И реки текут, и бурлят ручьи,
Голубеет глубь озёр, умирясь.

В каком опьяненье хотят уронить
Тяжёлые тучи, сгрудясь вдали,
Молоко дождей, чудесную нить
В золотой урожай голодной земли.
В каком опьяненье пьют этот хмель,
От зноя изныв, в сухоте земли,
И каждый росток, и каждая щель.

В каком опьяненье душу томит —
С деревьев в цвету летучий настой
То базиликов диких, то мят, —
Как ладанный дым, аромат густой.

В каком опьяненье от торжества —
Все краски, цвета, все формы вокруг,
Элементы все и все существа,
Отражая в себе, как радуга дуг,
Неведомый свет и блеск божества.

1907

ДАЙ МНЕ, ГОСПОДЬ

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
словно цветы, соберу среди ярких полей
радость во взорах женщин, детей и мужчин.

Дай мне, господь, к радости ясной прильнуть,
в бликах улыбок ощутить её добрую суть, —
как разноцветные спички, блики горят.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
как колокольцы, она прозвенит от дверей
и, как венок, увенчает каждую дверь.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
тусклые окна домов во мраке ночей
я разукрашу созвездиями её.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
но водопадом звонких и праздничных дней
не заглушу я плачи и скорби земли.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
в хладной обители души омрачённой моей

да не сокроется песни торжественный звук.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
хлеб на столе, — приглашу я в застолье друзей,
и осенит скромную трапезу крест.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
посохом радости гряну, примерясь верней,
в камень души моей, — хлынет блаженства вода.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
радость, как сеть, я раскину над гладью морей
иль, как сохой, борозду проложу по земле.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
вылью её на поля из кувшина дождей
или, как солнце, всем окоёмам отдам.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
я превращу её в плот, — в океане страстей
буду я плыть, обретая в пути идеал.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
каменщиков, землепашцев и косарей
в душу приму я свою, как братьев своих.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
долю, недолю, мглу и сиянье лучей —
всё, что в душе человеческой можно найти.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
что родились среди чаш, среди горных камней,
или в крестьянском жилье, или в дали дорог.
Дай мне, господь, почувствовать радость людей.

1908

* * *

Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна,
Напоена гашишем и бальзамом;
Я, в опьянении, иду, как светлым храмом:
Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна.

Лобзания дарит мне ветер и море,
Лобзания дарит лучей сплетенье,
Сегодня — праздник, в сердце — воскресенье,
Лобзания дарит мне ветер и море...

Но свет души, за мигмом миги, меркнет,
Уста иного жаждут поцелуя...
Ночь — в торжестве; луна горит, ликуя...
Но свет души, за мигмом миги, меркнет...

РАССВЕТНОЕ

Над крышами туман постлал клочки шелков, свой убор,
По-над дорогами, весь в дымке золотой, солнца лик.
А у стены ведёт свирель певучий свой перебор,
А на стене уже петух предутренний поднял крик,
И за стеной девичья песнь плетёт любви разговор.

Как разноцветные платки, порхает рой голубей,
Чуть развеваясь, прыг да прыг, о край дорог, стороной...
Вот луч косой, горя огнём, в лазоревый пал ручей...
И звонкий голос пастуха отдался в глади водяной...
И свежий утра поцелуй прохладе дня дал родник...

Перекрестись, в ладоши бей в огне зари, в блеске хны!
Рождѣнный солнцем юный день смеѣтся нам с вышины!
Среди ветвей, как звонкий дождь, заводит песнь птичий хор,
Как детский смех танцует свет, изменчивый ткѣт узор,
И аромат струят цветы, оттенков всех и всех форм...

ЛОДКИ

Лодки лёгкие
двинулись вдаль,
вожделеньем полны.
Зыбкий берег мечты позади,
а навстречу им ветер.
Ожиданьем я болен.
И пламя томит.
И мы в нём не вольны.
И беременно дрожью души
и огнём
предрассветье.
Абрикосовых красок рассветных
ночами я жажду до слёз.
Это утро меня ароматом волшебным приветит.
Я и щедр, и ревнив,
переполненный искрами грёз...
О подводные духи!
Верните мне лодки,
что угнаны бурей рябой!
Дуновения сумерек!
Лодки верните,
что угнаны вдаль ворожкой!

ПЧЁЛЫ

Мои желания — взлетающие пчелы.
Пронзая золотистую черту
И золотистой пылью морося,
Они взлетели светлым роем
И улетели за предел долины,
И, разрывая полумрак тумана,
Вдруг устремились к солнцу целым роем.
А солнце — золотой цветок тумана.

Так изумрудны, солнечны, рубиновы,
Впитавшие в себя все краски и оттенки,
Они взлетели из глухих ущелий,
С полян и ласковых полей пшеничных.
А я, отверженный, стою на берегу.
Мечта ленивая, но сладкая моя
Влечёт меня к далёким цветникам,
Где в этот миг расселись беззаботно
Моих желаний золотые пчёлы.

Ах, на заре
Мне снова колесить дорогой страха.
Я, переполненный до онемения чувств
Вином чернейшим ночи,
Опять обязан исходить
Крутые тропы собственной боязни.
И, заискрясь под черепом моим,
Возникнет в пламени святом надежда.
Моих желаний золотые пчёлы...
Их возвращенья с нетерпением жду я
После полудня в неурочный час.

Только они в дороге потерялись.
Уже стемнело.
Зря я, видно, жду
Их медоносного — с одышкой — возвращенья.

Я очень утомился, ожидая...
Сладчайший мёд моих желаний смутных
Томит меня — и неурочен этот час.
Да будет суждено мне ощутить
Ещё одно отравленное жало
Заблудших пчёл моих желаний.

ЗИМНЯЯ ЯСНАЯ НОЧЬ

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолуныя сладкое молоко.

Светозарна ночь, в ясной тишине
прелесть ночи волнами течёт,
от её мечты брызжет пряный мёд,
и прольётся он прямо в душу мне.

Голос призрачный, ночь моя, отринь,
ненасытно пить жажду твой нектар,
пусть исчезнет день, как белесый пар,
голову склоню у своих святынь.

Голову склоню у святынь твоих,
я молитвенно к ним челом приник,
и пока твой луч мне ласкает лик,
убежит мой взор от сует земных.

Безмятежна ночь, ночь полна мечты;
о, прими меня: губ молящих стон,
поцелуй души, разогнавший сон...
Ночь, прими меня в лоне темноты.

Нынче горько мне в комнате моей,
в ней пылала страсть средь вчерашней мглы,
и оплакали скорбно все углы
величайшую из людских страстей.

Ночь, ворвись в окно, чудна и сильна,
и наполни скорбью мой приют,
чтобы святость сладостных минут
пробудила бы от давнего сна.

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолуныя сладкое молоко.

ВААН ТЕРЬЯН

Ваан Терьян — псевдоним Ваана Сукиасовича Тер-Григоряна. Родился 28 января (9 февраля) 1885 года в селе Гандза (ныне Богдановский район Груз. ССР). Окончил в 1906 году Лазаревский институт восточных языков в Москве, учился на историко-филологическом факультете Московского университета и на восточном факультете Петербургского университета.

В 1917 году вступил в Коммунистическую партию, был активным деятелем Народного комиссариата по делам национальностей, избирался членом ВЦИК на III и IV съездах Советов. В 1918 году принимал участие в работе советской делегации, ведущей в Брест-Литовске переговоры о заключении мира.

Первый сборник стихов «Грёзы сумерек» вышел в свет в 1908 году в Тифлисе.

Умер Ваан Терьян 7 января 1920 года в Оренбурге.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в трёх томах, Ереван, т. I, 1960, т. II, 1961, т. III, 1963; на русском языке: Стихотворения, Л., 1980.

ИЗ ЦИКЛА «ГРЁЗЫ СУМЕРЕК»

ГРУСТЬ

Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, облелеяв во мгле трав белеющий цвет;
Вечерней порой, — легковеющий вздох, что ласкает кусты, —
Виденье прошло, женский призрак мелькнул, белым флёрот одет.

В пустынный простор бесконечных полей прошептала она.
Не слово ль любви прошептала она задремавшим полям?
Остался в цветах этот шёпот навек, словно отзвуки сна,
И, шёпот лова, этот шёпот святой, я склоняюсь к цветам!

1908

* * *

Хороните меня, лишь угаснет заря
И печального солнца усталый закат
Ослабеет, вершины огнём озаря,
А моря и равнины во тьме замолчат.

Хороните меня до ночной темноты:
В час, когда замирает дыхание дня,
Потухают лучи, засыхают цветы, —
В полумраке долин хороните меня!

Бросьте мне на могилу увядших цветов:
Пусть со мной разделяют спокойствие сна.
Хороните без слёз, хороните без слов...
Тишина, тишина, без конца тишина!

1905

* * *

Моё бедное сердце сжимает тоска:
— Где же ты, — я шепчу, — где же ты?
Здесь он, сладкий твой голос, но ты далека,
Вроде недостижимой звезды.

Я навстречу бреду бесконечным путём:
— Светлым сном не сойдёшь ли в ночи?
Не рассеешь ли грусть в тёмном сердце моём?
Не протянешь ли сверху лучи?

Среди ночи зову, среди ясного дня,
Но найду ли я в мире твой след?
Голос твой, он преследует всюду меня.
У тебя даже имени нет...

1908

* * *

Люблю глубину твоих грешных очей,
Их тайны темнее ночей.
Чарующа грешная тьма твоих глаз,
Как будто закат, что угас.

Трепещет в них грех, как мерцанье огня
Сквозь сумерки вешнего дня.
В них шепчет о счастье не знаемый мной
Туман золотисто-хмельной.

Манящий маяк в бессловесной тиши,
Глаза твои — мука души.
Люблю их жестокость, что нежит меня,
Как сумерки вешнего дня.

1905

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ты помнишь — был лес и родник под холмом,
Как в сказке, как в светлом радостном сне,
И вечер нам нежно шептал в тишине.
Ты помнишь — в далёком, далёком былом...

Ты помнишь — весь мир был пронизан лучом,
И вечной любви расцветала весна,
Волшебным нам голосом пела она.
Ты помнишь — был лес и родник под холмом...

Ты помнишь — спускалась в ночи тишина,
Как в сказке... Был лес и родник под холмом
Ты помнишь — в далёком, далёком былом...
Долина печали, жизнь горем полна.

1905

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда-нибудь я прокляну с тоской
Всю жизнь мою и, скорбный, одинокий,
Пойду и отыщу твой дом далёкий,
И постучусь дрожащею рукой.

О, как печально улыбнёшься ты
И дверь отворишь, не сказав ни слова,
И ты заплачешь пред лицом бывшего,
Увидев боль замученной мечты.

И сестринская доброта твоя
Душе моей дарует исцеленье.
Я молча обниму твои колени,
И разрыдаюсь, разрыдаюсь я...

1908

* * *

Позабыть, обо всём позабыть,
Обо всех позабыть,
Не желать, не жалеть, не любить
И уйти...
Неужель в эту боль и печаль,
В темноту бытия
Упадёт хоть бы луч забытья,
Светлый луч забытья?..
Хоть на миг обо всём позабыть,
Обо всех позабыть,
Среди мук, среди мрака застыть,
Каменеть одиноким...
Позабыть, обо всём позабыть,
Обо всех позабыть,
Не мечтать, не роптать, не любить
И уйти...

1908

ИЗ ЦИКЛА «НОЧЬ И ВОСПОМИНАНИЯ»

ПЕСНЯ УЛИЦЫ

Под окнами рыдает без конца
Больная песня странника-певца.
Её давно я слышал и хранил:
Казалось мне, я сам её сложил,
Казалось, в ней — рыданье горьких дней,
Казалось, о тебе пою я в ней...

1909

* * *

В угрюмых безднах бесконечной ночи
Ты, сердце, бьёшься, как в стенах тюрьмы.
Я заблудился и устал — нет мочи,
И некому позвать меня из тьмы.

Ночь распростёрла траурные крылья.
Одна лишь ночь — отчаянью в ответ!
Искать и ждать — напрасные усилия.
На сладостную ложь — надежды нет.

Рыдая, ветер бьётся в бездне тёмной.
Кто эту ночь простёр в немой глуши,
И почему безмолвен мир огромный?
Кто потушил огонь моей души?..

1909

НА РОДИНЕ

Медлительна поступь коня моего,
И скучен мне этот извилистый путь.
Не помнить, молчать, не желать ничего,
Отбросить мечты, согревавшие грудь.

Отчаяньем тёмным отмечен мой шаг,
Безмерная горечь на сердце моём,
Вокруг разоренье, гибель и мрак.
Дотла ты разрушен, родимый мой дом.

Нас чёрные ночи давно облекли...
Куда б ни пошёл я главу приклонить,
Нигде не найду я родимой земли
И горя в пути не смогу позабыть.

На севере этом, холодном, чужом,
Упасть и исчезнуть, уснуть навсегда,
В забвенье кануть с тобою вдвоём,
Мой дом, отошедший в былые года.

Жестокая память — терзающий враг,
И болью мучительной сердце горит,
Всё — гибель и мгла, разрушение и мрак,
Извилистый путь темнотою покрыт.

Чем дальше бреду я, тем тягостней он,
Тем с меньшей надеждой гляжу я кругом.
Тебя уже нет, ты преданье и сон,
Ты стал сновиденьем, родимый мой дом.

НЕЖНОСТЬ

Сегодня будь мне сестра,
Чиста, спокойна, добра, —
Обнимемся, посидим.
О, посидим до утра!

Сегодня будь мне как мать —
Чутка, любовна, нежна,
К постели, плача, присядь!..
Как темь ночная черна!

Изныло сердце, болит,
Любя, его освежи.
Забыт мир сказок, забыт,
Но сказку мне расскажи.

МОИМ ПЕСНЯМ

Среди равнодушных людей,
И холода, и пустоты
Кто встретит вас лаской своей,
Напевы мои и мечты?

Когда в осквернённые дни
Пир жизни бесстыдно идёт,
Кто будет душой вам сродни,
Кто ваши печали поймёт?

И кто отзовётся потом
На всё, что в вас болью звучит,
Кто бережно в сердце своём
Ваш грустный напев сохранит?

К кому же вы проситесь в грудь,
Рождённые горем моим,
И есть ли ещё кто-нибудь,
Кто вашей тревогой томим?

ИЗ ЦИКЛА «ЗОЛОТАЯ СКАЗКА»

ПРИЗРАК

В час вечерний, когда от дневной
Удаётся остыть суеты,
Появляешься передо мной —
Как безмолвно и вкрадчиво ты
На колени садишься ко мне,
Как мы счастливы наедине...

Припадаю к лицу твоему,
Твоей призрачной лаской согрет,
В час вечерний, когда ещё тьму
Разбавляет слабеющий свет, —
Как размыты родные черты,
Это тень твоя, тень, а не ты...

1912

В ВЕСЕННЕМ ГОРОДЕ

На улице — шум и топот шагов,
На бледности лиц играет улыбка;
В пыли золотой — громады домов,
И к небу деревья тянутся зыбко.

Ещё не просох весенний бульвар,
Но дети кричать в аллеях так рады;
Теперь все слова исполнены чар,
Как стрелы теперь случайные взгляды.

Всё стало родным: плита мостовой
И старая песнь, что слышал украдкой;
Свобода в душе, безгневный покой,
И самое горе сделалось сладко.

Всё мило теперь: и девушек взор,
Подобных цветам, и необычайный
Разряженных дам богатый убор —
Всё полно сегодня сладостной тайной.

Сердца-мертвецы, как в поле цветы,
В пыли золотой теперь оживают;
Волнением сладким хмелен и ты,
Заботы былые тают и тают...

О, благо вам, песнь, мечта и любовь!
Привет тебе, жизнь, безграничность стремленья!
Привет тебе, ночь страдания вновь!
И муки и смерть, вам благословенье!

ТАИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Умерев, каждый вечер она,
Покидая ночную страну,
Навещает меня и, бледна,
Ждёт, когда я к ней молча прильну.

Умирая, сказала: приду,
Обещала прийти, умерев, —
И приходит, как призрак, черту
Между жизнью и смертью стерев.

И не ведаю, мёртв или жив.
Дышит жарко, как розы в саду.
К тайне светлой меня приобщив,
Снова на ухо шепчет: приду.

В час, когда за окном городской
Шум стихает и говор дневной,
Светлоликая, гладит рукой
Мою руку и грезит со мной.

Так сидим мы — и нам не темно, —
До рассвета в лучах фонаря,
Вот он гаснет, и, глянув в окно,
Очарованно шепчем: «Заря!».

1910

КАРУСЕЛЬ

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Сказка... Жаркие чары, мечты,
Радость розовой дымкой плыла.
Мне с притворною нежностью ты
Улыбалась, как солнце светла.

Клятвы, ласки, — в огне голова,
Опьяняет нас музыки звук.
Лжём ли мы, или — наши слова?
Мы ли — мир ли распелся вокруг?

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Нам мерещился, солнцем согрет,
Край желанный в далёкой дали.
Улыбнулись, блеснули — и нет,
Нет их, грёз, — отошли, отцвели.

Стоны, жалобы, злая печаль...
Ты ли плачешь, иль мир зарыдал?

Сон затмился, обманчива даль,
Наш восторг — равнодушием стал.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Повторяешь ты в памяти всё ж
Эту песню минувшей поры,
«Я люблю, ты не любишь», — поёшь,
Как слова те запеты, стары.

Ночь, аллея, и вальс в тишине —
«Невозвратное время»... Луна...
Смех, объятья... Невесело мне,
Эта жизнь нам приелась, скучна.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Пляс неистовый, кружит нас бред...
В тайну песни той вникнем, друзья:
Ни конца, ни начала в ней нет,
Ты — вчера, нынче — он, завтра — я.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ»

* * *

С зарёй на эшафот поднялся он.
(О, горький окровавленный рассвет!)
Стояла стража с четырёх сторон,
Как бы храня молчания обет.

Старик священник спрятал скорбный взор
(Молитвы не припомнив ни одной),
Шептало сердце старику: «Позор!
Проклятие — вот долг священный твой!».

В багряной мгле струился сноп лучей...
Потупясь, мрачный офицер шагал.
(Не вспомнил ли о матери своей?)
Позолотило солнце склоны скал...

С зарёй на эшафот поднялся он.
(О, горький окровавленный рассвет!)
Стояла стража с четырёх сторон,
Как бы храня молчания обет.

* * *

Умолкли песни гордые слова,
Их заменили стоны и рыдания,
Мрак обнял душу — но она жива,
Хоть и хранит зловещее молчанье.

И выстроились чёрные полки...
Ещё вчера без боли, без печали
Звенели песни, словно родники,
И улицу на подвиг поднимали.

Жестокий враг ликует ныне вновь,
Он душит нас кровавыми руками,
Пьёт наших братьев праведную кровь,
Глумясь над нашими слезами.

Но час настал, и место нам — в строю!
Уже полна отравленная чаша.
Не дрогнем мы в решительном бою,
Нам только плен позорный страшен.

И в этот час, когда беда грозит
Оковами порабощенья,
Изменник тот, кто не зовёт к сраженью,
Предатель тот, кто меч не обнажит!

ОКТАБРЮ

Прочь, осень, с тоской беззвучного плача!
Привет мой тебе, разгневанный гром!
Привет мой борьбе, звенящей мечом,
Могучей как свет, как слово горячей!

Отдайся, душа, волнению боя,
Ты, песня моя, бесстрашно гори!
Чтоб кончилась ночь расцветом зари,
Грохочет гроза великой борьбою.

1907

ИЗ ЦИКЛА «ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ»

* * *

Осень, дни холодеют уже,
Ночь уходит в туман за рекою.
Сколько нежности ныне в душе,
Сколько в ней тишины и покоя!
Светлой грустью мой дух осенён,
Сердце сладкая боль наполняет:
Всё — ушедшие грёзы и сон,
Осень золото наземь роняет...

* * *

Ты видишь — эта жизнь как быстрый сон
Проходит, становясь воспоминаньем.
Кто лёгкий стан твой обнял и признаньям
Внимает, упоён, заморожен?..
Кто сочетает в сокровенный час
Твой смуглый пламень с новыми огнями,
И чьи глаза отображают пламя
И блеск твоих миндалевидных глаз?..

Зимою повстречалась мне весна,
И тот январь был горячее мая.
Что случилось? Что осталось? Я внимаю
Тоске, которая навек верна.
Ей голос дан, её не превозмочь:
Поёт и день и ночь, и день и ночь...

* * *

Опять спустилась ночь, опять! И снова
Ты — одинока, ты — обнажена.
Во власти ты смущения больного,
И страхом, страхом снова ты полна!

Как лист, встречая ветер предосенний,
Трепещешь ты, как стебель камыша,
Ты пред собой сама без сил, без охранений,
Ты пред собой сама — моя душа!

1913

* * *

О нежность, походящая на боль!
Я не знавал столь горькой и мятежной.
Столь исступлённой и пугливой; столь
Безжалостно переходящей в боль.

Последняя она, — не оттого ль?
В ней затаился пламень безутешный.
О нежность, походящая на боль, —
Я не знавал столь горькой и мятежной!

ИЗ ЦИКЛА «СТРАНА НАИРИ»

* * *

Песни Армении слышу опять,
Песни, что так на рыдания похожи.
Их, чужеземец, тебе не понять,
Их не поймёшь, чужеземка, ты тоже.

Грустны, и скорбны, и горьки они,
Однообразны, но так мелодичны,
Сердцу, сожжённому горем, сродни,
Духу, сожжённому болью, привычны.

Бедны деревни у нас, и везде
Смуглые лица с печалью во взоре,
Весь наш народ в безысходной беде,
Вся наша жизнь — безысходное горе.

Как же нам в песнях своих не стонать,
В песнях, что так на рыдания похожи?
Их, чужеземец, тебе не понять,
Их не поймёшь, чужеземка, ты тоже.

1915

* * *

Ты не горда, страна моя.
Ты с мудростью печаль сплетаешь.
Заветы давние тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою
Тебе любовь моя и радость?
Как ты, и я покорно пью
И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья, —
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыдания.

Люблю я бедный твой наряд,
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

1915

* * *

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть — та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел, и глубок,
Жжёт и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок,
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет в страхе мысль моя:
О, воссияй, мечта Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?

1913

* * *

Как не любить тебя, родная, бедная,
В скорби покорной страна опалённая,
Снова мечам остроблещущим преданная,
Ты — богородица, семь раз пронзённая!

Словно урок выполняя заученный,
Жертва безвольная, всё отдавала ты.
Ты не была ль непорочною мученицей,
В крестном страдании кровию залита.

Душу, горящую пламенем, дарственно
Ты без вины отдала за вселенную;
Ты, величавая, скромная, царственная,
Смерть принимала и муку бессменную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
Ревность прими, как доспех, богатырскую,
Смело затепли во мраке таящую
Огнекрещённую душу наирскую!

1915

* * *

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленник, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

* * *

Я устал от бесчисленных книг.
Унесите меня, унесите
И от слов этих умных спасите.

Унесите в родные поля,
К нашим гордым отвесным отрогам,
К светлым нивам и тихим дорогам.

Унесите от тягостных дум,
Изо тьмы вездесущей и вечной,
К той поре моей детской, беспечной.

И спасите от зла и меча,
От разящего мудрого слова.
Возвратите в сень отчего крова...

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нём тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.

Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несёт свою волну
И тихим лепетом тревожит тишину,
Волнение грозных бурь скрывая в глубине.

Ты в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ СВОБОДЫ»

* * *

Разрушайте безжалостно каждым ударом,
Одряхлевшего мира крушите устои!
Не оставьте и камня на камне! Пожарам
И ликующей смерти предайте бывшее!
Пусть угрюмые тюрьмы обрушатся разом,
Пусть, гремя, разлетятся последние цепи,
Что томили когда-то и душу и разум!
Сокрушительной бурей промчитесь в веках,
Этот мерзостный мир до конца уничтожьте,
Обратите во прах!

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

На братский ликующий зов в ответ
Откликнулись звонкою песней дали.
Сегодня последняя ночь печали, —
Мы тёмному миру приносим свет.

Бродила нужда по пустым домам,
И ползало чёрной змеей страданье...
Несём мы не жалобы, не рыдания —
Мы весть о свободе несём друзьям.

Мы будим уснувшего: не дремли,
Ты слышишь набат последнего гнева?!
Воспряньте под радостный гром запева
Вы, вечные труженики земли!

За новое дело, друзья, скорей!
Трубите же, трубы, ликуй, природа,
Зарёю багряною восхода,
Красное знамя, свободно рей!

* * *

В пустыне одиночества когда-то
Я остывал душой, но как-то раз
Мне грудь оледеневшую потряс
Призывный звон далёкого набата.
Огонь прожёл меня, взыграла кровь, —
Взволнованный, я в мир вернулся вновь.
Всё в нём шумело, грохотало, пело,
Последнее сражение в нём кипело.
И засверкала песнь навстречу мне.
Привет вам, о спасительные звоны,
Шум новой жизни, в схватке зарождённой,
И утро, восходящее в огне!

ГАЗЕЛЛА ЛИКОВАНИЯ

Посвящаю бессмертной памяти
незабвенного Степана Шаумяна

Сердце твоё — жертвенный свет — храни горящим!
Сердце твоё — пламя побед — храни горящим!

Сердце горит, его огонь храни горящим!
Радость — твой щит, сердце завет — храни горящим!

Факел во мраке чёрных ночей — храни горящим!
Алых знамён пламенный цвет — храни горящим!

Вблизи, вдали родной земли — храни горящим!
Сердца обет, розы привет — храни горящим!

Взойдётся на костёр — пламя его храни горящим!
Сердце-солнце без счёта лет храни горящим!

1919

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Рассекая пустыни простор голубой,
Золотые проходят опять караваны.
Караваны твои в стих мой вносят с собой,
О дервиш бесприютный, свой шум многогранный.
Мне баюкают сердце, больное тоской,
Караваны твои, исцеляют мне раны,
Вновь душе моей радость дают и покой.

1917

* * *

Для всех народов день уже сияет новый,
А над отчизной ночь по-прежнему темна.
Над родиной моей всё тот же мрак суровый...
Живые силы! Вам пора восстать от сна!

1917

* * *

Так было радостно, светло
Моё искусство — дар заветный.
А жить так было тяжело,
Так неприятно, беспросветно.

Я душу миру открывал,
Я верил в святость вдохновенья,

Мне был неведом дух сомненья,
На жребий свой я уповал.

1919

* * *

О, почему я не угас
В те дни, когда душа пылала,
Шум будней не мешал нимало
И бытия был внятн глас...

1919

* * *

Пьян, пьян я, томит меня хмель,
Беспечный, сползаю на дно.
Кружи нас, корчма-карусель,
Баюкай, баюкай, вино!

Пусть злой меня жребий настиг,
Бездомный, сражён я, сражён,
Всё ж бьётся в горячке мой стих.
О, длись, этот сон, этот сон...

Мне сладко в соседстве твоём,
Жеманную слушаю речь;
Пусть грудь полыхает огнём
И жизни уже не сберечь.

Мы пляшем под пьяный галдёж,
Как духи скользим меж планет...
А завтра в газете прочтёшь:
«Безвременно умер поэт...».

Ноябрь 1919

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

АКОП АКОПЯН

В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосягаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела —
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречён,
Уже прочтён твой смертный приговор».

1919

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Жизнь моя! Как прекрасен твой зенит!
Всех плодов запретных я вкусить сумел,
Всех боёв отзывом сердце моё гремит,
И главу мою серебрит почётный мел.

Подошёл и стал над обрывом... Новый путь
Иль могилы темень ждёт меня впереди?
О, помедли, смерть, хоть на миг обо мне забудь!
Ярой жизни ключ загремел у меня в груди.

Он гремит о том, что будет высокий бой,
Мой последний бой, в котором исчезну я,
Мой девятый вал, который придёт за мной
И вольёт в себя и на гребень взнесёт меня.

Я ведь капля только в великой твоей волне,
Что на мир несёт свой гремучий седой прибой,
Я ведь капля только — дитя тех туч в вышине,
Что от века должны прогреметь и упасть грозой.

1920

СТЕПАНУ ШАУМЯНУ

Лазурное небо полуденных стран
Синело в глазах у тебя, Шаумян,
А сердце твоё, как седой океан,
 Не ведало дна, Шаумян.

Не колокол мерный, зовущий во храм, —
Твой голос подобен был грозным громам.
Он гордо звучал, призывая к боям,
 Он нёс вдохновение нам.

Как молния, слов твоих пламень сверкал,
Струился в словах раскалённый металл,
И враг, их услышав, в испуге дрожал,
 Скуля, как побитый шакал.

Ты вовсе не умер. Ты ожил в других,
Ты столько посеял семян золотых,
Ты вырастил столько бойцов молодых,
 Что мир загляделся на них.

Нас всех твоя смерть, Шаумян, потрясла,
Мы будем бороться, сжигая дотла
Наследие зла.
 Смотри, мы идём без числа.

Свой гнев справедливый мы не укротим,
Идя по путям светоносным своим.
Клянёмся, что мы победим!
 Прощай, Шаумян! Победим!

1920

СВЕРЧОК

Поёт — сверчок
 в дупле глухом.
Спадает зной
 в саду ночном.
Цветок с цветком,
 трава с травой
Беседуют
 между собой
Под голосок
 сверчка ночной.

1920

ЭЙ, БАКУ...

Эй, Баку, беспокойный каспийский простор,
Возвратился к тебе я опять!
Ты влечёшь, ты волнуешь меня до сих пор,
Только чем — не умею сказать.

Разве тем, что навеки я связан с тобой
Днями юности бурной моей,
Что доносит ко мне твой кипучий прибой
Гул борьбы её, всплески страстей?

Не могу я постигнуть, каким колдовством
Так пленить моё сердце ты смог.
Сколько бед натерпелся я в пекле твоём,
Сколько вынес лишений, тревог!

Я годами вдыхал чёрной копоти яд,
Но от вышек твоих вдалеке.
Как он сладок был мне, нефтяной аромат,
Как рвалось к нему сердце в тоске!

Эй, Баку, беспокойный каспийский простор,
Возвратился к тебе я опять!
Ты влечёшь, ты волнуешь меня до сих пор,
Только чем — не умею сказать.

1930

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Ты долго жил,
Ты отдых честно заслужил.
Твоё горячее перо
Воспело правду и добро.

Ты очень стар, — мне говорят, —
Пусть будет светел твой закат.
Пусть будет бури лишена
Его большая тишина».

Я спрашиваю: «А волну
Вы закуёте в тишину?
А Волга, слыша вашу речь,
Сумеет по-иному течь?»

Нет, отдыхать я не могу, —
У родины ещё в долгу.
И только смерть, никто другой,
Меня отправит на покой.

8 июня 1935 г.

СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Избыток тепла и участия живого
Таится в отзывчивом сердце твоём.
Находишь для каждого доброе слово,
И каждый встречает радушный приём.

Как солнце, улыбка твоя согревает,
А речь освежает, подобно росе.
Утешен тобой, человек забывает
Свои огорченья и горести все.

Как щедро природа тебя одарила, —
Вместила в тебя доброты океан!
Великой души человечность и сила
Твои украшают черты, Серго-джан.

И без колебання свой труд повседневный
Случалось тебе прерывать для того,
Чтоб дать человеку совет задушевный,
Чтоб ласковым словом ободрить его.

1935

АВЕТИК ИСААКЯН

К РОДИНЕ

Из наших древних дымоходов
Клубится добрый дым,
Перед тобою — путь свободы,
Твой дух непобедим.

Летишь, как быстрый конь крылатый,
К созвездьям новых дней,
Храня и мужество и веру
Былых суровых дней.

Преградам и угрозам вражьи
Не удержать тебя.
И песню новую о мире
Поёшь ты, жизнь любя.

Земля отцов, ты стала новой.
О мой народ, мой хлеб.
Отчизна — солнечная птица,
Твой дух в борьбе окреп.

Ереван, 1926

РОДИНЕ

На берегу волнующихся нив
Один стою, в раздумии застыв.
Ты ль это, гордая моя страна,
Была затоплена потоком орд,
И ливням стрел несметным предана,
И тысячами копий пронзена?
На каменном пути народных рек
Лежала ты, томясь за веком век,
Растоптана копытами коней,
И с ликованием чуждые орлы
Точили клювы о твои скалы,
Чтобы терзать тебя!
И много дней
И лет без счёта протекло, — и вот
Теперь мой край ликует и цветёт.
И мирно вновь над домом вьётся дым,
Где сладко мать баюкала меня,
Сознание пробуждая, полоня
Мой дух могучим языком родным.
Пусть без конца плуги твоих сынов
Твой будут древний чернозём пахать,
И пусть гусаны будут воспевать
Твою любовь, твой цвет, страна отцов!

Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях — древен и велик, —
Сердечный, вечно юный мой язык!

Ленинакан, 1929

* * *

Весь этот беспредельный мир
С тяжёлым грузом бытия
Висит на волоске одном:
Тот волосок — душа моя.

1932

НАШИ ИСТОРИКИ И НАШИ ГУСАНЫ

*К тысячелетию народного эпоса
«Давид Сасунский»*

1

В уединенье тёмных келий, глухих стенах монастырей,
Историки, от скорби сгорбясь, перед лампадою своей
Без сна, ночами, запивая заплесневелый хлеб водой,
Записывали ход событий на свиток жёлтый и сухой:
Нашествие орды кровавой, несчастья гибельной войны,
Врагов жестокую расправу, крушение родной страны,
Оплакивали Айастана жестокосердную судьбу
И уповали неустанно, что бог услышит их мольбу.

2

А в сельских хижинах убогих, у очага, перед огнём
Гусаны наши пели песни и запивали их вином;
И в песнях славили победы, и пели гимн богатырям,
Врагам предсказывая беды, и поражение, и срам.
В сказаньях этих величавых обрёл бессмертие народ.
Они нам завещали славу передавать из рода в род,
Они для счастья нашей жизни сумели вольный дух сберечь.
И наготове за отчизну держали молниеносный меч.

Цахкадзор, 1939

* * *

Безмятежная ночь! Один я сижу
На вершине скалы. Кругом — тишина.
Я на спящее море молча гляжу.

Даже время прервало вечный полёт,
Тишина без границ, молчанье растёт.
Вся вселенная тишью сонной полна.

О мгновенье! Как ты блаженно молчишь!
Беспредельная и безмерная тишь!

И невольно я слушаю душу свою,
И себя понимаю, себя познаю!

Севан, 1940

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

(9 мая 1945 г.)

Меч в ножны вложили достойно мы,
Великой Победы день наконец,
Разбили всю вражью мы силу тьмы,
Песни звучат, как веселье сердец.

Радость, как трепет парящих крыл,
Шумит, сливаясь в потоке одном,
Хозяин на улице стол накрыл,
Стаканы налил золотым вином.

Прохожих зовёт и просит к столу:
— Братья, прошу я, Победы вином
Сыну-герою воздайте хвалу,
Пейте за здоровье ваших сынов!

Пьют, и на лицах веселье горит,
Звонко стакан лишь стучит о другой,
Тихо один тут отец говорит:
— Пью за сыновей души упокой!

Строго смолкают на слово отца,
Шапки снимают пред тостом таким,
Молча за мёртвого пьют храбреца,
Хлеб омывая вином золотым.

1945

* * *

Жизнь — краткий сон, прошла — и нет следа,
Всё преходяще — гаснет и звезда.
И человек — что горсточка песка.
Лишь скорбь его, как вечность, глубока.

Женева, 1947

* * *

Мечта людская — вечно пребывать,
Стать богом и вселенную ваять,
И всё уметь, всё мочь,
И всё познать.

1957

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

Егише Чаренц — псевдоним Егише Абгаровича Согомоняна. Родился 13 (25) марта 1897 года в г. Карсе. Учился в Карсской армянской, а затем русской школах. В 1915 году Чаренц вступает в седьмую добровольческую армию. В 1916 году едет в Москву, учится здесь в университете Шанявского. В 1918 — 19 годах как солдат-красноармеец принимает участие в гражданской войне. В 1919 — 22 годах работает в Армении. В 1922 году Чаренц вновь в Москве. Поступает в основанный В. Я. Брюсовым Литературный институт. В 1924 — 25 годах отправляется в зарубежное путешествие (Турция, Италия, Франция, Германия). В 1928 — 35 годах работает в Госиздате Армении заведующим редакцией художественной литературы.

Егише Чаренц был одним из создателей союза пролетарских писателей «Нойембер» (1925), входил в организованную в начале 20-х годов литературную «Группу трёх», был одним из авторов литературного манифеста «Декларация трёх» (1922). Оказал огромное влияние на литературный процесс 20-х — 30-х годов.

Первое стихотворение опубликовал в 1912 году в журнале «Патани» (Тифлис), первую книгу «Три песни бледнопечальной девушке» — в 1914 году (Карс).

Умер Егише Чаренц 29 ноября 1937 года в Ереване.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в шести томах. Составление и примечания А. Закарян, Ереван, т. I, 1962, т. II, 1963, т. III, 1964, т. V, 1966, т. VI, 1967, т. IV, 1968; на русском языке: Стихотворения и поэмы, Л., 1973.

ИЗ ЦИКЛА «ЧАСЫ ВИДЕНИЙ»

НА РОДИНЕ

Лёд вершин и синие озёра,
Небеса, как сны души родной,
С чистотой ребяческого взора.
Я — один, но ты была со мной.

Слушал ропот я волны озёрной
И глядел в таинственную даль —
Пробуждалась с силой необорной
Вековая звёздная печаль.

Звал меня на горные вершины
Кто-то громко на исходе дня,
Но уже спускалась ночь в долины,
К звёздной грусти приобщив меня...

1915

ИЗ КНИГИ «РАДУГА»

* * *

На заре тонет золото солнца — в голубизне.
Спи, моя голубая сестра, не тревожься во сне.

Ещё лебеди спят на озёрах, что светят, лучась...
Ещё снят. Ещё дремлют. Наверно, проснутся сейчас.

Льётся звон колокольный, журчит, и зовёт, и звенит:
Стаю звёзд испугает — и золото прянет в зенит.

Крест собора и колокол — в сини глубинной внутри:
— О, проснись, голубая сестра, и на крест посмотри.

Он — как брошенный в синее небо кусок золотой,
Золотистый мираж он проснувшейся речи простой.

Вот вспарившее солнца крыло в полудрёме озёр
Поджигает угожья печали и грусти простор...

Гаснут звёзды... Последние звёзды угасли — взгляни!..
Пробуждаются лебеди. Слышишь, зовут нас они.

— О сестра, миг — священен. Он вспыхнет — погаснет, как трут;
Вспышка — смерть... Эти лебеди сразу, немедля, умрут.

Крест собора, угаснет он в сини глубинной внутри:
— О, проснись же, моя голубая, на крест посмотри...

* * *

Ты пришла, ты была мне сестры родней,
И вот — уходишь.
Ты молитвой всегдашней была моей,
И вот — уходишь.
Не затем приходила ты, чтоб теперь
В сон превратиться.
Поцелуй на прощание у дверей —
И вот — уходишь.
Это, может быть, и не любовь, а так.
Лишь сон мне снится?
Превратилась ты в память минувших дней,
И вот — уходишь.

ИЗ ЦИКЛА «ЖЕРТВЕННЫЙ ОГОНЬ»

* * *

Голубая тоска умерла. Растворилась в огне.
Солнца луч на вершину упал. Не пропал в вышине.

Снежный купол — взгляни, о взгляни! — как огромный алмаз,
Вспыхнул в сини вечерней, во тьме засверкал, не угас.

Драгоценным металлом вершине над миром блистать!
Нет мечты на вершинах, чтоб воспоминанием стать.

Знаю, воспоминаньем не станут снега этих гор...
Моё сердце — снега. Моё сердце — пылающий горн...

* * *

Душа, как жертва на костре, горит в потоке дней,
Я вижу твой горящий лик средь вихря и огней.

Ты расстилала свой огонь, чтоб расточилась мгла,
Ты солнечным журчаньем слов мне сердце обожгла.

Ты красных вихревых коней пустила во всю прыть,
Чтоб рушить мрамор городов, жизнь старую спалить...

И кони красные летят, дорога далека...
И сладок сердцу этот мир, и жизнь — как смерть сладка...

* * *

Нить памяти связала нас,
Страна моя, с тобой я вместе.
Ты чувствуешь ли в этот час
Огонь моей нелёгкой песни?

Ты слышишь дрожь души моей?
От красных мук не задремать ей,
Ожоги новых песен в ней,
Страна моя, сестра и мать...

Я — далеко, вокруг туман...
Напев мой из огня и боли.
Вся эта жизнь, как ураган,
Летит быстрее ветра в поле.

ИЗ ЦИКЛА «ВАШ ЭМАЛЕВЫЙ ПРОФИЛЬ»

СОНЕТ

Могу ль Вас не любить, ведь Вы — источник света,
Искусство, дух, — могу ль не петь его черты?
Кто поклоняется величию красоты,
Тот не посмеет Вам не посвятить сонета.

Вот Вы читаете стихи, — почти пропета
Мелодия... Уста, как лилия, чисты.
Глаза таким огнём горят из темноты,
Что ярче всех камней из Вашего браслета.

А Ваши лёгкие шаги, они тихи,
И я их слушаю, как чудные стихи,
И, очарованный их музыкой незвонкой,

В молчанье я грущу... И в сердце, полном мук,
Я слышу скрипки трель, щемящей песни звук,
Когда губами я руки касаюсь тонкой.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСЕННИК»

* * *

Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи, нет,
Кругом веселье, но игры желанной средь застолья нет.
Ищу я шахиншаха сад, мне без него раздолья нет,
Ищу возлюбленной квартал, да мне счастливой доли нет.

Кому мне песню рассказать? Ни ты не хочешь, ни другой,
Хотя не отвернулся бог от кяманчи моей живой,
Никто не внял моей тоске и не услышал ропот мой,
Омыть бы скорбь росой слёз, да той росы на поле нет.

Эх, думаю, оставлю саз, как люди стать давно пора,
Коль роза я — так где шипы? Им отрастать давно пора.
С врагами надо быть врагом, зло не прощать давно пора,
Чтоб, без меня садясь за стол, сказали: к хлебу соли нет!

Жесток и мелок человек, а мир необозрим, Чаренц,
Пусть слово человека — яд, для сердца горький дым, Чаренц,
Послушай, говорю тебе, не будешь ты любим, Чаренц,
Пока от сердца твоего ожогов нет и боли нет!

* * *

Когда я в этот мир пришёл с моей любимой кяманчой,
«А ты, бездельник, здесь зачем? И кем ты зван?» — сказали мне.

Но песни пел я на пирах, желанным гостем всюду став, —
«Твои слова как летний плод — мёд и шафран!» — сказали мне.

Мне стало скучно на пирах среди бездушных и чужих,
И я ушёл. «Ты горд и зол! Ты грубиян!» — сказали мне.

Чтоб успокоить в сердце боль, я осушил вина стакан, —
«Глядите-ка, сдурел Чаренц! Опять он пьян!» — сказали мне.

Зимою в стужу и метель я брёл бездомный и босой, —
«Зато в душе твоей тепло в снег и буран!» — сказали мне.

Я крикнул: «Люди вы иль нет? Вы ран не видите моих?» —
«Чаренца стойкая душа сильнее ран!» — сказали мне.

Все потешались надо мной, над тем, что беден я и гол, —
«Восторг веков тебе за то наградой дан!» — сказали мне.

АРМЕНИИ

Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видела сжатый урожай кровопролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути,
И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.
Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш Овнатан?
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя.
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять.

* * *

Я привкус солнца в языке Армении родной люблю,
И саза нашего напев, его печальный строй люблю.
Люблю кроваво-красных роз огнеподобный аромат,
И в танце наирянок стан, колеблемый зурной, люблю.

Люблю родных небес лазурь, сиянье рек и блеск озёр,
И летний зной, и зимних бурь глухой многоголосый хор,
И хижин неприятных мрак, затерянных в ущельях гор,
И камни древних городов в дремоте вековой люблю.

Где б ни был, не забуду грусть напевов наших ни на миг,
Молитвой ставшие листы железописных наших книг,
И как бы наших ран ожог глубоко в грудь мне ни проник,
Мою отчизну, край отцов, скорбящий и святой, люблю.

Для сердца, полного тоски, милей мечты на свете нет,
Кучака и Нарекаци умов светлей на свете нет,
Горы древней, чем Арарат, вершин белей на свете нет,
Как славы недоступный путь, Масис суровый мой люблю!

1920 — 1921

ИЗ ЦИКЛА «ВОСЬМИСТИШИЯ СОЛНЦУ»

* * *

Как бёдра женщины, рождённой
Сводить с ума, сжигать, гореть,
К своей стихии раскалённой
Притягивает солнца медь.
И кони дико ржут, во власти
Огня траву полей топча,
И стонут женщины от страсти,
И ловят смех его луча.

* * *

Звонят подковы золотые;
Табун под ярким солнцем ржёт.
Бесстыдно девушки нагие
Целуют солнца рдяный рот.
Уже воспалены их губы —
Целуют, словно жизнь губя,
Погаснет жар, святой и грубый.
Приди, я так хочу тебя!

* * *

Прекрасное горит, сжигая.
Горит, живому жизнь даря,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя.
Сгорев, остынь, зола седая.
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадя и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

ИЗ ЦИКЛА «РУБАЙАТ»

* * *

Прошёл по городу один прохожий,
Ушёл, не возвратился... Ну и что же?
Не он, а я смотрю на этот город,
По-прежнему красивый и пригожий.

* * *

Был гением, титаном Искандер,
Смешал народы, страны Искандер.
Но если б в мире не было движенья,
Не поднял бы стакана Искандер.

* * *

В мятежный век ты в мире жил — ничто тебе не показалось вечным,
И близь и даль ты изучил — ничто тебе не показалось вечным.
Ты видел смерть и видел рост, и гибель вековых основ,
И, кроме борющихся сил, ничто тебе не показалось вечным.

ИЗ КНИГИ «ЭПИЧЕСКИЙ РАССВЕТ»

КУДРЯВЫЙ МАЛЬЧИК

Закрываю устало глаза,
И так ясно, так ясно я вижу:
День в грядущем. Небес бирюза.
Огнекудрое утро всё ближе.
Уже солнце пошло на подъём,
День гремит, как аккорд на органе,
С синих-синих небесных каём
Низвергается наземь сиянье.
К Арарату проходит шоссе
Изменившеюся Эриванью.
Сколько лет этой новой красе
И живому её ликованью?
Вдоль дороги, по обе руки,
Переезды, дома и заводы.
Кто разбил у домов цветники?
Как густы этой зелени своды!
Воздух чист, меж домами — простор,
Мастерские меж них вперемежку.
Ни соринки кругом. Что ни взор,
То — блаженного счастья усмешка.

Вот из города мимо оград,
Попирая проснувшийся камень,
Пионерский выходит отряд,
Впереди его — красное знамя.
Слышен топот уверенный ног
И отрывистый бой барабана.
Лица ясны, в глазах огонёк,
Рады в ногу шагать мальчуганы.
По асфальту срезают дугу
И сворачивают по извиву
В то ущелье, где низом Зангу
Протекает светло и шумливо,
Где прозрачное кружево плетъ
Не устало потока журчанье.
Рядом старая изгородь есть,
Под оградой камни в бурьяне.
Камни с виду без мет и письмён,
Безымянные камни — могилы,
Надо всем — тишины полусон,
Точно памяти призрак бескрылый.
Сверху синие своды глядят.
Виснет солнце, подобное звону,
И беспечно проходит отряд,
Полыханьем его опьянённый.
Слышен марша уверенный шаг,

Рассыпается дробь барабана,
И весна, затаясь в их очах,
Улыбается солнцу нежданно.
Тем-то шагом, без дум и забот,
И обходят бурьян пионеры,
А весна — то куда-то зовёт,
То о ком-то тоскует без меры.

Но внезапно из их череды
Кто-то смотрит на камни и травы.
Покидая дружины ряды,
Отделяется мальчик кудрявый.
Пионер до колен голоног,
Красный шейный платок у подростка.
Мальчик с выпуклым лбом, синеок,
В белой курточке с синей полоской.
Он подходит к камням и, всмотрясь,
Принимается скрестить их ногтями
И стирает присохшую грязь,
Затянувшую надпись на камне.
И тогда: *«Здесь покоится прах
Егише, — он читает, — Чаренца. —*
И дочитывает второпях: —
Стихотворца, Маку уроженца».
И как бы объяснения ища,
Он стоит, смотрит вдаль, размышляет,
И, сорвавши отросток плюща,
С ним покинутый путь продолжает.
И когда нагоняет своих,
В незапамятности, как дотоле,
Остаются, оживши на миг,
Эти камни, забытые в поле.

.

О, вернись, там ведь сердце моё!
Растопчи его, ножкам в забаву.
Ты, всех жажд моих ключ и питьё,
Наша будущность, мальчик кудрявый!

1928 — 1929

ИЗ КНИГИ «ЛИРИЧЕСКИЙ АНТРАКТ»

* * *

Как некроман, я полночи боюсь,
Когда луна поднимется из гроба,
Со страхом жду, что встанут у порога
Бодлер с Эдгаром По, что снова наизусть
Верлен, как старый фавн, споёт стихи свои
Про осень, фонари, сирень... И на мгновенье
Опять покажется, что там не тополь — Гейне,
Что там луна мои читает рубаи...

* * *

Они твердят, что я устал,
Что сбился я с пути прямого,
Что, бросив битву, я избрал
Иную цель пути земного.

И трудно шамкать дряхлым ртам,
Но все лепечут в безголосье, —
Как будто, умирая там,
Шуршат засохшие колосья.

* * *

Ленин! Ленин — но не митинговый,
Ни литавры марша, ни плакат,
Ленин — как вершина, как обхват
И как построенье темы новой,
Зреющей в тебе не как трава,
А как сталь, как воля. Эта тема —
Как начало жизни, как поэма,
Созиданья первые слова...

ИЗ «КНИГИ ПУТИ»

ГИМН ЛЮБВИ

посвящённый отважным юношам будущего

1

Когда приходит новая весна
И в жизнь опять вступает поколение, —
Кимвал звучащий — солнце, а страна —
В сердцах отважных юношей цветенье.

Так каждый раз — с улыбкою иной,
Так каждый раз, но неизменно — милой,

Так каждый раз —с бездонной синевой
И каждый раз — с неодолимой силой.

О юноша, приняв его, храни,
Храни тебе дарованное счастье, —
Девичьих глаз любовные огни
Осветят дни тревоги и ненастья.

Как винограда гроздь — её уста,
Упейся ласками подруги нежной.
Пою любовь твою, она чиста,
Могучей вечности завет безбрежный.

2

Нам свыше предназначена она,
Непрочная весенняя отрада,
И в каждом миге гром и тишина,
Палящий зной и влажная прохлада.

Ты в поле озарённое пойдёшь
Срывать цветы победною рукою,
Свой путь с эпохой в дружбе обретёшь,
Не ограждаясь от людей стеною.

Не только телом, сердцем и душой —
Будь молод и поступками своими, —
Тогда и время весело с тобой
Пойдёт вперёд, твоё прославив имя.

Твоей весны пусть блещет торжество,
Пусть твой путь уже покрыт цветами,
Ты должен сам озолотить его
Любовью крепкой, светлыми делами.

3

Иди по лугу юности весной,
И пусть весна идёт с тобою рядом,
И, наслаждаясь страстью молодой,
Гляди в грядущее бесстрашным взглядом.

Своей любви вкушая первый плод,
Почувствуй сердцем истину простую,
Что для любимой ты теперь — оплот,
Твой долг — беречь подругу дорогую.

Знай! Розы нежные любви твоей
В цветущий луг тогда лишь превратятся,
Когда любовь подруги всё сильнее
Алмазом жизни будет разгораться.

24 февраля 1933

ГИМН УМЕРШИМ

Мы с горестью великой провожаем
Вас, что ушли из мира навсегда,
С земным простились вы навеки раем
И больше не воротитесь сюда.

Пусть вам грозит за гробом только тленье,
С землёю чёрной пусть сольётесь вы, —
Что я сказать посмею в утешенье? —
Что это участь всех людей, увы!

Пускай неотвратимо умирание,
И никому не избежать конца,
Зато бессмертны те воспоминанья,
Что наполняют горечью сердца.

Над смертным память восстаёт страданьем.
Из праха, как живой алмаз, блестит,
Грядущий день поит благоуханьем
И гимном торжествующим звенит.

Дни станут прахом, все умрут светила
В сияющих и синих небесах,
Истлеет та весна, что нас пленила,
И даже розы превратятся в прах.

О память, ты одна не станешь тленьем,
Как бы лучом бессмертья рождена,
Ты, словно облако над вод кипеньем,
Сиянием своим окружена.

Ты — эхо, что смолкает, не растает,
Сверканье дня, что навсегда истёк.
В ваш полдень память в небеса взлетает,
Чтоб после оросить иной цветок.

Из крови вашей и из дум высоких
Пускай её возникнет аромат,
Она не ваша, как и эти строки
Теперь уже не мне принадлежат.

Не так же ли погасшее светило
Нам щедрый свет неумолимо льёт?
Забвенье ж тем, кого хранит могила,
И слава тем, кто в памяти живёт.

NOSTALGIA

Мне часто снится светлая река,
Над ней дворцы, а у воды, по лугу,
Проходят девушки, в руке рука,
Рассказывая жизнь мою друг другу.
Уже прошла столетий череда,
С ней звуки строф моих и песен ясных
Дошли, как эта плавная вода,
До берегов Грядущего прекрасных.
Мне часто снились эти берега,
И шествие, и светлый день весенний...
О, эта величавая река,
Прекраснейшее из моих видений!

30 ноября 1933

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг в мой трудный век,
Когда всё рушилось, что камня и металла
Веками почитал прочнее человек.

Я памятник себе воздвиг из вещей дум
И песен яростных, звучавших в сердце века,
Как бури роковой неукротимый шум.

Я в Карсе был рождён, и хоть Ирана зной
Жёг душу, как тоска по родине прекрасной,
Стал родиной моей весь этот мир земной.

1 декабря 1934

ДИСТИХИ

Auf, ihr Distichen, Frisch...
GOETHE¹

1

Пан и Дельфийский оракул поэтом тебя не признают
Подлинным, если тебе чужды твои времена.

2

Утро зардело над миром, когда уже был ты поэтом.
Время — за полдень. Теперь — должен ты стать мудрецом.

3

Дар получил от Ирана, язык от Армении древней,
Но ты великий поэт благодаря Октябрю.

4

Гений твой поднял тебя над тобою самим и над веком.
Как не задохся твой дух в Веймаре жалком твоём!

¹ Дистихи, смело вперед... Гёте (нем.).

5

Бури мудрец устранился. Не уразумел он, что это
К обожествляемой им дивной гармонии шаг.

6

В жизни дисгармоничной искал гармонии Гёте, —
Так не Сизифов ли труд взять он хотел на себя?

7

Как свою душу ковать, чтобы в ней воплотилось бывшее,
Но в настоящем она стала всех новшеств новей?

8

Данте, Гомер и Пушкин, вчера вы засеяли поле.
Вам же принадлежит жатва грядущего дня.

9

Нимфы, свирели и арфы... Но разве в ручье Аполлона,
В этом прозрачном ручье, не было ила и слёз?

10

Если ты жизнь исчисляешь со дня своего рожденья,
В день кончины твоей этот закончится счёт.

11

Если ты хочешь прожить на свете дольше мгновенья,
Мни себя только звеном, — не головным, не в конце.

12

Чувствами век мой богат, и думами, и делами,
Мог лишь слепец иль дурак нищим остаться у нас.

13

Много раскрыли мы тайн, что вчера были тёмной загадкой.
Жизнь оттого не скучней, стала лишь глубже она.

14

Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то,
Просто разрешены в непримиримой борьбе!

15

Понял ли ты наконец, что вопрос содержания и формы —
Хлеба вопрос и земли? В битвах решается он!

16

Век наш нам вексель даёт, а уплату попросят потомки,
Суд их потом разберёт, кто оказался банкрот.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Лицо вспоминаю я, родимая мать моя,
Под сетью светлых морщин, родимая мать моя!

Сидишь перед домом ты; весенний зелёный тут
Бросает тень на тебя, родимая мать моя!

Сидишь ты молча и те печальные помнишь дни;
Они пришли и ушли, родимая мать моя!

Ты помнишь сына, давно ушедшего от тебя,
Куда он ушёл тогда, родимая мать моя?

И где он живёт теперь, он жив или умер давно?
В какие двери стучит, родимая мать моя?

Когда усталым он был, в любви обманутым, — в чьих
Тогда объятьях рыдал, родимая мать моя?

В раздумье печальном ты; баюкает нежный тут
Твою святую печаль, родимая мать моя!

И слёзы горькие, вот, текут одна за другой
На руки, руки твои, родимая мать моя!

1920

КРАСНЫЙ СОНЕТ

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза.
БРЮСОВ

Грядущее горит неистово-багрово,
Как меч, что выхвачен из ветхих ножен дней,
И в пыльные ножны не возвратится снова,
И не исчезнет в днях, ушедших в мир теней.

Чего же хочет ваш убогий, глупый бред?
О чём скулит ваш мир, в тоске смертельной рушась?
Что пережито в днях и что воспел поэт —
Не сокрушат ваш гнев, отчаянье и ужас!

Теперь отходят дни с свирепой быстротой,
Как пыльные ножны от лезвия стального,
Когда, сойдясь с врагом, ведёшь невольный бой.

И, полный мудрости поэт, пою я снова.
Вот отступают дни, уходят в мир теней, —
И песнь летит стрелой к заре грядущих дней.

1921

НАШ ЯЗЫК

Дикий наш язык и непокорный,
Мужество и сила дышат в нём,
Он сияет, как маяк нагорный,
Сквозь столетий мглу живым огнём.

С древности глубокой мастерами
Был язык могучий наш граним,
То грубел он горными пластами,
То кристалл не смел сравниться с ним.

Мы затем коверкаем и душим
Тот язык, что чище родников,
Чтобы на сегодняшние души
Не осела ржавчина веков.

Ширятся душевные границы
И не выразят, чем дышит век,
Ни Теряна звонкие цевницы,
Ни пергаментный Нарек.

Даже сельский говор Туманяна
Нас не может в эти дни увлечь,
Но отыщем поздно или рано
Самую насыщенную речь.

28 января 1933

ЛЕНИН И АЛИ

(Отрывок из поэмы)

Есть город такой — Москва.
Говорят, что город тот
Велик и необыкновенен.
Говорят, что он главнее даже Мёкки,
Потому что нет на свете человека
Большого, чем Ленин,
А Ленин в Москве живёт.

Далека от Трапезунда до Москвы дорога.
Да и кто же через море пешком пойдёт!
Вот когда бы золота было хоть немного,
Мог бы сесть Али на пароход.
Если много золота — поезжай в каюте,
Если мало — можно ехать в трюме,
Но то и другое — всё равно по сути;

Главное доплыть до города Батуми.
А оттуда едут до Тифлиса люди,
А потом — Ростов,
Нет, Баку сперва,

А потом пойдёшь, пойдёшь — и будет
Наконец

Москва!

И живёт там Ленин,
Который так велик,
Как самый великий халиф,
Но он такой халиф,
Что глаза его добры,
Что он понимает сердцем
Жизнь бедноты-фухары!..

Вот потому-то на корабли,
Исчезающие за синевой,
Взглядом влюблённым смотрит Али —
Лодочник портовой.

Корабли уплывают в широкий мир,
Руки Али устают,
И за это пять с половиной лир
В месяц ему дают.

Он гребёт и гребёт по волнам без конца,
Вместе с солнцем нужно ему вставать
И грести,

не стемнеет пока,

А хозяин-ага

любит гребца

Погонять,

погонять,

погонять,

Как вьючного ишака.

А что же любит Али,
Кого он любит — Али?
Любит он корабли,
Исчезающие вдали.
Но больше всего Али
Любит, любит до слёз,
Ленина светлый портрет,
Который привёз матрос...

В лодке своей вёз
Али матроса тогда.
Спросил у матроса Али:
«Ленин большой халиф?»
Урус отвечал: «Да».
«Очень большой, чок?»
Урус отвечал: «Да,
Соображай, паренёк:
Если Ленин — вар,

То буржуй — ёк.

Буржуй, то есть занги,
То есть толстый ага,
Буржуй, то есть враги.
Ленин есть — нет врага!».

Понял с тех пор Али:
Да, Ленин большой халиф,
Он больше любой горы,
Но он такой халиф,
Что знает жизнь фухары.
И знает и любит с тех пор
Далёкого Ильича
Али — портовый гребец,
Тоненький, как свеча.

НАИРИ ЗАРЬЯН

Наири Зарьян — псевдоним Айастана Егиазаровича Егиазарьяна. Родился 31 декабря 1900 года в Западной Армении в селе Хараконис Ванского вилайета (Турция). В детстве батрачил. В 1915 году лишился родителей. Воспитывался (в 1915 — 1921 годах) в приютах Дилижана, Еревана, Ленинакана. Пробовал писать в раннем детстве. Окончил историко-филологический факультет Ереванского университета (1927). В начале 1930-х годов учился в Государственной академии искусствознания (в Москве, а затем в Ленинграде). В 1929 — 1934 годах в качестве уполномоченного ЦК республики бывал в колхозах Армении. В годы войны выезжал с писательскими бригадами на фронт в район Керченского перешейка и на Кубань. Избирался секретарём правления Союза писателей Армении, был председателем республиканского Комитета защиты Мира.

Умер Наири Зарьян 11 июля 1969 года.

С середины 1920-х годов и до конца жизни издал около 60 книг стихов, прозы, драматургии. Наиболее значительные из них — «Рушанская скала» (1930), «Ацаван» (1937 — 1947), историческая трагедия в стихах «Ара Прекрасный» (1944 — 1946). В 1962 — 1965 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Н. Зарьяна в семи томах. Издавался в русских переводах: Избранное, М., 1954; Ацаван, М., 1960; Стихи, М., 1963.

ЛЕНИН

Нет! Ты живёшь, ты рядом, вождь!
Ты солнце в море синевы.
Твой гений, разум твой, и мощь,
И страсть не могут быть мертвы.

Ты рядом — всюду и всегда,
В труде, в походе боевом,
Ты строишь наши города,
Ты входишь счастьем в каждый дом.

Нет, ты не умер, не погас,
Ты — молодость у нас в крови,
Ты — пламя юношеских глаз,
Зов побеждающей любви.

Ты вновь торопишь молодёжь
Встать за штурвал, сойти в рудник.
Колонны шествий ты ведёшь,
Сверкаешь на страницах книг.

Твой огнекрылый стяг зовёт
Твоих солдат в последний бой,
И каждый новый наш завод
И каждый цех сильны тобой.

Ты — наша родина, наш кров.
Ты — наше светлое жильё.
Вверху, в снопах прожекторов,
Читаем слово мы твоё.

Ты — в каждой песне детворы,
Ты — в каждом стебле наших нив,
Ты к нам приходишь на пиры,
Чуть набок голову склонив.

Ты — нескончаемая жизнь.
Ты — полноводная река,
Что с древних снеговых крутизн
Течёт в долины сквозь века.

Пока вода бурлит и бьёт,
И есть огонь, и в нём есть мощь,
Пока история идёт —
Ты будешь вместе с нами, вождь!

1938

* * *

Многих красавиц я пламенным сердцем любил,
Множество ласковых слов говорил им, любя.
Я им ни разу не лгал, я им сердце дарил,
Но о тебе лишь мечтал и искал лишь тебя.

Кажется мне, что тебя я нашёл. И, пьяня,
Взглядом лучистым глядишь ты, бесценный мой друг,
Словно рассветное солнце коснулось меня,
Всей моей жизни — и мир обновился вокруг...

1940

ОТЧИЙ ДОМ

Я в сновиденье памятью ночью
Воссоздавал далёкий отчий дом.
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сиянье молодом.

Со мною мать сидела, как бывало,
Мне по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним лёгким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским оком.
Весь мир огромный был как отчий дом.

1940

СОН

Ты во сне явилась, песнь моя,
И душа открылась миру —
Тихий плач камней услышал я
И услышал солнца лиру.

1943

* * *

Четвёртый день, как я пою, не насыщаюсь пением!
Дыханье песне отдаю, не насыщаюсь пением,
И день-деньской, сожжён тоской, любовью одержимый,
Увидев красоту твою, не насыщаюсь пением!
Жасмин чужого сада ты, не для меня твои цветы,
И жажду я в родном краю, не насыщаюсь пением!
Я благодарен той тропе, что привела меня к тебе.
С тех пор как видел, не таю, не насыщаюсь пением!

1943

* * *

Я слышал: когда ты с любимой,
Любви наступает конец,
Огонь превращается в пепел,
Мечте наступает конец...

Неправда!.. Нам люди солгали:
В зелёную рощу любви
С тобою вступили мы вместе
И лжи положили конец.

1947

* * *

Ах, если бы чудо свершилось
И жизнь повернула бы вспять,
И дни потекли бы обратно,
Запахло б весною опять.
И вечер, невинный и тихий,
Помог бы тебя отыскать,
И — там, где Раздан серебрится, —
Любовь к нам пришла бы опять.

1947

* * *

Душа моя, всё, как есть, отдадим
Нашим ближним,
Сильным и слабым, добрым и злым
Нашим ближним.

Только нашу любовь для себя сохраним,
Как в лампаде масло,
Чтобы светлей и теплей было им,
Нашим ближним.

1947

* * *

Обманивали сотни раз меня —
Я верю снова.
Что б ни было — во мгле и в свете дня
Я верю снова.

Иные отняли мой хлеб, взамен
Мне дали камень...
Посулам всем, виновных не виня,
Я верю снова.

Разбойничали в сердце у меня,
Раскрытом настежь,
Но в возвращение любви своей
Я верю снова.

Мой путь позёмка замела,
Заволокло ненастье,
Но в возрождение весны своей
Я верю снова.

1947

СЕВАН ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Клубясь, редуют тучи. Небосвод
Уже налился светом алым.
Горы касаясь, облако плывёт
Ихтиозавром запоздалым.

Гляжу вокруг, от счастья захмелев.
Утёсы подступают ближе:
Вон тот — медведь, и по соседству — лев,
А там — спина косули рыжей.

Как передать мне эту красоту?
Запомнить как мгновение это?
Мелькнёт, как сон, исчезнет на лету
Игра густых теней и света...

Продлись же, волшебство! Помедли, явь!
Запечатлись в душе навеки
И переливчатую нить оставь —
Чтоб счастье жило в человеке.

1948

* * *

Старой сказке я больше не верю,
Новым клятвам я больше не верю.
Много храмов святым я построил,
Но святым я уж больше не верю.

1953

ЗАВЕЩАНИЕ

Меня на кладбище не хороните,
Когда я от вас навсегда уйду.
Сожгите мой прах и пепел сложите
Под тополем в пионерском саду.

Я стану любимой земли частицей
И новой жизнью там заживу,
Чтоб к вам однажды весной возвратиться,
Раскинув густую свою листву.

Подует теплом ереванский ветер,
Пушок с тополей понесёт — лови!
В тени моей будут резвиться дети
И юноши клясться в вечной любви.

Им листья прошепчут порой весенней
Все песни, которые я не спел,
Стихи, которые в век потрясений
Средь бурь и гроз сложить не успел.

1953

УТРО

Сегодня рассвет голубой-голубой
На мирных полянах и в сердце моём.
Минувшая ночь увела за собой
Тяжёлые тучи с холодным дождём.

На небе светло, и на сердце легко,
И только за далью зелёных полей
Два облачка бледных плывут высоко,
Как тени вчерашней печали моей.

1955

Я ЗАБЛУЖДАЛСЯ МНОГО РАЗ

Я заблуждался много раз,
Прости меня, родной народ!
За правду ложь приняв подчас,
Я заблуждался много раз.
Мне дорог был лишь твой наказ,
Твой путь манил меня вперёд...
Я заблуждался много раз.
Прости меня, родной народ!

1955

ВОДА

Купаясь в жаркий день в волнах реки,
Подумал я — ошибся критик твой,
Когда сказал он, правде вопреки:
«Ты наполняешь свой роман водой».
Как много свежести таит вода!
Как много жизни, бодрости и сил!
В твоей же книге жизни нет следа.
Ты сам скучал, когда её творил.
Как сына, обоймёт тебя река,
Журчание воды ласкает слух,
А твой роман — смертельная тоска,
Он, как пустыня выжженная, сух.
Читатель твой, как путник в летний зной,
Едва бредёт, стирая пот с лица.
Читатель твой живёт мечтой одной —
Скорее бы добраться до конца!
А кто захочет, чтоб умолк ручей,
Чтобы вода исчезла из пруда?
Иссякший ключ не радуется очей...
О нет! Твои романы не вода!

1955

В МАСТЕРСКОЙ У МАРТИРОСА САРЬЯНА

На свете есть священные места,
Что входят в нашу жизнь, причастны детству, —
И отчий дом, и школьный двор, и та
Тропинка в сад, что с нами по соседству.

И в этой светлой мастерской твоей
Мне хорошо, — здесь тоже всё родное,
Здесь сердцу легче, и душе светлей,
И вся Армения передо мною.

Здесь радость цвета, света и высот,
Севан, и солнце, и Масис двуглавый;

С улыбкой иронической Ашот
И Ачарян — спокойный, величавый.

Здесь наши девушки — скромны, нежны;
И персики, и с красной розой ваза,
И этот ослик, что средь тишины
Мечтает у подножья Алагяза.

Как отчий дом, как стародавний сад,
Люблю всем сердцем эту мастерскую,
Где я, тенями синими объят,
Не мучусь, не мечусь и не тоскую.

1958

...МОЙ ЯЗЫК ТОМУ ВИННОЙ

Твердят, что зол я и жесток,
Что мой язык всему виной,
Что я сварлив, угрюм и строг —
И мой язык всему виной.

Утаивать я не хочу
Слов, что правдивы и просты,
Но дорого за них плачу —
И мой язык тому виной.

Произносить я не могу
Слов, что эффектны и пусты,
Я промолчу, но не солгу —
И мой язык тому виной.

Порой я жалил невпопад,
И сам потом бывал не рад,
Но труса — трусом называл, —
И мой язык тому виной.

Я к вам себя привёл на суд,
Душа моя — любви сосуд;
Он накрепко сейчас закрыт
И мой язык тому виной.

1967

* * *

О, бойся клеветы, когда она
В глаза — открыто — произнесена!
Она в таком облиии, признаться,
И чистой правдой может показаться...

1967

ГРУСТНЫЙ ТРИОЛЕТ

Поведать что-то миру жажду я,
Стараюсь объяснить явлений суть.
Мне тайна, как немому, жжёт уста —
Поведать что-то миру жажду я.
И с верой в чудо продолжаю путь,
Стараюсь объяснить явлений суть,
Поведать что-то миру жажду я.

1967

* * *

Многое я написал с полной отдачей сил
И многие замыслы не воплотил.
Страждет моя душа — на исходе время земное, —
Жалеть ли о том, что написать не успел,
Или о том, что написано мною?

1967

НАША ПЛАНЕТА

Есть на всех языках мира
Сокровеннейшие слова —
«Наша отчизна»,
Во веки веков, ныне и присно
Произносимые с благоговеньем.
Но сегодня для всех, в ком душа жива,
Есть и другие слова, слова, полные света, —
«Наша планета».

Слова другие, но жар в них не меньше
ничуть —
«Наша Земля»,
«Наше Солнце»,
«Наш Млечный Путь»...

На мгновенье о Солнце забудь,
Забудь необъятный Млечный Путь, —
Обойдутся без нас как-нибудь.
Забудем на миг высокие силы эти,
Наша помощь нужна
Только маленькой нашей планете.

В ворохе звёзд она —
Цветочной пыльцы крупинка
И опасностью грозной окружена,
Может погибнуть в любое мгновенье
От ядерного наважденья.

Люди, люди, безумцы и гении,
Оснащённые знанием и злом,
В дьявольской жажде уничтожения
Создали вы орудия гибели
Для нашей бесценной планеты.

Чудища атомные летают,
Грозя последней войной
Нашей Земле родной.
Из-за угрозы этих смертельных орудий
Она всё дороже нам и нужней,
И хочется в голос кричать о ней:
«Это наша планета,
Наш отчий дом,
Берегите её, люди!..»

1967

* * *

Захотелось покончить с заклятым врагом
Сатирической танкой...

Но тщетно в те дни
Призывал я разящие, злые слова...
Уж такие кругом
Были горы!
По-горному невозмутимы
И возвышенны были они!

1968

Я ЖДУ ТЕБЯ

Ты где-то есть наверняка,
Тебя я жду.
Желанная, ты — далека,
Тебя я жду.

Часам рассветным голубым
Сказала ты — приду —
И ранним сумеркам моим...
Тебя я жду.

Ты давней юности обет
Забыла на беду,
Но в тишине пустынных лет
Тебя я жду.

Роняет дуб надежды лист —
Падучую звезду.
Пускай закат осенний мглист —
Тебя я жду.

Уже подведена черта,
Я скоро сам уйду.
Но ты — бессмертная мечта,
Тебя я жду.

1968

ПСАЛОМ ПРОЩАНИЯ

Скажи «прощай»
Жизни своей.
Свой сад цветущий не вспоминай
И берег морской, где в тени аллея
Должна появиться та, что снилась тебе.
Даря цветам улыбку и благоуханье,
Где внуки твои резвились бы в гуще ветвей
И щебетали б как птицы ранней ранью.

Скажи «прощай»
Студёной пустыне своей,
Где конь твой упал, разодран волками,
Где лежит, хрипя, и тяжело поводит боками,
Где ветры стенают, где одиноко им,
Как правнукам осиротевшим твоим.

Скажи «прощай»
Еревану — любви своей,
Чуду, что, в глазах твоих отражаясь,
Красуется, устремляется ввысь;
Скажи «прощай»
И на корабль свой космический поднимись.

«Прощай» — скажи не спеша
Народу армянскому своему,
Что полон надежд к высокой цели прийти;
И бескрайнему Млечному Пути,
И планете любимейшей, наилучшей,
Над которой сгущаются ночью и днём
Атомной гибели тучи.

«Прощай» — скажи смиренно —
Любому из недругов и друзей
И всех людей,
Которым должно пройти этот путь
неизменный;

И болезни своей и своей судьбе,
И себе самому, самому себе
Скажи — «прощай».

11 июля 1969
Больница

АЗАТ ВШТУНИ

Азат Вштуни — псевдоним Азата Сетоевича Мамиконяна. Родился в семье учителя 17 июля 1894 года в Западной Армении в г. Ване (Турция). Окончил армянское училище в Константинополе (1911). В 1911 — 1914 годах жил во Франции, посещал в качестве вольнослушателя лекции в Сорбонском университете. В 1914 году переехал в Тифлис. В 1920 — 1930-х годах принимал активное участие в литературной жизни, много сил отдавал работе в армянской периодической печати (Тбилиси, Ростов-на-Дону, Ереван), занимал руководящие посты в Союзе писателей Армении и в республиканских организациях, ведающих вопросами культуры. Вштуни хорошо знал зарубежный Восток и писал о революционном пробуждении, об антиколониальной борьбе трудящихся и о пролетарском интернационализме. Ряд своих восточных стихотворений и поэм печатал в периодике под псевдонимом Сеид-эль-Нур. В годы Великой Отечественной войны выезжал в составе писательских бригад на Крымский и Кавказский фронты.

Умер Азат Вштуни 26 марта 1958 года в г. Ереване.

Сочинения на армянском языке: Избранное, Ереван, 1971; на русском языке: Стихи и поэмы, М., 1973.

ВЕЗДЕ

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда
с тобою,

Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.

Где ты исхлѣстан плетью, и я изодран тоже.
О брат, и сердце болью полно до края тоже.

Моё терзает тело тот бич багряный тоже,
И тело покрывают большие раны тоже!

Как будто задыхаюсь и крепну сам — с тобою,
Дрожу и поднимаюсь, могуч и упрям, — с тобою.

Когда же радость трубит и песня трубит тоже,
Труху дырявой жизни восстанье рубит тоже,

Моя душа как будто гремит громами тоже,
Я старый мир сжигаю, бросаю в пламя тоже.

Как будто это сам я, горящий, я — с тобою,
Я — миллионы, грозный, творящий, я — с тобою.

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда
с тобою,

Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.

1921

ВОСТОК

Лёг в ширину бездной цветов, точно ковёр вытканый, ты,
Солнца шафран, золота свет, ало-оранжевый джан мой Восток!
В книге моей солнечных дней яркой бежишь ниткою ты —
Песни дыханье, сердца привет, жизненный свет, джан мой Восток!

В сердце твоём лава течёт, множество солнц, много огней!
Армией солнц ты окружён, солнечный сын, джан мой Восток!
Пламенный дух, тайн океан, множество книг в бездне твоей,
Вышедший в мир, грозный шаир, гений веков, джан мой Восток!

Ярче светил люстра ночей, мой и ничей, пламенен ты,
Ты, что с зарёй в муках больших солнце родишь, джан мой Восток!
Горя диван, крови поток, песен земли знаменем — ты,
С тысячью игр, безднами рос, солнечно взрос, джан мой Восток!

Сын твой родной, я — твой поэт — гордо спою тебе хвалу,
Славы заря, солнцем горя, брызжет в тебе, джан мой Восток!
Я возношу мощи твоей, славной твоей борьбе хвалу;
Гривою льва взвита хвала; кладезь побед — джан мой Восток!

1928

Я ВЕРНУСЬ

Далёко ты, о мать моя!
Но в громе битвы голос твой,
Как шелест нивы, слышу я,
Твоя любовь и здесь со мной.
Свет материнской доброты
Сияет ласково вдали.
Печалишься, наверно, ты,
Морщины лоб пересекли,
Но минет расставанья грусть, —
Верь, дорогая, я вернусь.

Я расскажу тебе в тиши,
Как падал враг с штыком в груди,
Ты верной памятью души
За сыном издали следи.
А доведётся услышать
Те песни, что о нас поют, —
Послушай эти песни, мать,
И мой в них славят бранный труд.
Перед врагом я не склонюсь,
Верь, дорогая, я вернусь.

Но если в буре боевой
Коснётся смерть сыновних губ
И будет на земле сырой
Лежать мой охладевший труп, —

Ты, чья судьба мне дорога,
Высоко голову держи.
Пусть носит траур мать врага,
Я бился против зла и лжи.
Я в двери сердца постучусь,
Воспоминанием вернусь.

1943
Ереван

ГЕГАМ САРЬЯН

Гегам Сарьян — псевдоним Гегам Багдасаровича Багдасаряна. Родился в семье портного 25 декабря 1902 года в г. Тебризе (Иран). Окончил в 1920 году Тебризскую армянскую семинарию. До 1922 года учительствовал в армянских школах Ирана (г. Марага и село Винан). В 1922 году переехал в Советскую Армению. Жил до 1926 года в Ленинакане, а затем в Ереване. Принимал активное участие в общественной жизни республики, избирался в 1946-м, 1962-м, 1970-м годах депутатом Верховного Совета СССР.

Поэтический талант Сарьяна по-настоящему развился в Советской Армении. Он стал поэтом социалистической нови. Известны также его поэмы на иранские темы. В годы Великой Отечественной войны создал цикл патриотических стихотворений, написал поэмы об исторических судьбах армянского народа. Гегам Сарьян много переводил с украинского и был удостоен звания заслуженного деятеля культуры Украинской ССР (1972).

Умер Гегам Сарьян 15 ноября 1976 года в Ереване.

В 1969 — 1972 годах вышли в свет на армянском языке сочинения Сарьяна в пяти томах; на русском языке: Стихотворения и поэмы, Ереван, 1959.

* * *

Если б только ты да я
Вышли вечером к ручью,
Унесла бы песнь моя
Думу грустную твою.

Под покровом темноты
Разболтал бы плеск ручья
Всё, чего не знаешь ты,
Всё, о чём мечтаю я.

1920

СОВЕТСКАЯ АРМЕНИЯ

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

Эта красавица с солнцем в очах
Кем рождена?
Тьму разогнавшая светом в ночах
Кем рождена?
В ярком сиянии, в ясных лучах
Блещет она.
Девушка эта с надеждой в очах
Кем рождена?

Взглянет — безмерную даль озарит
Луч огневой.
Словно цветущий миндаль, опалит
Всех красотой.
Волосы светлы, как будто горит
Сноп золотой.
Взор, словно небо, сияет, манит
Голубизной.

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

В битвах, в труде создавали её
С гордою песнею,
На наковальне ковали её
Силу чудесную,
Бережно мы ограждали её
Дали родимые,
Всюду врагов побеждали её,
Непобедимые.

Тянется вдаль бесконечная сеть
Провода медного,
Чтобы стране по ночам не жалеть
Света победного,
Как же нам в песнях своих не воспеть
Славных строителей?
Как же нам лаской своей не согреть
Преобразителей?

К свету и к счастью мечты привели
Вольнолюбивые!
Вот как в трудах мы её вознесли,
Наше творение!
Краем советским её нарекли,
Землю счастливую!
Славится имя родимой земли,
Новой Армении!

Знала ты, прежде чем стала сильна,
Скорбь и мучения,
Верила ты, что настанет весна,
Минут страдания.
Нашим победным трудом создана
Слава Армении.

Край наш советский, родная страна,
Наше дыхание.

Людам зарёй ослепительной будь,
Огненным знаменем,
Смело веди в предназначенный путь
Все поколения.
Чтобы грядущему веку сверкнуть
Ярче и пламенней,
Горя минувших веков не забудь,
Наша Армения!

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

1930

* * *

С тех пор ста поколений нет. А ты живёшь,
поэт,
Твоих могучих песен жар не угаснет, нет!
Во тьме времён, во мгле веков, сколь ни темна она,
Царь песен Фирдоуси, ты сияешь, как луна.
Года бегут, века пройдут, и сколько будет их!
Но не померкнет чистота бессмертных
слов твоих.
Вновь поколения придут и сгинут, говоря,
Что Фирдоуси вечно юн и светел, как заря.

1934

* * *

Вновь пришёл домой я с далёких гор,
Наверху блуждал и в ущельях скал
Слушал диких вод со скалою спор,
И потоки вброд я пересекал.
Птичьи голоса слушал я в лесах,
Шелестом листвы лес ласкал меня,
И ковёр травы в золотых цветах
Расстился вкруг, отдохнуть маня.
Шли навстречу мне, словно волны вод,
Зрелые поля, колос шевеля.
И смотрел с высот старый небосвод

На вершины гор, на тебя, земля.
Таяла вверху облаков гряда.
Шёл я мимо сёл; в дымке голубой
Видел города, слушал гул труда,
Всё, что видел я, — всё принёс с собой.
Всё, что мне в пути было кинуть жаль —
Горы и откос, травы — в каплях рос,
Радость и печаль, виденную даль —
Всё, придя домой, я с собой принёс.

1935

РЕБЁНКУ

Ты — нежный, свежий, шелестящий
На старом дереве листок.
Ты — щебет ласточки, стремящей
Полёт свой к солнцу, на восток.

Ты — свежий лист, в зелёной чаще,
На ветке старого ствола,
Ты — щебет ласточки, летящей,
Раскрыв стрелчатые крыла.

1937

* * *

Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет.
Зажжёшь ты лампу — мрака нет.
Я — человек, и не секрет,
Что мне нужны огонь и свет.

Но сходство можно всё ж найти —
Горю как спичка я почти:
Боюсь сгореть на полпути
И огонька не донести...

1937

* * *

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжеляла грусть,
Как пепельницу — чёрных спичек груз.
Я всё курил, а пепел гас и рос
Над мёртвой колоннадой папирос,
И как руины сердца, в сизой мгле
Стояла пепельница на столе.

1937

ПРОХОЖИЕ

Я встретил юношу, чей взгляд
Направлен в небо был.
«Зачем всё вверх ты смотришь, брат?» —
Я юношу спросил.

И юноша ответил мне:
«Мне люб небесный свод
Затем, что в синей вышине
Мечта моя живёт».

Я встретил мужа в блеске сил,
Чей взор вперёд летел.
«Куда спешишь ты? — я спросил, —
Ты, что горяч и смел?».

И он ответил: «Жизнь вокруг
Бурлит, грустит, зовёт,
Я всё хочу успеть, мой друг,
Я тороплюсь вперёд!».

Согбенный старец под конец
Мне встретился в пути.
«Как можешь ты вот так, отец,
Уставясь вниз, идти?»

Сказал он: «Жизнь прошла моя,
Конца с тоскою жду,
И глаз поднять не в силах я
С земли, куда уйду».

1940

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик, мой птенец,
Песнь тебе спою я,
На войну ушёл отец,
О тебе тоскую.

Пожелай ему в пути
Мужества и силы,
Будет он в тоске идти
От тебя, мой милый.

Пусть он будет твёрд и прям,
Храбр на поле боя,
Пусть придёт с победой к нам,
К нам, сынок, с тобою.

Спи, мой мальчик, мой птенец,
Песнь тебе спою я,

На войну ушёл отец,
О тебе тоскуя.

1944

* * *

Душа чиста, как снег, — храни её от тленья,
От прозябания, от суеты сует.
Ты словом одарён и пылом вдохновенья.
Бессмертен этот дар, так значит —
смерти нет.

1945

РОСТ

Деревцо страны моей, —
Краше не найти.
Год от года будь сильнее,
Крепни и расти,
Чтобы с каждою весной
Ты пышней цвело.
Чтобы тенью в летний зной
Ты людей влекло.
Дай по осени плоды —
Слаще не найти,
Никогда не знай беды
И цветы, цветы...

1946

УКРАИНА

Материнскую ласку прекрасной земли
Берегу я в признательной памяти сына,
О тебе, ненаглядной, мечтаю вдали,
Украина, родная душа Украина!

Всё мне видятся синие воды Днепра,
Древний Киев в предпраздничном радостном шуме,
Здесь, как будто недавно, как будто вчера,
Сам Тарас проходил, погружённый в раздумье...

Всё мне чудится: Канев и праздник певца,
Песнь Тараса исходит народной кручиной,
Тихо дождь моросит... Жарко бьются сердца...
Украина, родная душа Украина!

Всё мне видится... Но омрачается взор:
Полыхают пожары, и рушатся сёла,
Чёрным дымом застлало цветущий простор,
Топчут ноги врага дорогие мне долы.

Но сквозь бурю, как храбрый Богдан на коне,
Мчится воин бесстрашный, светлеют руины,
Отзывается гордою песней во мне
Украина, родная душа Украина!

Вновь цветёшь ты спокойно, родная моя,
Вновь шумит и волнуется зрелое поле, —
Возвратились с победой твои сыновья,
Материнская слава — сыновняя доля.

Будь же благословенна, прекрасная мать,
Будь навеки светла, золотая равнина!
Как хотел бы я землю твою целовать,
Украина, родная душа Украина!

1947

* * *

Прошло. Не сетуй, друг. Таков закон вселенной.
Проходят чередой за днями дни, как дым.
Любой костёр сгорит, любая роза — тленна.
Никто не устоит пред временем седым.

Лови ж свой каждый день, — его тревогам внимли.
Дели с ним радость, гнев, борьбы упрямый пыл, —
Ведь сколько ни живи, возьмёшь с собою в землю
Мучительный вопрос: зачем так мало жил?

1947

* * *

Говорят, это было давно — не вчера,
А когда — неизвестно,
На куски бирюзы раскололась гора
И заполнила бездну,
Стала таять под взорами солнца она
Постепенно, не сразу.
И — проснувшись, вздохнула Севана волна
На груди у Кавказа.

1952

* * *

Ни об одном из всех прошедших дней
Я не жалею —
В счастье и в печали
Они бесценный клад в душе моей,
Они, как звёзды, светят мне сквозь дали.

Порой в них радость, а порой беда —
Я снова день за днём переживаю,

И, кажется, сквозь эти дни всегда
Печально смотрит мать моя живая...

1957

* * *

Ручей, если встретишься с ней в пути,
Ты ей прожурчи о моей любви.
Ты, ветер, следом за ней полети
И ей прошепчи о моей любви.
Леса, если сядет она в тени,
Шепните ей о моей любви.
Весенние птицы, ночи и дни
Свистите ей о моей любви.
Луга и сады, цветами звеня,
Вы с ней обо мне поведите речь!
Вы эту любовь вдохнули в меня —
И вы должны её уберечь.

* * *

Памяти погибших воинов

Я устремляю вдаль усталый взор —
Не возвратились пахари домой.
Лучи угасли на вершинах гор —
Не возвратились пахари домой.

На землю вечер тенью синей лёг —
Не возвратились пахари домой.
Мне мглой холодной душу обволол —
Не возвратились пахари домой.

В тумане вспыхнул дальний свет окна —
Не возвратились пахари домой.
Какая на дорогах тишина —
Не возвратились пахари домой...

НАДГРОБНАЯ

Наземь он упал во время боя,
Ночь мгновенным озарив огнём.
Прах ушедшего от нас героя
Мы земле сегодня предаём.
Брат мой! Ты погиб, но поколенья
Будут помнить трудный подвиг твой.
Спи спокойно, воин! Нет паденья
С высоты, достигнутой гобой.

ХРИЗАНТЕМА

Хризантема, белый мой цветок!
Светишь ты последней сединой.
Как проститься нам? Приходит срок.
Ты, моя печаль, передо мной.

Холод не проходит стороной,
Не видать вдали других дорог;
Мы с тобой белей зимы земной,
Белый снег особенно глубок.

Белый снег особенно глубок,
Без тебя я был бы одинок;
Мы пойдём дорогою одной,
Хризантема, белый мой цветок.

* * *

Тише сонных вод
Лоно звёздных волн.
Там луна плывёт,
Как небесный челн.

И когда темно,
На таком челне
К матушке в окно
Отплывать бы мне!

ВАГРАМ АЛАЗАН

Ваграм Алазан — псевдоним Ваграма Мартиросовича Габузяна. Годи́лся в семье ремесленника 6 мая 1903 года в г. Ване (Западная Армения). Начальное образование получил в приходской школе. В 1915 году, когда турецкая реакционная верхушка организовала истребление армянского населения, Алазан бежал в Ереван. Жил в приюте. Был чернорабочим, учеником в сапожной мастерской. С 1918 года работал в типографии наборщиком. Первое стихотворение опубликовал в 1921 году. Через год — первый стихотворный сборник «Иго лет». В 1923 — 1936 годах был одним из руководителей Ассоциации пролетарских писателей Армении, а затем — Союза советских писателей республики. В июне 1935 года Алазан принимал участие в работе первого Парижского конгресса в защиту культуры. Ваграм Алазан — автор ряда произведений в прозе: «Северная звезда» (1956), «Воспоминания» (1956).

Умер Ваграм Алазан 17 мая 1966 года в Ереване.

Сочинения на армянском языке: Сердце поэта, Ереван, 1954; на русском языке: Сердце поэта, М., 1958.

ТРИ ЗАВЕТА

Он три завета взял с собой,
Идя на фронт, в огонь войны:
Молитву матери седой,
Прощальный поцелуй жены

И плач ребёнка... Там, в боях,
Солдат сражался как герой,
И три завета, словно стяг,
Вели его из боя в бой.

Он шёл вперёд назло смертям
И трижды ранен был врагом,
Но три завета, как бальзам,
Будили снова силы в нём.

И, возвратясь домой с войны,
Был матерью благословлён,
Нашёл объятия жены,
Услышал смех ребёнка он.

1946

АНГАРА

До чего хороши
На реке вечера!
Вроде русской души
Широка Ангара.

К ней на самое дно
С поредевших осин
Закатился давно
Золотой апельсин.

Небо сразу померкло.
Вздыхает волна.
А в неё,
Точно в зеркало,
Смотрит луна,

До чего вечера
На реке хороши!
Широка Ангара
Вроде русской души.

Сколько скрыто в ней сил!
Я и сам рядом с ней
Вроде — твёрже, чем был,
Вроде — духом сильнее...

1949

МЕДЛЕННО ПАДАЕТ СНЕГ

Медленно падает снег,
Стынют леса оголённые.
Сколько мечтаний навек
Кануло в пропасть бездонную!

Много ли к солнцу дошло
Песен, ему предназначенных?
Сколько костями полегло
Дум и любви нерастрченных!

Медленно падает снег,
Стынют леса оголённые.
Сколько мечтаний навек
Кануло в пропасть бездонную!

1953

РОДНИК

Словно совесть моего народа, чистый,
Словно мысль его, правдивый и лучистый,
Зоркий, как и он, добрый, как и он,
Горными снегами вспоен и рождён,
Бьёт из-под земли весело родник.

1954

ГОРЫ

Горы родные, былого страницы,
Окаменевшие думы народа,
Сколько в безмолвии вашем таится
Чаяний, мыслей за долгие годы!

Прошлые вы открываете взору,
Высекла мудрость на скалах морщины.
Горы родные, суровые горы,
Славы свидетели ваши вершины.

1954

МОИМ ВРАЧАМ

Дорогому Айку Джалатяну

Нет, я не верю вам, не верю
И потому лекарств не пью.
Впадать в унынье не намерен,
Но только вы не посягайте
На жизнь мою.

Она для сердца шла не гладко,
Волнений много позади.
Не наводите в нём порядка.
Пускай оно стучит как хочет
В моей груди.

Оно с трудом меня терпело,
Порою я его терпел.
Но вы его хвалите смело:
За ним, поверьте, есть немало
Хороших дел,

И вы ему не говорите,
Что вот, мол, надо отдыхать.
Ещё не все долги покрыты,
Ещё не раз ему придётся
Любить, мечтать.

Я уважаю вас, поверьте,
Но пить лекарства выше сил.
И, право, я далёк от смерти,
А если жить, так жить на свете,
Как прежде жил.

1956

ТВОИ ГЛАЗА

Жизнь на меня не взглянет косо,
Не очаруют чьи-то косы,
Пока горят,
Даря любовь
Всё вновь и вновь,
Твои глаза.

И если буду в бурном море
Тревог, печалей, слёз и горя,
Я буду знать:
Любовь храня,
Зовут меня
Твои глаза.

И если мир мне станет тесен,
Не будет сил, не будет песен,
Испепелюсь, истрачусь весь я,
То к жизни вновь
Меня вернут
И сберегут
Твои глаза.

1956

САРМЕН

Сармен — псевдоним Арменака Саркисовича Саргсяна. Родился 1 марта 1901 года в селе Пахванц (Западная Армения). Родители погибли в 1915 году. Сармен воспитывался в детдомах. В 1932 году окончил филологический факультет Ереванского университета. Первое стихотворение «К свету» опубликовано в 1919 году в газета «Парос», первый стихотворный сборник «Поля улыбаются» вышел в свет в 1925 году (Ленинакан). Сармен — автор текста гимна Советской Армении.

Сочинения на армянском языке: Сочинения в двух томах. Ереван, т. I, 1966, т. II, 1967; на русском языке; «Вершины», М., 1980.

* * *

И замерли горы и воды —
восходит над миром живительный свет.
Прекрасней созданья пока ещё нет...
О царственный гений природы!
С того и светлы небосклоны,
что свет твой струится, и щедр и могуч.
О дай мне, могучий, хоть маленький луч
из царственно-гордой короны!

* * *

Под светлой ивой родничок
всего милей на свете —
так дорог говор мне его
и до того он светел.
Когда сажусь я рядом с ним
в плену хрустальной речи,
то жизнь моя полна чудес —
светла и бесконечна.

* * *

Куда б ни шёл, я — сам с собой:
с тревогой новой иль с печалью,
уже которой — сотни лет,
с утратами, что за плечами,
с бедой, что вынести предстоит.
Мой дух горением прекрасен,
но от смятенья своего —
порой и горек, и неясен.

* * *

Ночь на Армению тихо сошла,
птицы умолкли, река не шумит,
встало такое безмолвье вокруг, —
кажется, ночь сама сладко так спит.

пристально

вперёд.

О мать моя, краток мой путь,
но вечен твой купол седой.
Вовеки пребудь ты! И пусть,
пусть буду я малой росой,
что утром цветов напоит,
что птаху утешит собой —
что радостью утра горит
в ладони твоей луговой...
Пусть дни свои так проживу,
что даже и там, под плитой,
я вспомню небес синеву
и встану цветком над землёй.

* * *

А счастье — как праведник бродит во мгле,
повсюду гонимый и горем, и злом.

Ах, счастье...

Когда ж ты на этой земле
поселишься в каждом жилище людском?

* * *

К вам я пришёл, о деревья, цветы,
вы мне спасенье от боли, —
лучик, летящий ко мне с высоты,
смейся, играй со мной в поле.
Вы улыбайтесь, цветы, родники.
Пусть моя песня живая,
с вами играя,
всем светом строки
вспыхнет средь кровного края.

* * *

Ещё лебединая песнь далека...
Я вышел, и радостен твёрдый мой шаг —
новые грёзы несут облака
и новою песней пьянеет душа.
Я должен увидеть даль светлую дней —
о ней я мечтал с незапамятных лет.
О, отвези меня, кормчий, скорей —
где льётся над берегом радости свет.

ГУРГЕН МААРИ

Гурген Маари — псевдоним Гургена Григорьевича Аджемяна. Родился 1 августа 1903 года в Западной Армении в г. Ване (Турция). «Я был совсем ещё маленький, — писал Маари в автобиографических заметках, — когда потерял отца, чуть постарше, когда потерял родной город». Это случилось в 1915 году. Будущий писатель вместе с другими беженцами из Западной Армении добрался до Армении Восточной. Воспитывался здесь в приютах Эчмиадзина, Дилижана и Еревана. Окончил историко-филологический факультет Ереванского государственного университета (1927). Начал печататься в 1917 году. Первая стихотворная книга вышла в 1924 году. Принимал активное участие в литературной жизни республики. Широкую известность получили лирические стихотворения Маари и его повесть «Детство и юность». Много спорили о последнем ярком историческом романе Маари «Сады горят» (1966).

Умер Гурген Маари 17 июля 1969 года.

Сочинения на армянском языке: Давильня, Ереван, 1960; в русских переводах: История старого сада, М., 1959; Огни Наири, М., 1962.

СНЕГ

Сколько лёгкости в тихом снеге,
Невесомости... Нежно, млечно
Перья птицы, умершей в небе,
Вьются, падают — бесконечно.

И спокойное подступает
К сердцу чувство в денёк ледовый.
Рано ль, поздно ль, зима растает,
Путь к весне уступая новой.

Солнце спустится с гор в низины,
Чтобы в край мой родной вернуться.
Зазвенят, задышат долины,
Луговины нам улыбнутся.

Птицы умерли в белом небе,
Перья сеются бесконечно.
Сколько лёгкости в этом снеге,
Невесомости в снеге млечном.

1920

ТОСКА О ТОСКЕ

В ущелье вечерний изломанный ветер
Упал. И туман луговиной поплыл.
О, как бы я друга заветного встретил,
Со мной разлучённого, — если б он был.

Нет, я о любом не жалею поступке,
Когда, расточая свой песенный пыл,
Чужим раздавал я и вина и кубки,
Хоть собственный кубок наполнить забыл.

О, как бы я друга заветного встретил,
Со мной разлучённого, — если б он был.
В ущелье вечерний изломанный ветер
Упал. И туман луговиной поплыл...

1920

ЛЕТО

Жара. Стоит уже утро.
Плоды разомлели в душном
Покое. Не дышит воздух.
Дома стоят равнодушно.

Ах, сейчас на полях моей родины
Веет ветер, вода шуршит.
Голубеют колосья весёлые,
И зелёное море шумит.

Тишь. Удод за листвою
Напевает с утра:
«Жара!»

1922

ИДИЛЛИЯ

Дождь утихнет,
Приду я в долину пешком.
Там — по девушке грустной
Под каждым кустом.

Я их всех собираю,
Их негданный друг.
Посмеёмся,
Пока не стемнеет вокруг.

О тебе мы пошепчемся,
Глядя в туман,
Нам акация скажет:
«Пора по домам».

И исчезнут они,
Канут в сумерки, в дым,
Под акацией
Я лишь останусь один.

И возникнет луна,
Одевая ревниво
Светом жёлтым лужайки
И нивы, и нивы...

1925

ОРОР, ОРОР, СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Дням юности моей, залитым солнцем,
И новым чувствам жизни смелой, чистой,
Надеждам и мечтам моим бессонным,
Орешине густой, широколистой —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор ущелью и долине,
Тропинке узкой, тополю и птице,
Акации моей, лесной малине.
Пусть нивам, скалам, людям сладко спится, —
Орор, орор, спокойной ночи.

И камышам, и небесам лазурным,
Лесам, камням, и пастбищам, и лозам,
И сердцу, что побито ливнем бурным,
И всем сердцам — кроваво-красным розам —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор поэтам солнцееким,
Чья мысль доныне над людьми витает,
Читателям и близким и далёким
И тем, кто нас уж больше не читает, —
Орор, орор, спокойной ночи.

1926

ПОЭТ

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки...

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.

1926

ЗАКАТ

В жёлтые апельсины
нивы оделись снова;
в поле зеленовато-синем
фата из шёлка цветного
и жёлтые апельсины...

Стадо домой вернулось
с апельсинового поля рано,
сквозь облака всё гуще
просеивается вязь шафрана.
И стадо домой вернулось...

В пруду справляются свадьбы
рыб, звёзд и капли.
Луна там сидит тамадою,
лягушки — опьянели...
В пруду справляются свадьбы.

1926

БАЛЛАДА О ЧАЛО И О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

1

Чало был пёс мой, пёс сероглазый
Чудесным другом был Чало,
Он падал навзничь, он часто лазил
Под бабушкину шаль, в тепло...

Из корзинки старенькой я таскал
Разноцветные лоскуты
И хвост и шею Чало украшал,
Вёл в поля, где цвели цветы.

Чало выступал весьма щегольски,
Шевелил игриво хвостом,
Порою рычал, но не от тоски,
А в собачьем счастье простом.

Обходили мы дворы стороной,
Чтоб не встретить чужих собак.
Вечер падал синею пеленой,
Обступал поля полумрак...

2

Чало был пёс мой, пёс сероглазый,
Чудесным другом был Чало.
Он падал навзничь, скакал, проказил...
Но судьба поступила зло.

Пропал он, пёс мой, в годину бегства.
Под копытами чьих коней?
Грустила осень над бедным детством.
У меня не стало друзей.

3

Весёлой девушкой светлолицей
Была вторая моя любовь.
От волос её пахло корицей,
Золотились косы и бровь.

Стояла полночная тишина,
Когда мы с нею вошли в сад.
В лёгком сером платье была она,
Поспевал в саду виноград.

Под густыми лозами сели мы,
Шелестела вокруг трава,
На мои колени легла средь тьмы
Её милая голова.

О любовь, любовь моя! Ночь. Тепло.
Из туманных её зрачков
Вдруг, грустя, выглядывает Чало,
Говорит со мною без слов...

Тихо нежится виноград вокруг,
Чу... шуршание началось, —
Дождик капает... О пропавший друг,
Я тебя не забыл, Чало!

.

Лай твой плачущий я вспомнил сразу,
Из давних дней его донесло.
Чало был пёс мой, пёс сероглазый.
Чудесным другом был Чало.

1926

ВОСПОМИНАНИЕ

Дождь весенний бушует за ставней
Всё вольней и сильней.
Вспоминаю напев стародавний,
Вспоминаю о ней.

Да, в саду моих песен, как ливень,
Прошумел её шаг.
И от роз распустившихся дивен
Стал мой вспыхнувший сад.

Полон мокрой полыни сомнений
И деревьев тоски,

Сквозь акации увеселений
Он смотрел колдовски.

В нём забился фонтан. Раззадорясь
От избытка — тогда
В нём запела вода-песнетворец.
Зазвенела вода.

И теперь под напев стародавний
Я припомнил о ней.
Той далёкой... За старую ставней
Дождь шумит всё сильнее.

1926

ПЕРВЫЙ

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль — не последняя тоже.
Умрёшь ты, печаль моя, вдруг отзвения,
но новая песня сердца потревожит!

Последний поэт! Ещё нет тебя,
всё ж —
придёшь ты в весёлом, густом оперенье,
и каждая песня поэта — как нож,
и каждая песня — сердец опыление!

Последний поэт!..
Твоя песня как суд!
Будь гордым, смотри ты на мир синеоко!
И пусть изругают тебя и распнут —
но песнею вспашешь сердца ты глубоко.

Придёшь ты из самой глубокой глуши,
и песни твои зазвучат от души!

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль, что в душе у поэта,
она передастся, как эстафета,
она не последняя у меня.

1927

УМИРАЮЩИЕ КОЛОКОЛА

Колокола старых церквей,
колокола старых церквей...
Приснился богу печальный сон —
над грустным миром угрюмый звон.
Над нищею страной моей
бездумный, хмурый, ржавый звон,
он слышен с четырёх сторон.

Колокола старых церквей
над колыбелью звонили моей.
Их медный звон
как долгий стон.
Колокола старых церквей
скоро умолкнут навсегда.
Сын мой, над колыбелью твоей
стройки грохочут,
гремят города,
буден могучих большая страда,
звон наковален
и песни труда...
Всё тише звонят — их пора отошла —
умирающие колокола...
1929

ЛУННАЯ ЛЮБОВЬ

Когда колышутся леса,
Леса тенистые, густые,
Опять тебя, моя краса,
Припоминаю. Прожитые
Припоминаю дни. Закат.
И клён высокий над забором.
И зрелой нивы аромат.
И дуновенья. Тем же взором,
Что был когда-то у тебя,
Луна сегодня поглядела...
И вновь, томительно скорбя,
Я вспомнил, горько, онемело,
Твой лик, твой шаг, моя краса,

И те часы недожитые.
...Смотри, качаются, леса,
Леса качаются густые.
1929

* * *

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так близко-близко.
Любуюсь прядью чёрной,
Не наглядеться.

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Сегодня стан твой юный,
Мой нежный деспот,

Пшеницы золотее.
Ликую взглядом:
Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так рядом-рядом...

1929

В «АНГЛЕТЕРЕ»

Как будто слышу скрип дверей —
вошёл он, встал...
Но всё кончается.
И вот он в комнате своей
в затянутой петле качается.

А жизнь ушла вперёд, в простор.
И без него часы затикали.
Года души его костёр
холодным пеплом весь засыпали.

Ночь. В «Англетере» тишина.
Но песня новая слышна
за окнами рассветными.

Зову поэтов молодых
и розами встречаю их —
весенними, бессмертными.

1935

ЗИМА

Научить бы белый рой
прямо в сердце падать.
Снег, ты белизной покрой
выцветшую память:
лес, мой дом, очаг сырой...

Падай, медленно кружись,
как тогда, бывало, —
в сердце клокотала жизнь,
пламя бушевало.

Падай тихо с высоты,
с вечного простора,
будто бы в чертогах ты
древнего собора.

Белыми мечтами, снег,
сердце застели навек...

1949

БАЛЛАДА О СИБИРСКИХ ВОРОБЬЯХ

В далёкой деревне далёкой Сибири,
В краю, где зима белой гривой трясёт
И дрожь пробирает берёзы, в той шири,
Где славный Ермак завершил свой поход, —

Жестокий мороз обжигает, как пламя,
Прямою колонной возносится дым,
Домишки с продутыми ветром углами
Напуганы насмерть бураном седым.

Сибирская стужа! Ты правишь не всеми,
Не всех укротили угрозы твои:
Под стрехами старых избёнок всё время
Чирикают зябнущие воробьи.

Хотя от чирикания снег не растает,
Амбар не наполнится крупным зерном, —
Чирикают храбрые, шумно взлетают,
Зима не пугает их мертвенным сном.

Пусть голодно, холодно так, что нет мочи,
Один воробей уж замёрз на лету,
И камушком падает жалкий комочек, —
Они всё чирикают, всё на посту.

О чём они свищут, с отчаяньем споря?
О мире на всей утомлённой земле,
О старости, о человеческом горе,
О жизни безбольной, о летнем тепле?

О слове, а может, о равнодушии,
О суетных радостях, песнях, боях,
О тоненьких нитях, связующих души,
Забывших могилах в далёких краях?

О чём — не поймёшь... Но чирикают птицы.
Попробуй-ка, буйную жизнь усьмири!
Пусть ветер и стужа, пусть нет ни крупницы —
Чирикают знай от зари до зари!

1951

ПОЧЕМУ ОПОЗДАЛА ТЫ

Почему опоздала ты, вешняя девушка,
Почему опоздала ты, вешняя грусть?
Я спускаюсь по склону и вижу: ты светочем
Поднимаешься. Я к тебе взглядом тянусь.

Почему опоздала ты, лёгкая бабочка,
Видишь — вечер. И ночи пора наступать.

Видишь, солнце уже за горою далёкою, —
Ах, о чём забывать мне, о чём вспоминать?

Может, нежно обнять тебя, сладко заплакать?
Гладить волосы?.. Как необъятны года!
Неужели пораньше прийти не могла ты...
Чем так поздно, уж лучше бы и никогда.

1953

НА ВОЛОСАХ МОИХ ЗИМА

На волосах моих зима, но в сердце зной.
Как лето, как палящий зной, приду я и уйду.
Я песню унесу с собой и унесу любовь,
Как пламя песни золотой. Приду я и уйду.

Прощайте, тополя мои! Прощай, прощай,
И Арарат священный мой! Приду я и уйду.

Как осень, принеся плоды, уходит прочь,
Отдав поклон земле родной, — приду я и уйду.

1956

АШОТ ГРАШИ

Ашот Граши — псевдоним Ашота Багдасаровича Григоряна. Родился в семье рабочего-нефтяника 9 мая 1910 года в Баку. Среднее образование получил в Бакинской армянской школе. Окончил Ереванский педагогический институт (1931). Как поэт сформировался в Баку. Здесь вышла его первая книга «Вступление» (1934). В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовой военной печати, создал книгу военной лирики. После войны жил в Ереване. Известны стихи Граши о братской дружбе народов нашей страны, о родном Карабахе. Переводил Граши на армянский язык азербайджанские народные песни, лирику Низами, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Петёфи, Самеда Вургунa, Георгия Леонидзе.

Умер Ашот Граши 28 февраля 1973 года в Ереване.

В 1965 году вышел на армянском языке двухтомник стихотворений и поэм Ашота Граши; на русском языке: Деревья меняют листву, Лирика, М., 1965.

* * *

Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла,
В моих горах гнездо свила,
Ты, небо — птица синекрылая.

Меня ты в юность увела,
Как песенка свирели милая.
Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла.

* * *

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,
Как дикая река в ущелье чёрном,
Как этот жёсткий мох, — я остаюсь.

Когда не вижу хоть единый день
Долины дивной с поднебесной кручи,
Нахмурится душа, подобно туче,
И плачет, и уходит глубже в тень.

Я с этой горсточкой земли сращён,
Как звёзды с тёмной бездною небесной,
Как юный лес, который сросся тесно
С землёй и только ею дышит он.

Гнездо навеки сердце свило здесь,
Как куропатки в травах луговины.
Вокруг меня ковыль звенит невинно,
Я этой чистой песне отдан весь.

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,
Как дикая река в ущелье чёрном,
Как этот жёсткий мох, — я остаюсь.

* * *

Скала — подобие крыльца,
Где стелет плющ свои ковры.
И кто сорвёт его с горы —
С того огромного крыльца?

Внизу — извилины тропы,
Вверху — морозная пыльца
И с исполинского крыльца
Летят зелёные ковры.

* * *

Армения — каменотёс.
О, край кирки и молотка!
Люблю тебя, народ-колосс,
Когда ваятеля рука
Крутит базальтовый утёс
И туфа огненного торс.
Ты созидаешь на века,
Армения — каменотёс!

* * *

Где птицы, там армяне есть.
Хоть звёзд распалась горсточка,
Зато приметна звёздочка.
Где птицы, там армяне есть.

Вернись они, и камню цвести,
И персиковой косточке.
Где птицы, там армяне есть.
Хотя их в мире горсточка.

* * *

Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.
Песенкою славит Карабах
Ласточка, играя на свирели.

То мелькнёт стрелою в небесах,
То в долине рассыпает трели,
Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Николаю Тихонову

Весна осталась в Армении,
Где аисты свили гнёзда,
Где всё в цветенье и в пении.

Весна осталась в Армении,
Где плавают в Занге звёзды
В лебяжьем оперении.

Весна осталась в Армении,
Где принимает пшеница
Солнечное облучение.

Весна осталась в Армении...
Но ты на север увозишь
В глазах её отражение.

* * *

Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата,
Из сказок осенних, как брата,
Туманы меня навестить пришли.

Грустит Ереван в жемчужной пыли
И в розовых бликах заката.
Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата.

* * *

Сосна, как зелёная лира Гомера,
Укачивает золотого птенца.
А ветер весенний, как юная дева,
Прекрасным, капризным рисунком напева
Крадёт безнаказанно наши сердца!

* * *

Когда меня придавит вдруг тоска,
Под дубом я зарою эту ношу
Иль в озеро глубокое заброшу.
Когда меня придавит вдруг тоска.

Пусть вихрь её развеет, как порошу,
Пусть разнесут по небу облака.
Когда меня придавит вдруг тоска.
Под дубом я зарою эту ношу.

* * *

Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.
Звёздами вы увенчаны,
Армении белые тополя!

Поровну славу свою деля,
Вечности вы завещаны,
Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.

* * *

В глазах грузинки Грузия живая.
Не зря они мне в спутники даны.
В подробностях природу раскрывая,
Глаза дарят мне облик всей страны.

В глазах грузинки полдень Алазани,
Гранаты, виноград, медовый зной,
И трепетные, трепетные лани
Над снежной и лиловой крутизной.

Всё вижу, всё объёмлю в этом взоре,
Соединяю в сердце и уме
Озёра, реки и леса Коджори
С Казбеком, что стоит в седой чалме.

В глазах грузинки и огни Тбилиси,
И песни, и заоблачные выси.

БАЛЛАДА ПАВШИХ СОЛДАТ

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мёртвого снега.
Мы сгорели в огне?
Вёсны — прах? Сердце — прах?
И любовь умерла не на наших полях!
Нет, живущие, нет! Мы ведь живы впотьмах,
И весна наша стала весною в глазах
У ребёнка, у всех... И любовь умерла?
Нет, живущие, нет! Она силы дала
Вам, чтоб помнили, иначе не было б нас.
Брызжет эта любовь, словно солнце,
из глаз.

Вы жалеете нас? — Мёртвым трудно жалеть.
Наша собственность только одна — наша смерть!
Мёртвым — спать,
Жить живым. Это так, это есть.
Мы желаем всему на земле нашей цвести.
Наша доля весны — поля снеговые.
Вы ищите её в ваших вёснах, живые,
Вы ищите её не на дальней версте,
А ищите, друзья, её в вашей весне...

* * *

Я родился в седле
Конным рыцарем счастья.
Было солнце в селе
Жеребцом рыжей масти.

Солнце — конь боевой —
Мчалось вдоль по обрыву
И трясло головой
И косматою гривой.

Конь скакал по хребту
Без труда и без страха,
Превзойдя быстроту
Лошадей Карабаха.

Где ступала нога
Скакуна боевого,
Растопляли снега
Огневые подковы.

То он брал перевал
Через крайние горы,
То он переплывал
Ледяные озёра.

По утрам при звезде
И потом на заходе
Конь тащил по воде
Золотые поводья.

Конь легко в высоту
Поднимался с размаху,
Превзойдя быстроту
Скакунов Карабаха.

* * *

Мои глаза, из глубины долины
Любившие к горам и к небу льнуть,
Которыми с дней юности невинной
Я девушкам невольно ранил грудь,
Мои глаза степного бедуина, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

И вы, о руки, ни на миг единый
Усталости не знавшие ничуть,
Вздымавшие стихов моих махины,
Вам тоже, тоже смерти не минуть.
Вы канете когда-нибудь в пучину,
Вы прахом станете когда-нибудь.

О ноги, вы, проделавшие длинный,
Извилистый, тернистый, трудный путь,
Вы, вброд переходившие стремнины,
Чтобы до высей снежных дотянуть,
Вы обратитесь в пыль, песок и глину, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

Не надо унывать! Долой кручину!
Не в смерти дело, в превращенье суть.
Всему меняться в мире есть причина,
Растенья осенью хотят уснуть.
Ты, плоть моя, не избежишь кончины,
Ты прахом стать должна когда-нибудь.

Но я не сгину. Я надгробье сдвину
В стремленье встать и ветви разогнуть.
Я персиком цветущим тень раскину
И буду воздух листьями тянуть.
Земля! По зову песни соловьиной
Я оживу, очнусь когда-нибудь.

* * *

В детском краю возле дома
Жаворонок, звеня,
Совьёт гнездо из соломы,
Из усов ячменя.
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Розы отцовского сада
Станут толпой у плетня,
Выбегут за ограду
Гулять в поля, в зелена,
Будет весна

В те времена,
В дни, как не станет меня.

Пережитые события,
Мыслям и сердцу родня,
Вечно, как звёзды ночами, светите
До наступления дня!
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

ОВАНЕС ШИРАЗ

Ованес Шираз — псевдоним Оника Тадевосовича Карапетяна. Родился 27 апреля 1915 года в Александрополе (Ленинакан). Отец был убит в 1920 году. Детство поэта было тяжёлым. В начале 30-х годов работал на Ленинаканской текстильной фабрике. В 1941 году окончил филологический факультет Ереванского университета. Первое стихотворение опубликовано в 1932 году на страницах многотиражки Ленинаканской текстильной фабрики «Манацагорц», первая книга «Предвесеннее» вышла в свет в 1935 году. Ов. Шираз — лауреат государственной премии Армении (1975). Стихотворения Ов. Ширазы переведены на многие языки.

Сочинения на армянском языке: Лирика Армении, Ереван, т. I, 1958, т. II, 1964, т. III, 1974; на русском языке: Стихи и поэмы. М., 1960.

* * *

Века проходят. Их напор
Стирает в пыль громады гор,
Но не сгибаешь ты спины,
В кудрях ни пряди седины,
На гладком лбу ни складки нет,
Не меркнет глаз лучистых свет.
Своих трудолюбивых рук
Не опускаешь, — недосуг.
Ты взял в грядущее разгон.
Страх не знаком,
Смерть не закон
Тому, кто полон буйных сил,
Кто в дружбу с временем вступил.
Таким ты был из рода в род
Извечный юноша народ.

* * *

Лирика! Жить ей и жить века,
Когда это май был на розы скуп?
Кто не мечтал хоть издалека,
Хоть песней коснуться любимых губ?

Когда человечней был человек,
Другому был больше и друг, и брат?
Лирика, ты не умрёшь вовек,
Слишком душой человек богат.

Какая, скажи, не родит скала
Одну хоть фиалку за много лет?
Когда моя лира мёртвой была?
Без сердца рождается кто на свет?

* * *

Был мир нерушим, как древний утёс,
Враг грянул на нас, как гибельный шквал.
Мы встали пред ним, как древний утёс,
Враг взвыл, разъярясь, как бешеный шквал.
Века простоим, как древний утёс,
Враг сгинет, как дым, как скошенный шквал.

* * *

С природой всей душой я слит, —
Я в ней живу, во мне — она.
Ликует сердце иль грустит, —
Природа в нём отражена.

Вгляжусь в черты её порой,
В себя вгляжусь, — понять нет сил:
Я ль сотворён её рукой
Иль сам её я сотворил?

Мы с ней — одно. Та капля я,
Где зрит она лицо своё,
Как вижу сущность бытия
В ничтожном атоме её.

* * *

С неприступных гор я, рождённый в снегу, бегу.
Я сбегая вниз, я повис, подо мной откос.
Напоить прозрачной, студёной водой могу
Куст палимых жаждой, невянущих алых роз.

С неприступных гор я, рождённый в снегу, бегу.
Мне дарили влагу белые облака.
Ждут меня фиалки синие на лугу
И глядят глазами далее издалека.

С неприступных гор, заповедных вершин бегу.
Окроплю с разбега звёздной струёй цветы.
Я от зноя землю древнюю берегу,
Чтоб её цветы растила, — срывала ты.

СТАДО

Уходит солнце на покой, и с гор спускается прохлада,
Я на краю селенья жду у речки возвращенья стада.
Вдруг появляется оно, как лес ветвистый из тумана,
Неся высоко на рогах горячий блеск зари румяной.
Широкогрудые, мыча, идут коровы чередой,
Тугое вымя волоча, — залог обильного удоя.
Благоуханье горных трав они приносят за ворота,
И входит в каждый дом покой, — дневные кончились заботы.

За ними увязался вслед, играя буйными рогами,
Бык-исполин, а ночь уже, дыша, склонилась над лугами.
Всплывает полная луна, вот-вот сиянием молочным
Наполнит до краёв она бездонное корыто ночи.
Редееет стадо. Тишина. И вдруг в неё, подобно туче,
Ворвалась буйволица-мать, тяжка, взволнована, могуча.
Несётся с рёвом, топоча, грозя селению обвалом...
Так по детёнышу она, по сосунку затосковала.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

С фиалками в руках, с лилиями в руках,
С небесами в душе я спускаюсь с гор.
На устах моих музыка, поющая в родниках,
Весенним солнцем пронизан мой, счастьем согретый, взор.

По тротуарам розы разбрасываю вокруг,
И люди, меня увидев, по-новому видят мир.
Прекрасным, благоуханным им город кажется вдруг
И настезь они раскрывают окна своих квартир.

Так я иду, бросая букеты цветов и трав,
Я распеваю песни у каждого окна.
И кажется людям, что это — весёлым юношей став,
По улицам проходит сегодня сама весна.

* * *

Снег растаял в долинах в тёплые дни,
Обезумели снова воды весны...
Обезумели страсти, мечты мои,
Им долины сердца стали тесны.

Но вдали на Масисах — стужа и мгла, —
Весна дойти туда не смогла!

* * *

Проходит молодость моя,
Сорвав ещё не все цветы,
Узнав ещё не все мечты,
Ещё о девушках тоскуя,
Ещё желая поцелуя.
Не выпив чаши бытия,
Проходит молодость моя.

МОЕМУ ОТЦУ — ГЮМРИЙСКОМУ ОГОРОДНИКУ

Приходил мой отец вместе с ветром вечерним Ширака,
И лопата была как луна у него над плечом.
Приходил мой отец — это сон выплывает из мрака —
И казалось: весь мир с ним приходит в наш нищенский дом.

И приносит отец мой волнующий запах баштана,
А лопата блестит — золотая надежда семьи.
У отца на руках лепечу о мечте постоянной:
«Ну когда ж ты возьмёшь и меня на баштаны свои?»

Приносил он с собою дыханье земли, вечно юной,
И в объятьях его было сладостно мне,
И по грядкам амема, по грядкам зелёным тархуна
Я бродил и бродил до рассвета в безгорестном сне.

Приходил мой отец вместе с запахом дальнего поля,
И не верил я матери, мне говорившей, грустя:
«На баштанах чужих спину гнёт твой отец поневоле».
Приходил мой отец... Вспомню — плачу теперь, как дитя.

МАТЬ

Маленькая, кроткая моя,
Просто мать, каких не счесть на свете...
Не сравню родную с солнцем я —
Тихим огоньком она мне светит.

Но когда на матери-земле
Горе тучей солнце заслоняет —
Мрак сердечный в наступившей мгле
Огонёк, чуть видный, разгоняет.

Маленькая, кроткая моя,
Просто мать, каких не счесть на свете...
С горстку солнца вся-то жизнь твоя,
А душе и днём и ночью светит.

* * *

Стал бы к матери злым и придирчивым я,
Если б мог я к ней злым и придирчивым стать, —
Чтоб не так безоглядно любила меня,
Чтоб не стоило слёз ей по мне проливать;

Чтобы, если придётся меня потерять,
Не заметила б даже потери своей,
Чтоб ни разу потом и не вспомнила мать
Обо мне, о беспутнейшем из сыновей.

Только тем ли от горя её убережёт?
И хороших, и злых, — всех нас матери жаль.
Смерть ребёнка разит её сердце, как меч,
И чем хуже дитя, тем острее печаль.

* * *

Весенние ветры тепло принесли, —
Конец холодам! Двери настежь скорее!
Сегодня я, ветры, от дома вдали, —
Пусть мать мою ваше дыханье согреет!

Овейте её ароматами трав, —
Кого, как не мать, вам лелеять влюблённо?
И вы, родники, склоны гор напитаю,
Раскиньте у ног её бархат зелёный!

И вы, голубые фиалки весны,
Целуйте следы её в благоговенье!
А вы хоть на миг возвратите мне, сны,
Одно материнское прикосновение!

* * *

Смехом и лепетом не согрет,
Сумрачен дом, где ребёнка нет.
Дом, где царит тишина, не дом, —
Колокол с вырванным языком.

* * *

Стоит и тоскует зелёная ель,
Глядит на огни в лучезарном дыму...
В лесное безмолвие хочется ей,
Огни золотистые ей ни к чему!

Вокруг новогодний торжественный блеск,
Весёлые танцы, бокалы вина...
А ель вспоминает родимый свой лес,
Слезам смолистыми плачет она.

ПЕСНИ

(Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»)

* * *

О, белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждёте вы со мной,
О, неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждёшь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, торная тропа,

Скитальца ты со мною ждёшь,
От горя чёрная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждёшь,
Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждёшь
И точишь слёзы, мой родник...

* * *

Ветер летучий,
Дай крылья коню!
Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О, каменный край!
Скалами — лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду,
Или могилу
Себе найду.

* * *

О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю.

* * *

Я иду по тропе,
Любовь тая,
Словно в бреду.
Не узнаешь и ты,
О, тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придёт
На страстный зов,
Встретит меня.
Я слышу сейчас
Серебро подков
Его коня.

АМО САГИЯН

Амо Сагиян — псевдоним Амаяка Сааковича Григоряна. Родился 14 апреля 1914 года в селе Лор (Сисианский район Армении). С 1927 года жил в Баку. Окончил в 1939 году Бакинский педагогический институт, участник Великой Отечественной войны, член КПСС с 1946 года. Первая книга «На берегах Воротана» вышла в свет в 1946 году. А. Сагиян — лауреат государственной премии Армении (1975), заслуженный деятель культуры Армении (1971).

Сочинения на армянском языке: Сочинения в двух томах, Ереван, т. I, т. II, 1976; на русском языке: «Годы мои», Стихотворения, Ереван, 1970; «Зови, журавль», Стихотворения, М., 1977.

РАССВЕТ

Свет коснулся гор.
Пробегают дрожь по горам.
Горы приподнялись.

Грянул птичий хор.
Пробегают дрожь по ветвям,
Деревья прянули ввысь.

Вскочила на камень лань.
Камни по сторонам,
Как под плетью, прянули ввысь.

И в эту раннюю рань
Из-под скал на диво глазам
Столетия прянули ввысь.

НА ДАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Товарищи по играм и забавам
Ведут меня на дальний берег свой.
Как Иисус, стою в тряпье кровавом,
Исхлёстанный крапивой и лозой.

— Я вам не лгал, я был у птиц в неволе,
Я верен вам! —
распятый на кресте,
Оправдываюсь и кричу от боли,
От крика просыпаюсь в темноте.

* * *

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.
Темнеют горы на горах.
Воспел я отчий мир в стихах.
Я от камней зачат в камнях,
Мне в колыбели камни пели.

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.

* * *

На склоне горном брезжит лунный серп,
Как сколок снега светло-синий,
А льдистый снег на каменной вершине —
Как лунный серп, идущий на ущерб.

Так сердце поздний разум набирает...
Иль помутился духом человек,
Что в образе едином совмещает
Небесный свет, наземный снег...

* * *

Не дали выйти из семени,
Куда уж там — зеленеть.
Не дали для встречи времени,
Куда там — от счастья петь.

Теперь я умею каяться
И клясть несвершённый грех.
Заплатят за труд — считается,
Что я обираю всех.

Грозой греметь — запрещается,
Вздыхнул бы, да людям смех.

* * *

Радуга животрепещущая,
По ветвям выгибающаяся,
На дерево переселяется
Из моей красно-зелёной мечты.

* * *

Пойду, затеряюсь в листве неживой
Лесов, обступивших осенние горы,
Забуду раздоры, укоры и ссоры,
К замшелому камню склонюсь головой,
Для птиц бесприютных я сердце открою,
И стану я ухом лесной тишины,
И, верно, услышу дыхание живое
Под грудями листьев уснувшей весны.

ОРОВЕЛ

Ушло в туман воспоминаний детство.
И луч его, как сказка, догорел,
Но принял я ваш оровел в наследство,
И сказку воскрешает оровел.

О, сколько раз для прямодушной песни
Я покидал предел забот и дел,
Но нет напева чище и чудесней,
Чем ваш, землёй пропахший, оровел.

И я, в ладу с судьбою, как другие,
Во славу жизни много песен спел.
Но с чем сравнить мне звуки дорогие
И в отчий дух проникший оровел?

Вы, мудрые отцы земли армянской,
Я жизнь отдам за гордый ваш удел.
Но как воспеть мне подвиг ваш гигантский
И ваш благословенный оровел?

ГОДЫ МОИ

Годы мои,
Красные и зелёные,
Куда вы ушли?
Годы светлые, годы под чёрной тучею,
Леденящие, жгучие,
Взывающие, немые,
Кривые, прямые
Годы мои!

Где ж вы, всеми скорбями заклые,
Всеми обидами,
Годы мои крылатые,
Годы, с крылами подбитыми?
Где ж вы, мои быстрогонные,
Не пешие — конные,
Любимые годы мои?

Сколько вы принесли — унесли зазорного,
Чёрного, чёрного, чёрного,
Годы мои!
Сколько присказанных слов унесли вы,
Сколько пристрастий — приливы их и отливы,
Годы мои!

Где ж вы? О вас ни слуху ни духу, —
Запивающие небом каменную краюху,
Годы мои!
Откуда взялись — несродные мне, иные,

Не конные — пешие, посошные,
Спешащие годы мои?

Соберитесь вы все когда-нибудь
Вздохнуть, всплакнуть,
Почтить мой прах, вспомнить минувший путь,
Мои бесценные,
Мои мгновенные,
Чёрные, белые, зелёно-красные,
Напрасные и ненапрасные
Годы мои!

* * *

Пел зелёный ветер на лугу
И зелёной песне бывшего, —
Песне отрочества моего —
Вторил от слова до слова.

Рдяный ветер громыхал грозой,
Расстился тенью багровой,
Рдяной песне юности моей
Вторил от слова до слова.

Бурый ветер в глубине теснин
То стихал, то метался снова,
Песне возмужанья моего
Вторил от слова до слова.

Белый ветер подавляет вздох,
Вглядываясь в сумрак суровый,
Белой песне старости моей
Вторит от слова до слова.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

После грозы —
Станет синее небесная синева.
Станет в лугах зеленее трава
После грозы.
После грозы —
Белая лилия станет белей,
Мак разордеется в гуще полей,
Пчёлы к цветам полетят веселей.
После грозы —
Кажутся выше вершины гор,
Чудится шире степной простор,
Эхо в ущельях звучит, как хор,
Рощи притихнут, притихнет бор,
Перекликаются птицы живей,
Шумно летая средь влажных ветвей.

После грозы, что гремела с утра,
Солнце становится к миру добрей,
Люди друг другу сердечней желают добра.
После грозы мне понятней и мир, и ты,
Нет и не будет разнящей нас черты...

* * *

Александру Киракосяну

Мчатся бурные реки твои по-армянски,
С гор слезами сбегают ручьи по-армянски,
По-армянски твоя расцветает весна.

В рощах — говор и пенье пичуг по-армянски,
В пашню крепко врезается плуг по-армянски,
По-армянски нетленны твои письма.

Глубь рассветных небес горяча по-армянски.
Столкновение согласных, звуча по-армянски,
По-армянски, взрываясь, звенит, как струна.

Кузнецов твоих руки крепки по-армянски,
На полях зеленеют ростки по-армянски,
По-армянски таится в камнях тишина.

Сколько раз ты, казалось, из рук уплывала,
Но ты нашей осталась, и ввысь, как бывало,
По-армянски возносится гор крутизна.

Вздох теснин твоих скорбен и тих по-армянски,
Чтим почивших страдальцев твоих по-армянски,
По-армянски печаль твоя мне суждена.

Лишь бы всё, чем живу, чем дышу, сохранилось.
И потом — что ни случилось бы, что б ни случилось —
Будут плакать ручьями снега по-армянски,
Будут вёсны вбегать на луга по-армянски, —
По-армянски — вовеки, во все времена.

ЗЕЛЁНЫЙ ТОПОЛЬ НАИРИ

Красуешься под ветерком, сверкаешь свежую листвою,
Дневной дороге тень даришь, глубокой ночью ждёшь зари,
В теснинах сердца моего звонко-голосый говор твой,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Ах, как взметнувшийся костёр, стоит зелёный твой огонь.
Я издали тебя молю, гори, мой трепетный, гори!
Изжаждавшие поля желанною прохладой тронь,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Поёт мой жаворонок-сын, играючи в тени твоей.
Его получше приголубь, порадастнее одари,
Листвой весёлой осени, отцовской ласкою согрей,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Меча и пламени певец, хочу я лишь твоей любви,
И если в праведном бою прикажет родина: «Умри!» —
Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты живи,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

* * *

Со своим талантом безъязыким,
Со своим величием невеликим,
С добротой суровой в час прозренья,
Со своей не новой точкой зренья,
С жизнью пройденной, не слишком сладкой,
Со своей крестьянской повадкой,
Со своей неловкою любовью,
Со своею кротостью воловьею
Кем-то признан, кем-то нелюбим,
Ты идёшь, твой путь неповторим.

Я ОСТАВИЛ

Арутюну Галенцу

Я клочья снов моих,
Горячих снов моих
Оставил на ветвях, подобно шкурам.
Но ветер гор седых
Легко развеял их
И клочья снов моих
Понёс навстречу бурям.
Лоскутья снов моих,
Горячих снов моих,
Я зря ищу: их нет перед глазами,
Нет снов моих былых
Ни на ветвях пустых,
Ни на цветах сухих
Под деревьями.

Зыбь смеха своего,
Зыбь эха своего
Оставил у реки, не зная горя.
Где смех мой? Нет его,
Смыл дождик след его
И с водами понёс куда-то в море.
От смеха моего,
От эха моего
Исчез и след былой, и даже память,

И ныне ничего
От смеха моего
Не видно на камнях
И под камнями.

На камень средь могил
Я в горе слёзы лил,
Я не грешил напрасной суетою.
Их ветер не унёс,
От тех горячих слёз
Мох из земли пророс
Зелёною весною.
И зелень мхов густых
От горьких слёз моих
Растёт вокруг плиты
И под плитою.

* * *

Моя тропа была, да затерялась.
Мой свет забрезжил и погас вдали.
Над головою неба не осталось
И не осталось подо мной земли.

Во храме сыро, хоть снаружи лето.
Храм опустел, он погружён во тьму.
Нет отблеска, поскольку нету света,
И эха нет — что повторять ему?

Лежат осколки изваяний сбитых,
Лежат повергнутые купола,
Пыль под ногами, где на стёртых плитах
Ни имени не видно, ни числа.

Смешалось всё:
Колонны и хораны,
Следы короны
И рубцы от раны, —
Всё то, что щедро было мне дано.

И жизнь, растроченная мной без толку,
Как безъязыкий колокол, умолкла.
Я — храм былой, где служба шла недолго,
Где нет молящихся давным-давно.

Я УСТАЛ

Устал я.
Я устал спокойно течь,
С самим собой вести беседу с детства.
Устал продуманную слышать речь,
Устал я от словесного кокетства.

Устал я от копеечных забот,
Устал от вечной купли и продажи.
Устал я ждать, что лучшее придёт,
Быть у своей амбиции на страже.

Устал я зариться на пьедестал,
То примерять, что для меня огромно.
Я звание скромное своё устал
Всю жизнь эксплуатировать нескромно.

Устал ото всего, что в жизни брал,
Всего, что было впору и не впору,
От преклоненья идолам устал
И от оваций каждому танцору.

Устал я петь и ободрять людей,
Идущих более, чем я, устало.
Усталый, от усталости своей
Устал я!

* * *

Утро и солнце.
В травах
Стёжкою луговой
Льётся ручей, и знамя,
Синее вешнее знамя
Держит над головою.

Раннее, раннее утро,
В росных и рослых травах
Тополь шагает,
В кроне —
Солнце в синей оправе.

Утро и солнце.
Травы
Смуглой рукой раздвинув,
Юный цветок возносит
Венчик свой синий-синий.

Утро и солнце.
В травах,
По тропе муравьиной,
На муравьиных спинах
Двигается труп пчелиный. —
Раннее, раннее утро.

* * *

Собою был и всеми сразу.
Кем только не был — пастухом и князем,
И исполнял, и отдавал приказы.
С одним был близок, а с другим далёк,
К тому захаживал на огонёк,
Чтоб скоротать за пивом вечеров.
Был лесом, щеголяющим листвою,
И августовской выжженной стернёй,
А иногда бывал и целиной.

Был разным, лишь бы не сказали,
Был всяким, лишь бы не прогнали,
Чтоб только лишним не назвали.
Замес был крут, и я бы мог...
Я был задуман как пророк,
Как бог,
И прям я был,
И был высок,
И был, как сто моих дорог,
Изрезан вдоль и поперёк,
Запуган так, что сам не смог
Найти свою в клубке дорог.

КАМЕНЬ

Камень — стая, и камень — стадо.
Камень — выход. Камень — преграда.
Камень — паства,
Подпасок, пастух,
Камень — яства, и камень — дух.
Камень — защита, и камень — свет.
Камень — мудрость, опыт, совет.
Камень — пламя, камень — огонь.
Камень — всадник, и камень — конь.
Камень — оплот, полёт и орёл.
Камень — подушка, скатерть и стол.
Камень — земля, борона и мотыга.
Камень — таинство, камень — книга.
Камень — рана, камень — бальзам,
Камень — храм.
Он бедность наша,
Он щедрость наша,
Чан судьбы он — он скорби чаша...
Камень — каторга, камень — страда,
Камень — ненависть, камень — беда.
Камень — доспехи, оружие, воинство.
Камень — достоинство.
Камень — недруг, и камень — друг.

Камень — прадед, и камень — внук.
Камень покорный,
Камень упорный,
Камень верный, камень коварный,
Камень — давящая и пивоварня.
Камень — характер. Камень — натура.
Камень — культура.
Камень — яблоко,
Камень — гранат.
Камень — облако.
Камень — град.
Камень — арка, купол, порог.
Камень — алфавит, и камень — слог.
Камень — проклятье.
Камень — дар,
Объять вечности и хачкар.
Камень — небыль, и камень — быль.
Камень — стиль.
Камень беспомощный и всемогущий.
Камень — прошлое. Камень — будущее.
Камень — весы.
Камень — часы.
Камень — шествие.
Камень — нашествие,
Танец Звартноца,
Гехарда псалмы,
Камень — Мы.

* * *

Изношен день. Он дожил до конца.
Ну, что ж! — мир праху твоего творца.

Спросить бы день и получить ответ, —
Кто и куда дневной уносит свет?

В каком ущелье столько голосов
День прячет, запирая на засов,

Пока летит над прахом прошлых дней
Со скал в ущелье конница теней.

* * *

Со дня рожденья моего
И до рожденья моего
Сколько пришло и ушло человеческих судеб —
Никто не знает.
Если мне взять и сложить
Все эти судьбы вместе, —
Получится пять тысяч вечностей.

Это и есть моя жизнь.
А я ещё ворчу,
Что мало прожил и ничего не видел.

* * *

Я в детство впасть опять хочу:
В окно к Гязбелу постучу;

Ночь приглашу к себе в кровать —
Одеждой бога поиграть.

Засну. Во сне найду косу, —
Скошу на небе полосу

И в молотилку на кругу
Седое облако впрягу.

И ветром горным, как прутон,
Чуть подгоню его потом.

Потом на Млечный путь зайду, —
Поярче выберу звезду

И принесу её с луной
В рассветный час к себе домой.

* * *

Левону Мкртчяну

Мне часто кажется, что я
Жизнь проиграл свою. Все дни
Свои пустил на ветер, а любовь
Отдал быстротекущему потоку.

Я точно знаю — горсть моя пуста,
Но сердце не скудеет, слава богу.
И всё-таки мне кажется, что я
Жизнь проиграл свою.

Когда

Я дрался, — дрался от души,
А если что-нибудь дарил — дарил от сердца.
И всё-таки мне кажется, что я
Жизнь проиграл свою. Все дни
Свои пустил на ветер, а любовь
Отдал быстротекущему потоку.

* * *

Наверно, этот лес и скалы,
И мха зелёного клоки,
И камня дикого завалы,
И русло высохшей реки,
И клён над липою в печали —
Для нас имели б интерес...
... Но, может, мы другими стали
Или в другой попали лес.

* * *

Ущелье прядёт из тумана печаль
По всем журавлям, улетающим вдаль.

Цветок безымянный окутался в тень —
И в чёрную ночь превращается день.

Холодного облака белая мгла
На темя высокой вершины легла.

И солнце, как чаша с багровым вином,
В подвале заката стоит кверху дном.

По сочетанию этих примет,
Наверно, уходит великий поэт.

ГУРГЕН БОРЯН

Гурген Михайлович Борян родился в семье учителя 20 июня 1915 года в г. Шуше в Азербайджане. В 1920 году семья переехала в Ереван. Начал печататься с 1930 года. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовой газеты. В 1950 — 1954 годах был секретарём правления Союза писателей Армении. В разные годы был главным редактором армянской литературной газеты «Гракан терт», журналов «Советакан граканутюн» («Советская литература»), «Литературная Армения». Окончил в середине 1950-х годов Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Известен Гурген Борян и как драматург. Работал для кино. За сценарий фильма «Братья Сарояны» был удостоен в 1970 году Государственной премии Армянской ССР.

Умер Гурген Борян 15 апреля 1971 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1957; на русском языке: Родная земля, М., 1975.

СЕРДЦЕ

Я песен не слагал, что сердцу не верны.
Всегда, всегда они лишь сердцем рождены.
Их вдохновенный путь простёрт передо мной,
Надежды и мечты о сердце бьют волной.
Я сердца властелин, но пленник песен я...
Из сердца вновь и вновь рождайся, песнь моя!

1940

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Укрылась облачком луна,
Дремотно плещется волна,
К траве склоняются цветы,
Не спишь, малышка, только ты.
Ты глазки ясные сомкни.
Чтоб сильной вырасти — усни.
Тебе пою,
Баю-баю.
Отцом оставленную дочь
Хранит отчизна день и ночь,
Прохладой — в зной, теплом — в мороз,
Чтоб не лила горячих слёз,
Вся наша родина, как я,
С тобой, кровиночка моя!
Тебе пою,
Баю-баю.
Летят, курлыча, журавли
Над нивами родной земли;
Приносят радостную весть:
Отец твой скоро будет здесь.
Эй, журавли, сквозь тьму и свет
Ему несите наш привет!

Тебе пою,
Баю-баю.

Горит над нами та звезда,
Что не померкнет никогда,
Всегда светлы и горячи
Её победные лучи.
Ясна звезда страны твоей,
И всё живое рвётся к ней.

Тебе пою,
Баю-баю.

Укрывшись тучкой, спит луна,
В реке не плещется волна,
Спит ветерок в тиши полей,
И, чуть дыша, поёт ручей,
Лепечет песенку мою:
Баю-баю, баю-баю...

1943

ТЫ ЖДЁШЬ МЕНЯ

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

Лежу в промокшем блиндаже. В углу
Фонарик спорит с темнотой.
Закрыв глаза, плыву в сырую мглу.
Не спится. Прочь бежит покой.

Ночь. Мнится мне, что вся земля сейчас
В оцепененье забытья,
Нет никого, кто не смыкает глаз,
Кого окликнуть мог бы я.

Но нет, есть кто-то на родной земле,
Кто в эту ночь не может спать,
Кто ждёт меня в тяжёлой этой мгле, —
Ты ждёшь меня, тоскуя, мать!

1943

ДЕРЕВЬЯ НА УЛИЦЕ АБОВЯНА

Брожу ль в золотистые сумерки я,
Спешу ль, озабоченный, утром рано, —
Со мной разговаривают друзья —
Деревья на улице Абовяна.

Зелёные песни, знакомую речь
Я слышу сквозь бурю моих раздумий,

Хотят ли от грусти меня убережь,
Звенит ли надежда в их чистом шуме?

Завесу прошедшего я отведу,
И детство вдруг выплывет из тумана, —
Вот здесь мы сажали, как будто в саду,
Деревья на улице Абовяна.

Мы все пионерами были тогда,
Мы шли из предместий, как на кочевье,
Немало вложили мы чувств и труда
В зелёную поросль — в эти деревья.

А после как часто по мостовой
Бродил я влюблённым, с думою жаркой,
Под этой сплошной тенистой листвою,
Что стала любви триумфальной аркой.

Когда уходил я далёко от вас, —
Под громом военного урагана
Я думал: как грустно шумят сейчас
Деревья на улице Абовяна!

Я с поля сраженья победу принёс,
Я видел отчизну в боях непрестанно:
Зелёным костром меня грели в мороз
Деревья на улице Абовяна.

И снова я дома — солдат и певец,
Вот дочка моя, смугла и румяна.
Как рады мы оба — и дочь и отец —
Деревьям на улице Абовяна.

Настанет пора поколеньям иным
Шагать по земле, где брели караваны,
И новой листвою шуршать будут им
Деревья на улице Абовяна.

О, если б смогла моя песнь доплыть
До берега будущих дней, не увянув!
Я сердце вложил в эту землю, чтоб жить
Деревьям на улице Абовяна.

1946

ЕРЕВАНСКИЕ РАССВЕТЫ

Тыходишь в дорогу, — в мечтаний пожар,
Все дороги открыты — прими их привет,
Для тебя он сияет, как радостный дар,
Ереванский наш щедрый рассвет.

Ты стремишься, борясь ночи, дни и года,
И родится от прошлого — нового свет,

Пусть дорогу твою освещает всегда
Ереванский наш новый рассвет.

Пусть и песня моя будет рядом шагать
И получит от жизни желанный ответ,
Поколениям грядущим пусть будет сверкать
Ереванский наш вечно горящий рассвет!

1946

МОЯ И ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Ты вновь ко мне пришла, любимая моя.
Вечерняя заря погасла вдалеке.
И снова мы сидим, дыханье затая...
Под шелест тополей... одни... рука в руке...

Томление души о вечном говорит.
О, как прекрасен мир, наполненный гобой!
Вечерняя заря погасла, но горит
Весенняя любовь предутренней зарёй.

1946

МОЖЕТ, И ЛУЧШЕ, ЧТОБ ТАК...

Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак?
Дым да туман без конца,
Чтоб затерялись пути
И не томились сердца,
Чтобы в густеющей мгле
Стили ручьи на земле.

Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак?
Что нам осталось теперь...
Снег расставания лёг
На расстоянья дорог,
Что нам осталось теперь?
Память, и боль, и печаль,
Влажная, снежная даль.

Может, и лучше, чтоб так...

1961

МНЕ ГОВОРЯТ...

«Поверь! — мне говорят. —
Нет больше новых слов.
Веками все подряд,
Кого ни назови,

Писали о любви,
Про вздох и жар крови —
Всё слышала любовь».

Мне говорят: «Смешно!»
«Наивный! — говорят. —
Исхожены давно
Любовные пути,
И некуда идти...
Все тропы и пути
Истоптаны подряд...».

Так люди говорят.
Неужто все пути,
Неужто все слова?
И новых не найти,
И жизнь ещё жива?
И было, как сейчас,
Без наших губ и глаз.
До нас, до нас, до нас?

1965

МАРО МАРКАРЯН

Маро Егишевна Маркарян родилась 22 декабря 1915 года в Шулавере (ныне посёлок Шаумян Марнеульского района Груз. ССР). Окончила в 1938 году филологический факультет Ереванского университета. Первое стихотворение опубликовала в 1935 году, первую книгу «Задумчивость» — в 1940 году. Внешняя канва жизни поэтессы более чем спокойна, однако Маро Маркарян живёт напряжённо и ранимо, живёт активно...

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1978; на русском языке: Стихотворения, М., 1979.

* * *

Я в мир пришла как под хмельком
И оттого иду не в такт,
Я изнутри обожжена
И оттого иду не так.
В круговорот
Невзгод, забот
Растерянно погружена,
Я выровнять пытаюсь шаг —
Не получается никак!
Швыряет жизнь и в свет и в мрак,
И сердце тайно устаёт.
Всем улыбаюсь на ходу,
Кто мне знаком и незнаком.
С ноги сбиваясь, я иду
Как в полусне, как под хмельком.

1968

* * *

Растаял лёд
От чьего-то родного дыханья.
От чьего-то существованья
Немыслимо дорогого,
От чьего-то участия немого.
Кто же это проходит, как луч,
Сквозь печаль мою, не сказав ни слова?

1966

* * *

Щедро, как бог, как бог,
Делишься счастьем со всеми,
Легко, как бог, как бог,
Несёшь ты любовей бремя,
Многих любовей, как бог...
Может, просто вымысел ты,
Может, слишком пусты

Небеса показались тебе,
Захотел перемены в судьбе,
Захотел ты земных тревог
И с небес спустился, как бог,
Как бог...

1964

* * *

А потом на берегу ручья
Поднялись крапивы острия;
А потом и радуги пропали,
Сгнули, увяли, отцвели;
А потом всё, что любила прежде,
Стало вспоминаться как-то реже;
А потом и острия крапивы,
Зеленея злыми огоньками,
Душу изожгли.

1968

* * *

Плачут дудки, горько плачут,
Надрываются они.
Вспоминаю я, что значат
Мной покинутые дни.
В этих столах — голос бедствий,
Безутешная тоска.
Не себя ль в сиротском детстве
Вижу я издалика?
Голос горестных рыданий
Полон тайных жгучих сил.
Он виденьями в тумане
Сердце мне разбередил...
Дочка тоже слышит пенье
Старых дудок, но она
Смотрит вдаль, чужда волненья,
Безучастна, холодна.
Ей невняты звуки эти,
Горькой жалобы язык...
Словно несколько столетий
Разделили нас на миг.

1954

* * *

Нету времени больше ждать,
О пустых вещах рассуждать.
Правду сердца открой сейчас —
Нету времени больше ждать.
Не родишься ты вновь на свет,
Чтобы правду потом сказать.

1957

* * *

Всё на завтра любила откладывать,
Не осталось завтрашних дней;
Я казалась себе юней,
Мол, успею песней порадовать.
Постарела душа, иссякли
Окрылённые строки в ней.

1960

* * *

Написал строчку честную —
Не пропадёт даром.
Зорьку раннюю встретил песнею —
Не пройдёт даром.

Горсть семян раскидал по отрогам —
Урожаем взметнётся.
Камень сбросил с горной дороги —
И это зачтётся.

Слово доброе молвил людям —
Правда полюбится.
Ничего забыто не будет,
Всё окупится.

1958

* * *

Уходят люди,
Добрые люди уходят врозь,
А дорога ещё вся вкривь,
А дорога ещё вся вкось.
Уходят врозь
В этот трудный век,
В этот сложный век,
За гостем гость,
За человеком человек —
Уходят врозь...

1960

* * *

С этих сошла я высот,
А до других не дошла.
Солнце к закату идёт,
Я полпути не прошла.
Медленно движусь вперёд
И тяжело дышу:
Воздух орлиных высот
Трудно переношу.
Тени всё гуще, длинней,
Всё драгоценнее свет
Редких вечерних лучей,
Вовсе сходящих на нет.
Солнце к закату идёт.
Я бы подождала.
С прежних сошла я высот,
А до других не дошла.

1959

* * *

Бывало, с судьбой своей не поладя,
От горя ноешь, свету не рада,
Не видишь конца бессилью.
Но вдруг скала обрушится рядом —
И горе твоё покажется пылью.

1956

* * *

Когда сухие листья
Кружатся в последнем танце,
Когда огонь догрызает
Всё, что хотел,
И краски меркнут
Под сединой золы —
Человек утешается тем,
Что стал мудрым.

1962

* * *

Боги всегда бывали
Жёсткими, как скрижали,
Строги всегда бывали
Боги...

Сами во мгле пребывали,
Нивы к земле прибывали,

Цветы иссушали,
Мосты разрушали,
В тревоги ввергали,
С дороги сбивали
Боги...

Звёзды отодвигали
В недостижимые дали
И на земные печали
Издали слепо взирали.
И поскольку стояли
Где-то на пьедестале,
Сжигали нас и хлестали
Боги...

1970

* * *

Объяснять это сыну бессмысленно,
Что так дорого преходящее
Время, будто бы даром данное,
И отнюдь оно не бесчисленно,
Наших дней число и количество.
Объяснять это сыну бессмысленно,
И погода неподходящая.

1963

* * *

Лишь полуулыбка,
Лишь слово одно —
И счастья полным-полно;
Весь день сияешь, ликуя.
Много ль надо тебе, человек!
И кто ж это малость такую
Тебе, скупясь, не даёт?
А снег идёт,
А снег идёт...
Падает с белой высоты
На белые цветы.

1968

* * *

Звуки и шорохи гасли несмело,
Гасли оттенки, на землю слетая...
Солнце лучи убрало
И село...
Тихие тени,

Руки сплетая,
С солнцем прощались,
Молча сгущались...
Ни одного беспокойного слова,
Звука тревожного,
Умысла злого
В мире не стало.
Всё отдыхает — полночь настала.
Спите...
Я тоже устала...

1958

* * *

В пустом поле, голом поле
По равнине каменистой,
По колючкам и бурьянам
На бугристом суходоле
Девочка бежит босая
С радугою на подоле.

1964

ГЕВОРГ ЭМИН

Геворг Эмин — псевдоним Карлена Григорьевича Мурадяна. Родился 30 сентября 1919 года в Аштараке. В 1940 году окончил гидротехнический факультет Ереванского политехнического института им. К. Маркса. В 1942 — 44 гг. служил в Советской Армии. В 1954 — 56 гг. был в Москве слушателем Высших литературных курсов (Литературный институт им. М. Горького).

Г. Эмин — лауреат государственных премий СССР (1957, 1976) и премии Чаренца (1979). Стихотворения Г. Эмина переведены на многие языки. Первый сборник стихов «Нахашавих» вышел в свет в 1940 году.

Сочинения на армянском языке: Г. Эмин, Сочинения в двух томах, Ереван, т. I, 1975, т. II, 1977; на русском языке: Г. Эмин, Избранные произведения в двух томах, М., 1979.

ИЗ ЦИКЛА «Я — АРМЯНИН»

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

Приснилось мне: в монастыре Севанском,
Луною полуночной осиянном,
Под ливень и далёкий звон копыт,
Дитя рассвета, ненавистник мрака,
Я мучаюсь, Геворг из Аштарака,
Художник, летописец и пиит.

Себя я знаю — я земной и шалый,
Я первый среди грешников, пожалуй,
И я последний из всех святых.
Но я молюсь, молюсь сегодня богу,
Его я призываю на подмогу
В неразрешённых сложностях своих.

Писать молитву поручили в прозе,
А я — я написал стихи о розе,
Не розами, а ладаном дышу.
Трактат о древе страшного распятия
На половине бросил — и опять я
Про древо жизни вечное пишу.

Не знаю, кто меня уж угораздил,
Но вместо глаз твоих — о богоматерь! —
Глаза Хумар, крестьянки молодой,
Я на листах Евангеля рисую,
И все увещевания — впустую!
Но что ж поделать мне с моей бедой!

Да и беда ли это? Сомневаюсь,
Исправиться совсем не порываюсь,
А порываюсь к жизни. Здесь — тоска,
Благословляю сладостные миги,
Когда еретиков читаю книги,
Достав их при свече из тайника.

Меня такого создала природа
Не для молитв, а для тебя, свобода,
Свод кельи мою душу не согнёт!
Ни отлучения не боюсь, ни плахи!
И не пугают ночью меня страхи,
Что буду вызван на святой синод.

.

Века прошли в своём движении грозном, —
Уже ракет промчалось столько к звёздам!
Но до сих пор не сплю, когда всё спит, —
Дитя рассвета, ненавистник мрака,
Я тот же всё Геворг из Аштарака,
Художник, летописец и пиит.

Я — АРМЯНИН

Я стар, как Арарат. Я — древний армянин.
И башмаки мои от вод потопа влажны.
Здесь Ной топтал снега сияющих вершин,
И Бела грозного сразил мой меч отважный.
И камень, с незапамятных времён
Проросший мхом, я обтесал упрямо,
Чтоб он, моею кровью освящён,
Лёг в основание языческого храма.
В долине Арарата на заре
Я, отложив свою кирку и молот,
Огонь затеплил в халдском алтаре...
Я молод был тогда, и Арарат был молод.
Но каждый лепесток в долине стал багрян, —
Всё, что от века было возвращено в ней,
Всходило только на крови сыновней.
Здесь все холмы скрывают прах армян.
Испытанным щитом встречал я натиск вражий.
Стократ я ранен был и побеждал стократ.
Я — армянин. Я стар, как Арарат,
И голову держу я выше горных кряжей.
Мне каждый новый век страданья приносил.
Кто сыновей моих по всей земле развеял?
Кто Арарат дождём кровавым оросил,
Под корень подкосил ростки, что я взлелеял?
Я жил, дышал средь выжженных полей,
На щебне пустырей, на чёрном пепле,
Но кровь свою я превратил в елей
И заново светильники затеплил.
Из множества мечей сковал я лемеха,
Сынам своим вернул отцовскую опеку,
Их скорбь я воплотил в дыхание стиха,
Подобно новому Григорию Нареку.
Я — армянин. Как Арарат, я стар...

И Арарат бы сокрушила сила
Моих страданий. Первый свой удар
Мне наносил любой поднявшийся Аттила.
Я привыкал к резне, веками жил в плену,
Я был, как сирота, в борьбе за жизнь упорен.
На вспаханную новью целину
Упала горсть моих тысячелетних зёрен.
Благословен мой род, его величье свято,
Изгнанником я был — и Родину обрёл.
Я — древний армянин, ровесник Арарата,
Чьей седины крылом касается орёл.

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ ЛЮБОВЬ»

* * *

Три девочки в траве —
Три тонких линии,
Одна из них была подобна лилии.
(О, детские мечты!
Они так радужны,
И все печали их — легки и радостны.)

Три девушки
В пруду вечернем плавали,
Одна из них казалась
жарче пламени.
(О, мудрая природа!
Зелень озими
Собою предвещает зрелость осени.)

Три женщины
В крапах ливня дробного,
Одна к себе прислушалась —
и вздрогнула.
(О, жизни торжество!
Что ни мгновение —
В ней тайно происходит обновление.)

А дети спят,
И сны им снятся дерзкие.
На старый луг ступают ноги детские.

* * *

Ты бы в гости ко мне пришла,
Не была давно у меня.
Горе песней бы прогнала —
Прижилось оно у меня.

Вьётся горлица в тишине
Над оконницей у меня.
Я б увидел тебя во сне,
Да бессонница у меня.

* * *

Снег по улице летает,
Он летает, тихо тает,
Тихо девушка бредёт,
Слёзы горькие глотает.
Отчего её шатает?
Отчего она глотает
Снег и слёзы в Новый год?
Ей узнать пришёл черёд,
Как порою жизнь пытается
И как счастья не хватает...
Потому-то и бредёт,
Слёзы горькие глотает,
Ветер варежкой хватает
И, наверное, считает —
Счастье больше не придёт...

Всё, как этот снег, растает,
Всё, как этот снег, пройдёт...

ИЗ ЦИКЛА «ARS POETICA»

ПЕРВАЯ КНИГА

Юнец, впервые девушку целуя,
Что думает? Спросите у него.
Он думает, что, кроме поцелуя,
Не существует в мире ничего.

Юнцу такому может показаться,
Что даже старцы, бабки, бобыли
Спешат куда-то в парки целоваться
Иль со свиданья только что пришли.

Вот так я с первой книжкой под мышкой
Иду сейчас по улице, — поэт! —
Воображая, что над этой книжкой
Уже склонился чуть не целый свет.

ARS POETICA

Я сам не знаю, что это такое
 Меня столкнуло с торного пути,
 Но я забыл о счастье и покое,
 Чтобы путём поэзии пойти.
 Любою болью времени болея,
 Я беды мира на плечи взвалил.
 Всё, что достойно жалости, —
жалею,
 Всё, что любви достойно, —
полюбил.
 Безоблачно счастливым был пролог,
 За белым мотыльком мечты
я гнался,
 А он предупредить меня не мог!
 Он знал, куда летит, —
и не признался!
 Куда меня всё это завело?
 Служение поэзии похоже,
 Алхимики,
на ваше ремесло!
 Ненастной ночью
или днём погожим
 Глядишь в окно,
глотаешь серый дым,
 Тяжёлым инструментом руки трудишь, —
 Так ты сидел когда-то молодым
 И в старости
сидеть всё так же будешь!
 А золота всё нет.
 И нет покоя.
 Ищу. Ищу. Ищу —
не нахожу.
 И, словно серный дым,
 от глаз
рукою
 Мечты о тихом счастье отвожу.

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

Сильва (Сирвард) Барунаковна Капутикян родилась 20 января 1919 года в Ереване. Окончила в 1941 году филологический факультет Ереванского государственного университета. В 1945 году вступила в ряды КПСС. В 1949 — 50 гг. училась на Высших литературных курсах в Москве (Литературный институт им. М. Горького). За сборник стихов «Мои родные» была удостоена государственной премии СССР (1952). С. Капутикян заслуженный деятель культуры Армении (1970) и Грузии (1980).

Первое стихотворение «Ответ Туманяну» опубликовано в 1933 году в декабрьском номере газеты «Пионер канч», первый стихотворный сборник вышел в свет в 1942 году. В последние два десятилетия активно занимается публицистикой («Караваны ещё в пути», 1964; «Меридианы карты и души», 1976). Переведена на многие языки народов СССР и мира.

Сочинения на армянском языке: С. Капутикян, Сочинения в двух томах, т. I, т. II, Ереван, 1973; на русском языке: С. Капутикян, Избранные произведения, т. I, т. II, М., 1978.

* * *

Не подарила жизнь мне стройности
Своих армянских дочерей,
Их черт печальности и строгости,
Очей, которых нет черней.
Но, чтобы мучилась и пела я,
А не ждала одних цветов,
Она дала мне очи пепельные —
Останки пламени веков.
Когда судьба порою встряхивает
И кувыркком летят все дни,
То в сером пепле
Гордо вздрагивают
Веков забытые огни...

1946

ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Армянам за рубежом

Мой древний народ, мой мудрый народ.
С ореховым деревом ты сравним:
Ты в мира саду, средь горных высот,
Рос в самом конце, под ветром сухим.
Так мало земли под стволом твоим
И так распростёрты руки ветвей,
Что падали век за веком вдали
Плоды, вскормлённые кровью твоей,
На пыльные тропы чужой земли...

1946

* * *

Уходят сыны, уходят сыны:
В тапочках первых, из шерсти пушистой сплетённых,
В твёрдых сандаликах, стоптанных в играх и драках,
В ботинках, натёртых до блеска, бегущих бегом на свиданье,

В сапожищах солдатских, тяжёлых и запылённых,
Уходят сыны, уходят сыны,
Увлечены и опалены
Лихорадкой огромного мира.

С каждой минутой — дальше на шаг,
С каждой минутой — нити слабей.
Неотвратимо отдалены,
Уходят сыны, уходят сыны.

Старая женщина встала в начале дороги.
Стоит и стоит одиноко на старом пороге,
Не шевелясь, не разгибая спины...
И всё дальше уходят, уходят сыны.

1969

В МИНУТУ ТОСКИ

Приди, приди, приди,
Хотя бы без желанья,
Хотя бы для прощанья,
Приди, приди, приди!

Хоть с холодом в груди,
Рассеянный, далёкий,
Насмешливый, жестокий,
Приди, приди, приди!

Пусть горе впереди.
Что плакать об утрате!
Хоть из чужих объятий —
Приди, приди, приди!

1945

* * *

Любовь большую мы несём,
Но я — к тебе, а ты — к другой.
Опалены большим огнём,
Но я — твоим, а ты — другой.

Ты слова ждёшь, я слова жду,
Я — от тебя, ты — от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
Ты бредишь образом другой.

И что уж тут поделать, раз
Самой судьбе не жалко нас.
Что нас жалеть? Живём любя,
Хоть ты — другую, я — тебя...

1945

* * *

Когда ты меня провожаешь домой,
Дорога пыльная наша
Мне кажется усталой тканью цветной,
Весеннего луга краше.

Длины расстоянья на шаре земном,
Дорог бесконечных много...
Зачем же, зачем же так близок мой дом
И так коротка дорога?..

1946

* * *

Да, я сказала: «Уходи», —
Но почему ты не остался?
Сказала я: «Прощай, не жди», —
Но как же ты со мной расстался?
Моим словам наперекор
Глаза мне застилали слёзы.
Зачем доверился словам?
Зачем глазам не доверялся?

1953

* * *

Не надо, милый, клятва, ведь это слепота —
Сегодняшнему дню грядущий дать в залог.
Поверим в этот миг — он истинно высок,
А ждать, искать, молить не будем никогда.

Близки и далеки, как будто две звезды,
Давай любить легко — как будто не любя.
Ведь столько есть цепей! Так новых для себя
Давай не принесём в него ни я, ни ты.

1958

* * *

Не заставь меня плакать, — я плакала много, любимый,
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.

Безоглядно я шла, доверяясь открыто и прямо,
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо.
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.

Мне бы тихо уснуть, по-ребячьи склоняясь головою
На колени твои, — отдохнуть от тоски нестерпимой.
Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое, —
Вечереет мой день, уже ночь у порога, любимый.

1958

* * *

Полюбила — не привязал.
Сердце стыло — не приласкал.
Уходила — не удержал.
А забыла — не вспоминал.
Быстрину судьбы не измерил
И грядущей грозе не поверил...

Что ж зовёшь — я прийти не смогу,
Я давно на другом берегу.

1961

АРМЯНСКИЕ ГЛАЗА

Где ни встречу его: на лице ль малыша,
У крестьянки морщинистой и седоглавой, —
Узнаю этот взор: в нём сияет душа.
О армянские очи, прекрасны всегда вы!

Отразившие древних времён маету,
Сквозь беду и неправье, сквозь боль вековую,
Как смогли пронести вы свою красоту,
Задушевность такую и ясность такую?..

1957

АССИРИЙКА

На миг замедлив деловитый шаг,
Огромный город, вспыльчивый и властный,
К её лицу подносит свой башмак,
Чтоб чистила и украшала ваксой.

Как шаль её старинная бедна,
Как пристально лицо над башмаками,
И чернота её труда — бела
В сравнении с двумя её зрачками.

О, те зрачки — в чаду иной поры —
Повелевали властелином мира,

И длились ниневийские пиры,
И в семь цветов цвела Семирамида.

Увы, чрезмерна роскошь этих глаз
Для созерцанья суетной дороги,
Где мечутся и попирают грязь
Бесчисленные ноги, ноги, ноги...

Что слава ей, что счастье, что судьба?
Пред обувью, замаранной жестоко,
Она склоняет совершенство лба
В гордыне или кротости Востока.

1957

КАРАБАХСКОЕ НАРЕЧИЕ

Язык этот, словно скала, неотёсан,
И древен, и груб, как будто скала.
И твёрд, и упорен, как будто утёс он —
Его бы и буря разбить не смогла.
В народ навсегда неколеблемо врос он,
Как горная цепь в эту землю вросла...

1960

КЛЕОПАТРА

Воители, уставшие от войн,
Как много вы гордились и грозились,
А ныне грезите, как бедуины: вон
Оазис, что затеял бог Озирис.
А это — я. Я призываю вас!
Идите же! Я напою вас влагой.
Отважная, я проявляю власть,
Гнушаясь вашей властью и отвагой.
Стране врагов внушая страх и жуть,
Как доблестно глумились вы над нею!
Я тоже воин и вооружусь
Всей силою, всей слабостью моею.
Идите же! Теперь моя пора.
Вы славите, объятые смятеньем,
Светильник, возожжённый богом Ра.
А это — я. И мой ожог — смертелен.
Страшитесь, победители морей!
Благие ветры вашу жизнь спасали.
Но из пучины нежности моей
Вам не уйти под всеми парусами.
Маяк удачи вас к себе манил,
И мчались вы. Как долго длилось это!
Но кончилось! Во мглу страстей моих
Судьба не шлёт спасительного света.

Пусть царственное мужество мужчин,
Чьё тело прочно, как стена Хеопса,
Вас приведёт принять низжайший чин
Безмолвного и вечного холопства,
Идите же в пески моей земли!
В глубь сердца, милосердного иль злого,
Проникну я, как холодок змеи...
Змея? Зачем мне страшно это слово?
Неужто переменчива любовь
Богов ко мне? Но это после! Ныне
Короны, шрамы и морщины лбов —
К моим ногам! В ночах моей пустыни
Вы, властные мужи, падите ниц!
Вовек вам с рабской участью мириться
И ластиться ко мне, как старый Нил:
«Прости, златокоронная царица!»
Идите же, цари! Я царь царей.
Я — всё, словно вселенная и вечность.
Я — суть судьбы и возражение ей.
Я — женщина. Я — бог. Я — бесконечность.

1940

РАЧИЯ ОВАНЕСЯН

Рачия Карапетович Ованесян родился 8 декабря 1919 год в селе Шааб (ныне село Маяковское Абовянского района Арм. ССР. В 1938 году поступил на филологический факультет (отделение русского языка и литературы) Ереванского университета. В 1941 году, не окончив университета, призывается в армию. Участник Великой Отечественной войны. Многие годы редактировал армянскую литературную газету «Гракан терт», был вторым секретарём правления СП Армении. Член КПСС с 1948 года.

Р. Ованесян — заслуженный деятель культуры Армении (1974), лауреат государственной премии республики (1979).

Сочинения на армянском языке: Стихотворения в двух книгах, Ереван, кн. I, 1971, кн. II, 1972; на русском языке: Дикая роза, Стихи, М., 1980.

ИЗ ЦИКЛА «ЧУДЕСНЫЙ САДОВНИК»

* * *

Мой сад был создан на скале
Безжизненной, тысячелетней.
Лишь змеи нежились в тепле
На мшистых камнях в полдень летний.

Но я, как прадеды мои,
Работал, рук не покладая,
Чтоб закипели здесь ручьи
И ожила скала седая.

В ущельях звон моей кирки
Звучал настойчиво и долго,
И дружно принялись ростки
В земле, что стала мягче шёлка.

Мой сад разросся, полный сил...
Кто ж победил в борьбе упорной:
Скала иль тот, кто раздробил
И вызвал к жизни камень чёрный?

* * *

Обойду я мой сад, осмотрю.
Каждый кустик полью, подвяжу.
Провожая, встречая зарю,
Я весенним цветеньем дышу.

Зеленеющей завязью лоз
Раскудрявился солнечный скат.
На пригорке цветёт абрикос,
Розовеют черешни и пшат.

Я не брошу до первой звезды
Отбелённый землёю кетмень.

Лишь под вечер кончаю труды
С чистой верою в завтрашний день.

Я в давяльне огонь разведу.
Сяду с чётками возле огня.
А деревья в полночном саду
Шелестят в ожидании дня.

* * *

Взволнованно шумит мой добрый сад,
В саду бушует дождь звонкоголосый.
Трепещет клён, тревогою объят.
Прибрежным ивам ветер треплет косы.

В алмазных брызгах куст продрогших роз,
Мой сад, как чаша с влагою кипучей.
Но тот же ветер, что грозу принёс,
Уносит прочь разорванные тучи.

Был этот ливень буен и сердит.
Тугую ветку персика сломал он.
На ветке этой, что в траве лежит,
Плоды сквозные рдеют соком алым.

Ну что ж, зато прохладою дыша,
Животворящих капель мириады
Вспоили землю, и моя душа
Светла, как радуга над склоном сада.

* * *

Я сам себе вопросы задавал
И не уверен ни в одном ответе.
Как жили до начала всех начал —
До первого садовника на свете?

Но этот сад я знаю с детских лет.
Закрыв глаза, я вижу пред собою
Мой добрый сад, и дать готов ответ
За каждый куст, за деревце любое.

Язык цветов мне издавна знаком.
У каждого цветка своя повадка.
Я знаю — кто задремлет вечерком,
Кто подпевает соловью украдкой,

Кто, до утра болтая в тишине,
Струит благоухание ночное,
Кто дружелюбно судит обо мне
И кто злословит за моей спиною.

* * *

В мирный сад ворвался ураган.
Посбивал абрикосы с ветвей,
Растрепал на пригорке тюльпан,
Лепестками осыпал ручей.

Крутит, вертит, уносит вода
Листья, ветки, цветы и плоды,
Видно, буря не любит, когда
На земле зеленеют сады.

Но осенних плодов урожай
Необъятно, бескрайно богат.
Вейся, ветер, бушуй, угрожай, —
Всё равно не погибнет мой сад!

Ты с плодами, с цветами, с листвою
По земле разбросал семена.
Нет преграды их силе живой —
Прорастут, лишь настанет весна.

* * *

Очертаньем на сердце похожий,
Бьётся лист виноградной лозы.
Жаждет счастья, что жизни дороже.
Жаждет солнышка после грозы.

У меня, точно лист виноградный,
Бьётся сердце и плачет в тоске
О любимой, как солнце отрадной,
Что сияет всегда вдалеке.

Сброшен на землю бурей осенней
Тот листок, что устал ожидать.
От весны он не жаждет спасенья
И не верит в её благодать.

Будь весна, будь зима — неустанно
Бьётся жаркое сердце моё,
Дождается встречи желанной
И не верит и верит в неё.

* * *

Я шорох шагов услышал во сне —
И трудно мне было сон превозмочь.
Но сердце почуяло: в сад ко мне
Прокрались воры, встревожив ночь.

«Эгей, — закричал я, — нехорошо!
Как, добрые люди, не стыдно вам!

Придите утром, с открытой душой,
Я всех одаряю плодами сам!

Взгляните, — весь мир в покой погружён.
Высокая ночь — не для низких дел...
Я сон видел, братья... я светлый сон
И до середины не досмотрел...».

В ограде пробоина — ход к ручью.
Спускался в ущелье их тёмный путь...
А я, бормоча, в давящую свою
Вошёл огорчённый — снова уснуть.

* * *

Ну вот и осень вышла на просторы,
Пылая и светясь на все лады...
Шиповник розовеет у забора,
Желтеют тыквы, снятые с гряды.

Молчит моя давящая... Вдоль карниза
Нанизан красный перец над стеной,
А виноград — янтарный, тёмно-сизый —
Лежит ковром на кровле земляной.

Сижу на пёстром, выцветшем паласе
Под яблоней, что в тень меня звала.
Кругом царит глубокое согласие
Благоуханья, света и тепла.

Пылает солнце щедро и богато.
Ни звука... Только с поля над рекой
Вдруг донесётся дальний звон лопаты...
И вновь покой, незблемый покой.

* * *

Пылающий праздник в саду.
Томятся, плоды на весу...
Придите, придите, я жду,
На блюде вам сад поднесу!

До срока останусь ни с чем,
Одним лишь сознанием богат, —
Что был справедливым ко всем
И сладок вам мой виноград.

В погасшем саду схороню
Отрады моей черенки.
В давящие подсяду к огню
Без горечи и без тоски.

На старой тахте растянусь,
Вишнёвую трубку набью
И, слушая ветер, дождусь
Весны в ненаглядном краю.

* * *

Как спелые черешни, врассыпную
На небе звёзды частые блестят.
Чуть зыблет ветер темноту ночную,
Целуя травы, обегает сад.

Созрело за ночь яблоко и с ветки
Упало, не сдержавшись на весу,
И катится ко мне в кустарник редкий,
Разбрызгивая на траве росу.

Я в детстве спал под яблоней когда-то,
И разбудил меня упругий стук —
Мне на одежду с яблони богатой
Крутое яблоко упало вдруг.

Вот если бы найти такое средство,
Чтобы, проснувшись в тёмной тишине,
Почувствовать, что сладостное детство,
Как яблоко, упало в руки мне.

* * *

Чудесно пировать, чудесно!
Не лучше, думаю, в раю.
Как смотрят звёзды! Значит, лестно
Попраздновать в земном краю.

Гранатов спелых сок багряный
Мы выжмем в знойное вино.
Пусть эта ночь, как гость желанный,
Пирует с нами заодно.

Весельем шумным ночь украсьте,
Встречайте новый день вином.
Мои товарищи по счастью,
Как хорошо в краю родном!

Сомкнитесь, чаши, с лёгким звоном
Под переплеск хмельной струи...
Как хорошо нам жить, влюблённым!
Итак, за жизнь, друзья мои!

ИЗ КНИГИ «ДИКАЯ РОЗА»

* * *

Ты очнёшься однажды, когда заклубится вдруг вечер.
И, взглянув на дороги,
что меркнут и меркнут вдали,
покачнёшься,
и тяжесть согнёт твои гордые плечи,
кипарису подобно —
ты рухнешь на темень земли.
И опустится вечер беззвёздным востоком на очи.
И душа содрогнётся от стужи тоски ледяной.
Все надежды сгорят на незримом костре среди ночи —
всё, что было раскаяньем
и было горючей виной...

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Слух вдруг душа неземной обрела —
слышит трава так восхода шаги —
слышал тебя, где не видно ни зги,
но ты не пришла.

Не пришла...

Не пришла...

Холодом звёзд мне студило виски.

Кровь моя стыла подобно воде,
сердце устало бежать от беды,
биться с невзгодами, путать следы...

Воля погасла

подобно звезде,

павшей на чёрное лоно воды.

Лишь эта песня явилась земле —
горькое чадо, —
её в том вина —

миру явилась в печали она...

Сердце расколото было до дна —
так лишь смола кожу рвёт на стволе,
рвёт,
аж трещит пополам тишина.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ

Жизнь мою оборвала стрела Шамирам.
Древний Рим растерзал, и жесток и велик.
Вот и кровь моя предана тхмутским волнам.
Вот и в пламени капищ сожжён мой язык.
Выжжен крест на груди византийским огнём.
И арабским конём вся истоптана плоть.
Вот монгольский костёр: хоть сгорел я на нём —
Сердце саблей османской пришлось проколоть.
Я повешен на клёне — и это не ложь.
Самый дух мой закован — и это не миф.
Я убит и сожжён. Похоронен. И что ж?
Днесь и впредь и вовеки
Я жив!

ВААГН ДАВТЯН

Ваагн Арменакович Давтян родился 15 августа 1922 года в гор. Арабкире (Западная Армения). В 1926 году семья Давтянов переехала в гор. Краснодар, а в 1932 году — в Ереван. В 1941 — 43 годах В. Давтян служил в армии, участник Великой Отечественной войны. В 1948 году окончил филологический факультет Ереванского государственного университета. С 1953 года — член КПСС. В. Давтян — заслуженный деятель культуры Армении (1971). Первое стихотворение опубликовано в 1935 году в газете «Пионер канч», книга «Первая любовь» — в 1947 году.

Сочинения на армянском языке: В. Давтян, Сочинения в двух томах, Ереван, т. I, 1973, т. II, 1975; на русском языке: В. Давтян, Свет как хлеб, Ереван, 1981.

ИЗ ЦИКЛА «УПРЯМАЯ ПАМЯТЬ»

* * *

Там остался рассвет моих первых лет,
Моё первое утро осталось вдали,
Ароматное, словно пшеничный хлеб,
Словно запах распаханной внешней земли.

И родник мой чистейший, мой первый ручей
Безвозвратно остался в начале начал.
Я прозрачней его, веселей и звончей,
Жизнь прожив, никогда и нигде не встречал.

И светлейшее облако там, в вышине,
И заснеженный пик, недоступно высок,
И сияет тот снег малолетнему мне,
Справедливый и добрый, как сказочный бог.

Там остался рассвет моих первых лет,
Моё первое утро осталось вдали,
Небо, тополь и трепетный солнечный свет,
Плач ребёнка, и запах, и запах земли...

* * *

Балка закопчённая, чёрная стена,
Тень застыла чёрная у чёрного окна.
В темноте беззвёздной
Слышен шёпот слёзный:

«Господи Иисусе, Иисус босой!
Шипами и камнями путь усеян твой.
У доброго боженьки
Изранены ноженьки.

В сердце — туча чёрная
От житья проклятого.

Слаба у обречённого
Надежда на распятого».

Балка закопчённая, чёрная стена,
Тень застыла чёрная у чёрного окна.
Мир во мраке тонет,
Снаружи вьюга стонет.

«Господи Иисусе, Иисус босой!
Шипами и камнями путь усеян твой.
Поникшая головушка.
Со схимы каплет кровушка.

Заходи к нам, боже,
В гости, так и быть,
Если хочешь тоже
От страданий взвыть».

Балка закопчённая, чёрная стена,
Тень застыла чёрная у чёрного окна.
Шёпот, затихая,
Смолкает... Ночь глухая.

* * *

Потемнели наши горы,
Сумрак — впереди.
Затянулись наши сборы —
Далеко идти.

Собирали мы поклажу,
Узел за узлом.
Оставляли речку нашу.
Оставляли дом.

Складывали мы посуду,
А потом постель,
Оставляли шорох тут
Возле старых стен.

Увязали узел с хлебом
И котёл большой.
Оставляли мы под небом
Плач и хохот мой.

Затянулись наши сборы
До вечерней тьмы.
Затихали разговоры...
Оставляли мы
Наши горы, наши горы...

ИЗ ЦИКЛА «ЛУЧИСТЫЕ ГОЛОСА»

* * *

Ах, эти камни,
Тяжёлые камни...

На солнцепёке они раскалились,
Летом по влаге истосковались,
В стужу потрескались, раскрошились,
Снежными вьюгами исхлестались.

Ах, эти камни,
Безмолвные камни...

Стонут они и смеются от боли.

Из дали дальней, словно впервые,
С ужасом слышу
Их вопли немые...

ИЗ ЦИКЛА «ВИДЕНИЕ»

* * *

И, проснувшись на рассвете,
С удивленьем я заметил,
Что проснулись до меня
Многочисленные птицы
И сплетают, мастерицы,
Дня мелодию
Из петель
Дыма,
Щебета,
Огня...

И заметил, что травники
Вдоль извилистой тропинки,
По которой шёл босой,
И цветы — уже проснулись,
И, склонившись, ног коснулись.
Взявши в руки по росинке,
Ноги мне кропят росой...

* * *

Горит, горит огнём багровым,
Склоняясь к голубому цвету,
Огнём печальным и суровым
Неопалимая пылает,
Горит, горит — и не сгорает,
И нет конца,
И пепла нету.

И в глубине огня мерцает
Мир, снова ставший населённым,
В кусте горящем возникает
Виденье — синее с зелёным,
Заря нагая полыхает,
И змеи снежные по склонам
Сверкают светом отражённым.

Как солнечный очаг единый,
Долина пламенем объята,
Клюв аистиха тянет длинный
К багряному лучу заката,
И на зелёном, мирном лоне
Пасутся огненные кони,
Гуляют белые ягнята.

И пламя корчится, как в печке.
Мученьем став невыносимым,
Горят виденья дорогие,
Горят огнём неугасимым.
И непохоже на другие
Из пламени звучит наречье,
И — нарастает литургия.

И падает, достигнув мощи,
На лоно вымершего мира,
На дедовские прах и мощи,
И освещает их, как мирра,
И скорбью жгучею поныне
Звучит в обугленной пустыне.

Горит, горит огнём багровым,
Склоняясь к голубому цвету,
Огнём печальным и суровым
Неопалимая пылает,
Горит, горит — и не сгорает,
И нет конца,
И пепла нету...

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ-СЁСТРЫ»

ПЕСНЬ ОГНЯ

То ало, то злато
Пылаешь с мучительным ропотом,
И с синей тоскою
Всё более схоже горение,
Как будто оно —
К небесам обращённое шёпотом,
Горячее, трепетное стихотворение.

Пылаешь, пылаешь...
И, в пламя уставясь, мне хочется
Прекрасным назвать этот ропот и эти страдания,
Как некий обряд,
Или как вдохновенное творчество,
Как чистую страсть — без ответа и без обладания.

Пылаешь, пылаешь...
И стонет огонь, и прощается,
Пред гибелью близкой своей он просит благословения,
И прежде чем дым с небесами,
А пепел с землёю смешаются, —
И впрямь превращается в синее стихотворение.

ПЕСНЬ КРОВИ

Ты в моём теле —
Как в пшеничном поле,
Ты горишь потаённой своей чернотой.
Ты — тревожных бессонниц неволя,
Ты становишься утром росой...

Если чудом
Раскроется красная тайна —
В ней тотчас вековая тоска зарыдает,
Вспыхнет искра прозрения моментально
И легенд первобытный огонь засверкает...

Ты — древнее всего.
Древней ревностью к птице и богу
Ты к вращению звёзд
Обратила столетий дорогу.
Заключённая в жилы тесные —
Безымянная песнь,
Стихи бессловесные...

Ты разносишь по телу надежду весёлую,
Нагнетаешь мне в сердце отчаянье чёрное,
Ты такая усталая,
Ты такая тяжёлая,
Ты — заря, в моём теле навек заключённая...

ИЗ ЦИКЛА «СВЕТ КАК ХЛЕБ»

* * *

Лето,
Поле
И рассвет...

Жаворонки,
ввысь взлетайте
и оттуда воспевайте
этот хлеб
и этот свет!

Лето,
Поле
И рассвет...

Жаворонки,
дети божьи,
песней чудо приумножьте —
этот хлеб
и этот свет!

Лето,
Поле
И рассвет...

* * *

Зыбуч песок, горяч песок,
И небо сине, небо ясно...
Под куполом, что так высок,
Стоишь одна, и ты — прекрасна.

Вскипает и дрожит волна,
И дремлет гордо и смиренно...
Сейчас ты — как кувшин стройна,
И, как кувшин, ты совершенна.

Откинув волосы — воды
Коснулась, встала на просторе...
То тяжело дышит грудь — как море,
А то легко — как луч звезды...

Прекрасен свет в глазах — без слов
Как Евы грех... И — вдаль уводит...
И от тебя печаль исходит —
Бездомной чайки дальний зов.

* * *

Пойду
Поищу в природе,
В наших дубах густолиственных,
Предков моих языческих
Вопли и плодородие...

Встав на колени истово
Перед звенящими детствами,
Перед истоками чистыми,
Я соберу по горсточке
Солнце и совесть честные...

ХАЧКАР

Среди камней
И терний,
Среди снегов
И зноя,
Под солнцем
И под ветром
Неколебимо
Стоя,

Так гордо,
Так смиренно,
Так честно,
Так высоко —
Века
Под небесами
Стоит он
Одиноко.

Как скорбь веков,
Как совесть,
Неколебимо
Стоя —
Против веков
Стоит он
Распятой
Красотою...

* * *

Вершины вдалеке,
Там синий холодок,
Он — от сиянья звёзд,
Его навеял бог.

Стряхнув с усталых плеч
Все горести земли,
Ах, быть бы там и мне
Задолго до зари...

МАТЕРИ

До сих пор о тебе я не смог написать ничего,
Превратить в слова своё благоговенье не смея...
Только думал всегда, есть ли в мире ещё существо,
Утомлённей тебя и добрее?

Ночь сейчас. Дремлет свет. Пробуждается медленно боль.
Я гляжу на тебя — так глядят на развалины храма.
Ты усохла совсем, ты безмолвно глядишь перед собой,
Гаснешь в тихой агонии, мама.

А вчера ты меня позвала, чтоб читал я «Нарек»,
И читал я, а ты шевелила беззвучно губами —
Верно, с богом своим говорила. Дрожал возле век
Свет, что видел я только лишь в храме.

В свете праведном том, может быть, старый тополь наш цвёл,
И чеканила блик наша речка, и в даль уносила...
Тихий луч золотой, упавая на глиняный пол,
С моим детством играл легкокрыло.

Ты с собой унесёшь моё детство, далёкий тот миг,
Где звенят голоса на рассвете расцветшего неба.
Ты с собой унесёшь мой зелёный потерянный мир,
Соли вкус унесёшь ты и хлеба...

И когда чья-то боль к нам в молчаньи придёт на порог,
Кто откроет ей дверь, кто откроет сердца пред смятенной?
Что ты делаешь, мать? Разве буду лишь я одинок?
Сиротой станет совесть вселенной...

ПАРУЙР СЕВАК

Паруйр Севак — псевдоним Паруйра Рафаэловича Казаряна. Родился в крестьянской семье 26 января 1924 года в селе Чанахчи (ныне село Советашен Араратского района Армянской ССР). Окончил филологический факультет Ереванского университета (1945). Первая книга «Бессмертные повелевают» вышла в свет в 1948 году. Широкую известность принесли Севаку поэма о великом армянском композиторе Комитасе «Несмолкающая колокольня» (1959), сборники стихов «Человек на ладони» (1963), «Да будет свет» (1969). Написал монографию «Саят-Нова» (1969). За это исследование ему была присуждена степень доктора филологических наук. В 1966 — 1971 годах Паруйр Севак был секретарём правления Союза писателей Армении, в 1967 году был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Погиб Паруйр Севак в автомобильной катастрофе 17 июня 1971 года.

В 1972 — 1975 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Паруйра Севака в шести томах; на русском языке: Избранное, М., 1975, «Путник», Ереван, 1981.

РУКИ МАТЕРИ

Руки, материнские руки,
Эти древние и юные руки!..

Чего они только не делали,
руки!
На свадьбе твоей взлетали, как лебеди,
руки!

Со страстью, с тоской
Изгибались дугой.

Всё выносили они,
эти руки!
Света всю ночь не гасили материнские руки,
Чтоб утешать крикуна-малыша.

Всё одолеть были в силе
руки!
К небу столбами вносились
скорбные руки,
Чтоб сын не пропал
И столб дома не пал...

Сколько горя и мук
приняли руки,
Пока не взобрался внук
на бабкины руки,
И внукам под стать —
Молодели опять...
Ворочали камни, копали арыки в округе...
Всех в мире наград достойны
родимые руки!

Давайте поцелуем по-сыновьи
Руки, обнимающие нас, —
Что холят нас,
И любят нас, и снова
Стряхивают пыль, сметают грязь.
Все в морщинах,
В варежках дешёвых,
Трудятся и стряпают чуть свет...
Этих рук, шершавых и тяжёлых,
Мягче и нежней на свете нет!

30 октября 1955
Москва

ВЕЧЕР

Автомашины,
Которые до сих пор были похожи
На только что родившихся слепых котят,
Одна за другой глаза открывают.
И тишина
Расталкивает всё,
Чтобы для себя
Должное место расчистить,
И от этого горы кажутся
Отдалёнными.

Словно Хайям, пьянеет одиночество,
Пьянеет и поносит... бога.
И лай добрых бездомных собак сейчас
Кажется не лаем,
А молитвой обтрёпанному и обруганному богу,
Чтобы он богохульника
Простил великодушно.

Темнота, сгущаясь, превращается в тряпку
Для вытирания классной доски,
И небо постепенно
Покрывается звёздным инеем.

Люди же начинают говорить меньше,
Говорить тише,
Ибо лучше, чем люди,
Фонари и огни переговариваются.
И каждый дом
Посылает во вселенную
Свой сигнал:
Детский плач,
Зов матерей,
Автомобилей
И животных

Прерывистое мычание,
А больше всего вот этим огням,
Что мигают, гаснут, вспыхивают
Бесконечно,
И чудится, что это новая азбука Морзе,
Необъяснимая азбука.

А когда гаснут все абсолютно звуки
И эти огни также,
Видимо, наступает мгновенье,
Когда отвечает вселенная
И люди принимают её сигналы... в снах своих.
Сигналы эти похожи на спокойные сны или
Кошмары.

Добрые сны свои вам, любимые,
А ваши кошмары мне несите,
Вашему любимому.

Ноябрь 1955
Чанахчи

БЕССОННИЦА

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:
В Армению к нам
Возвратилась весна.
Там пускаются в бег
Воды мутные рек.
Там блуждает поток
Безо всяких дорог.

Там травы пьянят
И телят и ягнят.
Ежевичник вокруг
Ощетинился вдруг,
Разросся в тепле.
На мокрой земле
Четыре звезды:
Овечьи следы.
И ветер притих.
На листьях сухих
Орехи лежат
И ждут медвежат.
Пень, маленький стол,
Как будто зацвёл.
Плетёт паренёк
Весенний венок.
Пора бы венку
На шею быку.

Издадека
Зовёт паренька
Усталая мать.
Однако не спать
Ему по весне,
Ему, как и мне,
Постель не нужна:
Душа в нас одна.

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:

Вся в пене волна,
И земля зелена.
В Армению к нам
Возвратилась весна.
Возвратилась весна,
И зачем я не там?

10 — 11 ноября 1956
Москва

СОЖАЛЕЮ

Я в жизни всем помог, себе я не помог.
Всем впрок мои дары, мне самому не впрок.
Прохожий поумнел, усвоив мой урок,
А сам безумен я: нерадостный итог.

Всех встречных я поил моим хмельным вином
И не пригубил сам в пути моём земном.
Всю жизнь я сватом был и крёстным был отцом,
Хотя мне больше всех всегда был нужен дом.

Все доверялись мне, как будто я тайник,
Доверившись другим, раскаялся я вмиг.
Всё в жизни расточив, зачем я не привык
Выпрашивать любовь, скупясь, как ростовщик?

20 апреля 1957
Москва

КУЗНЕЦ И ЮВЕЛИР

Узор словесный мне претит. Устал я наконец.
Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец.

5 мая 1957
Москва

ЗАВИДУЮ

Ах, каким, наверно, стало б счастьем,
Если бы, тревогой не томим,
Был бы я бездумно-безучастен,
Как иные, да, подобно им.
И какое счастье, в самом деле,
Вместе с сердцем тихоньким своим
Спать спокойно по ночам в постели,
Как иные, да, подобно им!
Так и жить — беспечно, не внимая
Радостям и бедам никаким,
И на жизнь взирать, как рысь лесная,
Немигающим зрачком немым.
Чтобы ретивое не болело
Тем, что так мучительно другим.
Зло или добро — какое дело? —
Как иные,
да, подобно им!
Только не могу за наше завтра лучшее
Не болеть.
И не могу, не утомим,
Нашу жизнь пустить по воле случая,
Как иные, да, подобно им!..

5 мая 1957
Москва

Я РОЖДЁН

Я рождён, чтобы стать
В сердце матери скорбью немой
И, как сын долгожданный,
Издали возвращаться домой.

Я рождён — утешать
Душу ту, что обидой полна,
И на свадьбах плясать
Со стаканом хмельного вина.

Я рождён, чтобы криком
Младенческим требовать: «Пить!»
Материнским напевом
«Баю-баюшки» первенцу петь...

Я рождён, чтоб светить
Фонарём, где метельная муть,
И упасть в полный рост,
Преграждая отчаянью путь.

5 мая 1957
Москва

* * *

Как содрогаюсь я,
твоим прикосновеньем обожжён.
Внезапно ветер ледяной
При мысли:
Вдруг ты не со мной!

И как пугаюсь я,
в пути неведомом насторожён,
При мысли:
Вдруг любовь убил
Я нежностью моей шальной!

Дрожу,
в тревогу погружён,
Над жизнью сына моего,
И над любимой женой,
И над страной моей родной,

Как сердце,
В холод, в дождь и в зной.

14 ноября 1957
Москва

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Он брат Арарату:
ступни его зноем палит,
зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
отброшенным пламенем жжёт,
хотя каждым словом и помыслом рвётся вперёд.

Слова его тихи,
он их произносит с трудом,
а в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
загадкой слывёт меж людьми,
лишь только б слова его стали пословицами.

16 марта 1959
Москва

* * *

Твоя незрелая любовь и зрелое моё страданье
вдруг встретились, как на тропе
два путника. И побрели.
И разойтись не в состоянье
твоя незрелая любовь и зрелое моё страданье.

Когда, устав, решив прилечь,
мы на ночлег ложимся рядом,
над нами, чтобы нас сберечь,
стоит старинное сказанье.
А между нами, словно меч, —
твоя незрелая любовь и зрелое моё страданье.

20 марта 1959
Москва

ТЕБЯ НЕТ И НЕ БУДЕТ

Тебя нет, тебя нет...

И утро
такое мутное,
такое нудное.

... и не будет тебя.

И горизонт закрыт,
его закрыла не туча,
а воздушная складка твоего платья.

Тебя нет, тебя нет...

И, как воздух, жгуча
эта тоска,
это проклятье.

... и не будет тебя?

И, кажется, чиркнешь спичкой —
и воздух вспыхнет,
и рассеется мрак.

Тебя нет, тебя нет...

И слава богу!
Почему же я чувствую тебя так,
как безногий чувствует ногу,
которой нет!
И не будет!

30 марта 1959
Москва

ИСКУССТВО

Ветер какую-то тянет мелодию,
что и Бетховену сделала б честь.
На горизонте брезжит рассвет —
тусклый на тёмном — картина Рембрандта.

Каждый день миллионом трагедий
жизнь передразнивает Шекспира.

А мы?.. Играем с тобою в искусство
с таким упоением и безрассудством,
каких не знал и герой Сервантеса...

20 марта 1959
Москва

НЕ БЕЗ БОЛИ

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что лишь после того,
Как дерево спилено,
Мы видим его настоящий обхват.

15 декабря 1959
Ереван

Я — СЧЁТЫ

Я в счёты для вас превратился...
И вы
Гоняете взад и вперёд без конца
Костяшки мои.
Вы гоняете их —
Считаете что-то весь день
И ещё
Хотите, чтобы я не стучал?
Чтоб я даже пикнуть не смел?

15 декабря 1959
Ереван

* * *

Я слышу розы красной крик
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И голос маленькой, невзрачной,
мне неизвестной птахи вдруг
приносит звуки одобренья

в часы предрассветной тьмы
сквозь горьковатый дым табачный

и сквозь холодный дым зимы.

И кажется, что почтальон
меня немедля осчастливит,
достав из сумки два письма.
Но писем нет.

Стоит зима.
И курится дымок табачный.

18 декабря 1959
Тбилиси

ЯЗЫК ВОДЫ

Язык воды — язык чужой страны,
который я не твёрдо разумею:
всё, что услышу,
понимаю я,
а вот ответить
не умею.

19 декабря 1959
Тбилиси

ТРЁХГОЛОСАЯ ПЕСНЬ

Первый голос

О родина!
Уже лет тридцать учу я твой язык,
но всё же говорить с тобою о тебе
я без ошибок не могу —
всегда, всегда
сбиваюсь и теряюсь от волнения!

Когда весною ранней
твоей кукушки слышу кукованье,
то мнится,
что кукушка, заикаясь,
моё косноязычье переводит,
восторг телячий мой,
что поздравляет за меня ликующая птица
тебя с твоей весной!

И даже тени летние твои
мои признанья безмолвно переводят
и солнцу твоему на синем небосводе
поют хвалебный гимн любви,
то удлиняясь,
то сжимаясь,
подобно чёрным языкам огня...

Когда плоды в твоих садах осенних
с деревьев каплями катятся огневыми,
понятно каждому, что это
моё торжественное песнопенье,
дарами вдохновлённое твоими.
Об этом говорит и твой морозный снег,
он запах детства дальнего принёс,
он, как и я, в тебя влюблён навек,
и, словно я, он безголос!..

А в мир,
когда с тобою о тебе я говорю, —
о, даже и тогда
не что иное я творю,
как измеряю скудными словами
молчание моё,
чтоб с болью убедиться снова
в бессилье собственного слова,
в могуществе молчанья твоего...

О родина!
Ты — многовековая фамилия моя.
А я...
Суметь бы так мне жить,
чтобы тебе стыда не знать
за то, что ты дала мне имя!..
Ведь гибель праведная — жизни половина!
Суметь бы так мне умереть,
чтоб ты... оплакивала сына!

Второй голос

О моя родина!
Я ничего, ничего не могу тебе дать:
что бы ни дал я тебе,
это будет отдарком —
ты подарила мне всё!

У меня пред тобой даже нет ощущения долга:
весь — с головы и до пят — я твой должник!
Заверяет лишь тот, кто боится,
что ему не поверят.

У меня же и помыслов нету тебя заверять:
я — твоя вера,
зрячая вера!
О моя родина!
Меня призывают тебя изучать.
Зряшный совет!
Я — твоей жизни частица.

Я — тёмный мох
на камнях твоих древних и новых мостов,
на боках родников заповедных,

я — твоя боль, обнажённая в слове,
которое не переводится на чужеземный язык.

Я — только дым
вчераших твоих ердыков
и сегодняшних труб,
лишённый, быть может, огня твоего,
но именно этим огнём рождённый.

Я — только дым,
и этим дымом
вношу в атмосферу твоё дыхание.
Я — дым, и только,
и говорить не умею,
зато твою сущность в небе пишу...
О моя родина!
От цветов и оттенков пейзажей твоих,
вечных и вечно изменчивых,
я так окрашен,
как небо твоё на закате.
Я так испятнан твоими пальцами,
как звёздами небо ночное.

О моя родина!

Я тебе жизни своей не жертвовал
и не участвовал в битвах твоих,
но и полшага, пожалуй, не сделал,
который не вёл бы к тебе,
я начинаюсь тобой и тобой завершаюсь,
как замыкается круг...

Воды твои текут сверху вниз,
я же с низин поднимаюсь к вершинам,
как поднимается зной.
И когда приходит твоя весна,
и во мне эпигонством каким-то дивным
расцветает одна и та же мечта;
если я, как цветок на иссохшем стебле,
как трава на склонах гранитных гор,
если я помогу твоему цветенью,
я смогу сказать:

«Не напрасно жил!..»

Третий голос

Отчизна моя!
Такие слова у меня — для тебя,
каких никогда никому не найти,
я и сам до сих пор не могу их найти!

Они есть во мне,
но их нет во мне, —
вроде мощных струй в глубине твоей!

Они способны гореть,
но и обжечь до слезы, —
вроде чистого спирта лозы твоей!

Они так близки,
но и так далеки, —
вроде той горы, что выросла в твой герб!

3 янв. 1960
Тбилиси

ПРАВДИВАЯ ПЕСНЯ

Правдивая песня рождается так:
Ружьё заряжено. Спущен курок.
Отдачу выдерживает стрелок,
И мёртвым на землю падает враг.

11 июля 1961
Москва

ИМЯ ТВОЁ

Не ненавижу я имя твоё,
Как, быть может,
тело твоё
Ласку рук моих ненавидит.

Ненавижу я имя твоё,
В мой язык оно вонзено,
Словно пшата колючий шип.

Расспроси меня заодно —
Это имя какого цвета?
Этот цвет ненавижу люто.

... Дочь родится на счастье моё —
Дам я дочери имя твоё.
Ненавижу я имя твоё.

25 июля 1961
Ереван

СХОЖУ С УМА

Меня услышав,
Кто спросит, тот прав:
«С ума ты сошёл?»
А вот — мой ответ:
«Да, сошёл навсегда,
Почему бы и нет?»
Как же влюбляться, с ума не сойдя?
Дрова загорятся — с ума не сойдя?
Не побеждают — с ума не сойдя.
Детей не рожают — с ума не сойдя.
С ума не сойдя — вода не вскипит,
 Не треснет гранат, если он не набит
Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
Зрелость, сплошное схождение с ума.
 Лето кончается?
Сходит с ума.
Планета вращается?
Сходит с ума.
Зёрнам, пока не сойдут с ума, —
Колосками не быть.
Ладошкам, пока не сойдут с ума, —
Руками не быть.
Словам, пока не сойдут с ума, —
Стихами не быть...
Ах, быть и мне сумасшедшим вполне...
1 октября 1961
Ереван

БЕЗУСЛОВНОЕ УСЛОВИЕ

Зелёные мысли, зрелые мысли —
Это ещё не стих.

(Нет! Самородок духа,
Самоцвет волшебства,
Раскрытие вечное скобок,
Решение неразрешимого —
Вот что такое стих!)

Бездомные, безымянные,
Горбатые «почему»
Снуют везде; ты впусти его
В душу к себе, окрести его
Словом своим, и выйдет стих
Из горбатого «почему».

Большие чувства, мелкие чувства —
Это ещё не стих.

(Нет! Плоть от собственной плоти
С твоею собственной кровью,
В воздухе некий трепет
И содрогание недр!)

Ночь богаче оттенками,
Чем разноцветный день.

Попробуй поймай ветер!
Попробуй запечатлей
Зыбкую поступь тени,
И получится стих.
Что же делать? Работать?
Но как над этим работать?
К будням привить воскресенье,
Море воспламенить,
Не отставать от века,
Не спешить никогда, —
И яйцо обретает устойчивость,
И пригостишь ты
Вместо яичницы солнце.

7 октября 1961
Ереван

В ЖИЗНИ ВСТРЕЧАЕМСЯ МЫ СЛУЧАЙНО

В жизни встречаемся мы случайно.
А расстаёмся волей-неволей.

Хочешь — молчи,
Хочешь — кричи,
Если поможет крик.
Хочешь — рви зубами подушку,
Хочешь — уткнись в подушку
И прикуси язык.

Если ты верующий — кляни бога,
Если неверующий — поверь.

Хочешь не хочешь — одна дорога,
Жить, не жить — всё равно теперь!
Поздно что-нибудь изменить,
Дело это — пропащее,
Но, знаешь, это и есть — жить.
Это и есть любовь. Настоящая.

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаёмся волей-неволей.

26 января 1962
Ереван

ЗАДАНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫМ МАШИНАМ И ТОЧНЫМ ПРИБОРАМ ВСЕГО МИРА

Вычисляете, всё вычисляете...

А сосчитайте, за сколько мгновений
сколько крови из сердца девушки
приливает к её смущённым щекам
и термоядерной вспышкой рдеет?
Что за космическое излучение
глаз затуманенных достигает,
когда наши взгляды внезапно
встретятся,
и эти лучи обоюдозоркие
опасны или полезны?

А то вычисляете, всё вычисляете,
всё вычисляете...

А подсчитайте, сколько тепла
наши ладони отдали детям,
их волосам шелковистым и пальчикам,
гибким станам наших возлюбленных,
острым плечам наших бабушек немощных,
и, подытожив, вычитите разность
отданного и полученного!

А то вычисляете, всё вычисляете
да вычисляете...

И укажите, на скольких женщин
мужчина — хотя бы один из многих —
глядел с вожделением и корыстью,
на скольких с восторгом благоговейным
и на скольких с братскою нежностью?

И адреса обозначьте тех женщин,
с которыми нас судьба не столкнула,
хотя и могла бы свести на всю жизнь!
И назовите число детей,
наших детей, на свет не родившихся...

А то вычисляете, и вычисляете,
и вычисляете...

Мы ещё толком не знаем даже,
почему человек смеётся,
лишь человек, и никто другой.
Ну так сочитите количество смеха,
рассортируйте его по звуку
и объясните разницу между
хохотом и усмешкой...

Электрическим черепом всемогущим,
циклопическим глазом всепроникающим
разложите тоску и тот дым спрессуйте,
невидимый дым, который всегда
приходит с тоской и один уходит:
куда-то рассеивается, но куда?

А то всё считаете, всё считаете...

И назовите ближайшую дату,
когда угнетаемые народы
освободятся от угнетающих,
когда возмездие неизбежное
свершится именем справедливости.
Сколько веков уже, в боге изверившись,
ждут этой даты жертвы насилий,
всё ещё верят, всё ещё ждут!
Вы, провозвестники нового века,
не окажитесь и вы химерой.

А то всё считаете, вычисляете, прогнозируете...

И укажите число мостов,
страны связующих, по которым
хотели пройти мы, но не проходим
и не пройдем никогда...
И назовите число упований и грёз,
названных этими именами
лишь потому, что они не сбываются.
И несомненным числом обозначьте
сомнения, с которыми мы созреваем,
а чаще всего до времени старимся.

И линию разочарованья найдите,
и хочется верить, что хоть она
не будет зигзагообразной.
И вместе с линией жизни нашей
найдите надежды обманутой линию,
они параллельны, а параллели,
кажется, не пересекаются.
И подсчитайте количество дней и ночей,
неисчислимо бессчётных, пропавших бесследно
в очередях, в походах и в чтение газет
многоязычных, заглавными буквами чьими —
огненно-чёрными — каждое утро глазают стволы
дальнеприцельных орудий, и душу сверлят перископы
лодок подводных, и красную кровь превратить
в белую воду хотят водородные бомбы.

И подытожьте-ка, сколько урана взорвать
надо на этой земле, чтоб кора раскололась
и обнажилось ядро?

Вы должны подсчитать
и объяснить, от каких ещё видов оружия
матери больше детей не сумеют рожать.

Если вы сможете всё это точно учесть,
больше не будет нужды говорить об утрате
веры и бремени этой утраты.

Останется вам
лишь объяснить,
каким чудом
под бременем этой потери
мы не вонзились ещё в эту землю,
как кол?!

И объясните по-дружески также, как часто
андерсеновский мальчик является в мир,
чтоб короли увидели, что они голы?
И, если можно, откройте нам, будьте добры,
как они ходят теперь:
наготу прикрывают
или по-прежнему голы, а тех, кто дерзнули смотреть, —
жить заставляют с завязанными глазами?

И сопоставьте — бетховенская глухота
связана ли с возмущениями в атмосфере,
с мощными взрывами на потрясённой земле,
и, если связь существует, прошу, поясните,
что, современники, можем мы в будущем ждать:
множество новых бетховенов мир осчастливят
или количество глухонемых возрастёт?

И подсчитайте ещё напоследок, прошу вас,
как,
каким образом,
с помощью доброй машины какой,
может ещё человек
оставаться и быть человеком
или же только теперь
Человеком пытается стать?

26 октября 1962
Ереван

ИСПОВЕДЬ

Во мне самом француза-вольнодумца
Услышал я, не внял я
Голосу моих благоразумных предков.
Святой отец Благоразумие!
Тебе в грехах я исповедуюсь.

Святой отец! Пускай ценою жизни,
Стерпеть хотел я слово «осторожно».
И это грех?

Святой отец! Подумал я, что можно
За правило принять неправильность.
И это грех?

Святой отец! Что, если будут ноги
Самим себе повиноваться,
Голове наперекор?
И это грех?

Что, если нам хоть раз в течение веков
Не налагать на слово «человек»
Эпитетов-оков?
И это грех?

Святой отец, где исповедаться
Не верующему в тебя?

Я жажду исповеди
Любой ценой:
Ценою отлученья
И вечного мученья.

Где мне исповедаться? Кому?
Святой отец Благоразумие!
Нет, не святой, нет, не отец!

14 июля 1963
Ереван

ПРИКОСНОВЕНИЕ МГНОВЕНИЯ

Когда вонзается закат огнистым гребнем
в облака
И выбегает ветерок обнюхать землю, как щенок,
Уткнуться в каждого из нас,
и в каждый куст, и в каждый лист...
Когда вечерний холод чист,
заносчив, молод, мускулист
И, разрешив себя ругнуть, заставит ворот
застегнуть...
Когда сквозь бархат темноты не слышно лая суеты,
А знаки редкие огней
зажгут орнамент древних дней, —
Тогда с наивностью детей
Я верю вечному добру
И в то, что смертью я умру...
простой, естественной, своей...

14 ноября 1963
Ереван

ОДНОГЛАЗЫЙ

Одним лишь глазом смотрю на жизнь
(Другой из простого стекла).
И вижу глазом этим одним
Многое я,
Но больше в сто крат вижу вторым,
Потому что мне
Глазом здоровым видеть дано,
Мечтать же — только слепым.

14 ноября 1963

Ереван

ТАК НЕ ЛЮБЯТ

Меж любовью и долгом
это я торчу,
как шлагбаум...
Вот я выдерну с корнем себя,
то есть прямо к Закону пойду,
поднимусь и скажу:
«Сделай, Отче, меня, человека,
беспристрастным параграфом Свода Законов твоих.
Сотвори из меня, — я скажу, —
твоё нет и нельзя,
не положено,
не подобает...
Возьми мои руки —
для чего они мне?
Всё равно я торчу, как бревно,
меж любовью и долгом —
возьми мои руки, ты слышишь?!
Всё равно без неё как без рук!
Без неё...
Без неё —
той, которой моя говорил я — да так,
что лягушки
пучеглазо и буддообразно взирали на нас,
очевидно пытаюсь понять это жгучее слово,
это слово палящее и задыхающееся —
моя».
А теперь ты настолько моя, насколько моя Абиссиния,
А теперь ты мне так близка, как близок Мадагаскар.
Вот и сам я теперь,
как нелепый какой-то шлагбаум,
меж любовью и долгом —
такой неуклюжий —
торчу.
Нет, так не любят.

Так медленно умирают.
Так на приколе тлеют старые корабли.

14 ноября 1963
Ереван

ДОБРОЙ НОЧИ

Вечер набух. Давно раскопала ночь
Клювы кривые огней.
Тротуары под каблуками устали зевать.
Улицы выметены.
Завтра выметет солнце последние клочья тьмы.
Город спит.
И с глазами открытыми —
Город спит.
Неужели не спится тебе?
Доброй ночи тебе, дорогая!

Готова печаль ветвистая вновь одеться листвой,
Листвой, чтобы тень отбрасывать, ядовитую тень.
В этой тени ядовитой кто хочет пускай спит,
Лишь бы не ты.
Доброй ночи!

И сторожа,
Ночные пастыри, дремлют,
Пока фонари-овчарки
Стерегут загон осторожности.
Только я не смыкаю глаз,
Как будто тебя назойливо
Выживает сейчас
Эта старая дева,
Старая дева Бессонница,
И никакие снотворные не помогут на этот раз.

Да, боюсь я Бессонницы,
Старой девы боюсь,
Как ребёнок боится врача.
Лишь бы ты не болела.
Усни!
Доброй ночи!

Сколько в жизни моей было разных ночей?
Не сочтёшь!
Арифметика тут ни при чём.
Разве только на пальцах любви сосчитаешь,
Но пальцы любви
Не разогнутся, согнувшись.
Я буду считать,
Лишь бы ты поспала,
Доброй ночи тебе, дорогая!

Этот вежливый дождик
Всю ночь для меня моросил,
Шёл исправно,
Хоть я никакого дождя не просил,
Но другие-то спят и подавно!
Закрой же глаза!
Доброй ночи!

Забрезжила ранняя рань,
Даже дождик перестал,
Только ты без конца.
Хоть на миг, словно дождь, прекратись, перестань!
Смилуйся!
Словно дождик, шепни:
Доброй ночи!

9 февраля 1964
Ереван

ЛЮБОВЬ

1

На карту никто не наносит её нехоженных троп.
Негаданная, приходит, как дождь или как потоп.

Любовь.

Нидерланды вечные, когда, за клочком клочок,
У моря ты отвоёвываешь
Насущную землю свою.

Любовь.

Когда проплывает
Корабль по реке судоходной,
Мосты перед ним поднимаются,
Как руки сдающихся в плен.

Любовь.

2

Своему собеседнику,
Как автомат, отвечаешь,
А в глубине души
Обращаешься неумолчно
К той, самой далёкой в мире,
Чьё имя с тобою, как паспорт
Без печати.

Любовь.

Удары в сонной артерии, как будто капля за каплей
Податливый камень долбят, нет, не по дням — по часам.

Сети тугие бессонниц,
В которые рыба не ловится,
В которых бьёшься ты сам.

Любовь.

Как будто бы заживо
Кожу с тебя содрали.

Любовь.

Повсюду преследуют
Эти глаза тебя.
Ставят печать на вселенную.
На питьевой воде,
На всей твоей жизни, на каждом
Шарике кровавом
Штампом,
Клеймом.
Печатью.

Любовь.

10 марта 1964
Дилижан

ПОВСЕДНЕВНОЕ ЧУДО

Мы встретились.
Ты поняла?
Как малыш, перепачканный за игрой,
Жизнь омылась,
И воздух вылупился
Из мглы, как птенец из яйца;
Дождик и снег —
Тоже воздух
Во плоти.
Вкусный воздух!
Ты попробуй
Проглоти!

Мы встретились.
Ты поняла?
Разлучённые,
Твоя близость с моею близостью
Соединились в нежности,
И возникла любовь.
Так водород удваивается,
И кислород усваивается,
И возникает вода.

Мы встретились,
Чтобы рухнули

Книжные ветхие стены.
Знание растворилось во влажных твоих глазах.
И на лоне истории твой драгоценный след.
Разрушен и восстановлен воздух твоею рукой.
По новым законам физики,
Которые гения ждут.

Мы встретились...
И заснули бесконечные «но»,
Чтобы вдруг пробудилась радость
И устремилась вверх,
Пытаясь вихрем лучистым
Пронзить небесную твердь.
Оттуда бы непрерывным
Ливнем на целый мир!

Мы встретились,
Просто встретились,
Чтобы впредь, как теперь,
Просто будням сопутствовали
Привычные чудеса.

18 марта 1964
Дилижан

МОЙ ГОРИЗОНТ

Мариам!
Слышишь ты, Мариам!
На улице ливень.
Открыть окно
Всё равно что открыть
Бутылку бешеного джермука.

Из окна вылетаю в небо.
Оно
Ясное после дождя,
Словно твой взгляд.
Оно
Безграничное, как улыбка твоя.
Падаю с неба.
И вокруг меня скалы величественно сидят,
Как допотопные птицы.

Нет, не меня,
Ты сама себя отвергаешь,
И лживым твоим словам
Так же легко спугнуть меня,
Как этих каменных птиц.
Поняла?
Тогда посмотри!

К ласковому горизонту
Прильнуло широкое поле,
Чья голова кустистая,
Словно гора лесистая.
Имя горы бессловесной
Мало кому известно,
Как и моё.

А кому
Имя твоё не известно,
Схожее с горизонтом,
Имя твоё, Мариам:
Подходишь —
И убегает,
Отходишь —
И настигает.

Хоть бы когда-нибудь
Мне моего горизонта,
Приблизившись, не спугнуть!

14 марта 1964
Дилижан

ИЗНАНКА

Ивы для того,
Чтобы... реке указывать путь.

Дым для того,
Чтобы... ветер знал, куда ему дуть.

Кузнечики для того,
Чтобы... ночную тьму испещрять
Нотными знаками музыки своей.

Жаворонки для того,
Чтобы... песней своей осушать
Утреннюю росу.

Поздняя осень
Лишь для того,
Чтобы... вселенную расширять,
Роняя листву.

А поэты разве не для того,
Чтобы так вот
Наизнанку
Вывернуть всё?

23 июня 1965
Ереван

ВЕСТЬ

Встречайте... встречайте сомнение!
Слышите? В двери ваши
Постучалось оно.
Что же! Встречайте сомнение!
Давно я сомнение встретил
И проводил давно.

Отпразднуйте встречу, как празднуют
Новое древнее сретенье!
Костёр в груди разожгите!
По крайней мере, вовеки
Не будет сердцу темно.
Теперь вы сомненье встречаете,
Его проводил я давно.

Встречайте, встречайте сомнение!
Нет, я не пророк его.
Я только спасён сомнением.
Встречайте, встречайте сомнение,
Ибо всем нам нужна
Вера — не суеверие!
Вера — не суеверие!

28 августа 1965
Чанахчи

СТАРЫЕ ШРАМЫ ЭТОГО МИРА

Ах, старые шрамы этой земли...
Даже нашу здоровую плоть смогли распороть они
И живую боль, словно божий дар, в нашу суть вложить, —
Ведь пришлось бы нам плоховато жить,
Если б каждый был, как бычок, здоров
И аптечно чист,
Словно мятный лист.
Что же вас, друзья, старых шрамов боль стала так пугать, —
Ведь благая боль может помогать?

И кому нужны
Наш апломб и спесь, этот стиль смешной и смешная роль,
Если держит руль только эта боль,
Чей целебный вкус порождает нас.
И морщин игра —
Не дурацкий пляс,
А живой обряд, ритуал судьбы,
Он вседневно нам осеняет лбы.
Что же вы, друзья, старых шрамов боль стали избегать, —
Ведь живая боль может помогать?

И сама ли боль причиняет вред
Или горсть пилюль,
Что едим, когда хотим уничтожить боль, —
Кто ответит остроумно
На такой вопрос тупой,
Дурачок какой?
Кто согласен спорить с болью,
Дурачок какой?
Ведь, по сути, спорить с болью,
Значит — морю спорить с солью!
Как же, как, друзья мои,
От самих себя удрать?

И кому необходимо от самих себя удрать?
Ночь вот-вот сойдёт, как всегда, с небес,
Наступив на нас,
Как тяжёлый пресс,
И почти совсем
Нас убьёт часов на семь.
Но мы не умрём, поверьте.
Переживём подобие смерти и воскрешение.
И в завершение останется матрица в распоряжении жизни,
Курсивы нашего тела и нашего духа,
Грамматика боли, правописание которой
Ещё никогда облегчению не поддавалось.
Пусть утро-ребёнок, как вымытый школьник,
Заучит печатные оттиски жизни, —
Курсивы нашего тела и духа, —
По правилам вечного правописания боли.

Друзья, для чего этот старый учебник
Сжигать вместо кокса, — нельзя ли иначе?
По-моему, некуда деться, друзья,
И в будущем нужно радушно и дружно
Приветствовать боль,
И больше того, мы объявим законной
Нашу исконную боль,
Нашу добрую...

9 ноября 1965
Чанахчи

МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА

Чистота нужна миру, да, нужна —
В облике героев, грустью осенённых,
На гибель обречённых... от вечной неприкаянности.
И в облике тех женщин, которые при жизни
Из всех мужчин на свете знали одного...
И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
Под ноги глядят, плечи их понуры,

Но — мысли свободно
Летят, куда угодно и когда угодно,
И взмывают ввысь
Помимо нашей воли,
А когда устанут,
Чайками садятся
На океан всемирный
Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки,
Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
Никого вокруг не спросив,
Чтоб катил поток, с головы до ног обдавал и мыл
Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики,
Пусть к земле она пригвоздит земное,
Землю склеит пусть с воздухом, и с ними
Склеит нас пускай аромат гвоздики.

Чистота нужна в песне соловья,
Чтобы азбукой, только ему известной,
Ему одному, только птице чудесной,
Впредь всегда посылать в мирозданье приветы
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьёзные, звёздные...

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шапка, чёрное тело, —
Той птицы,
Которая к небу воздела
Свой клюв, чтобы молиться,
И вот она молится, как кардинал без паствы,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира...

Нужна чистота!..
Чистота нужна,
Чтобы даже окаменелые камни
Внутренне ощущали себя
В прежнем, жидком существовании,
Чтобы даже растенья могли выдыхать... солнечный свет,
А не только незримый поток углерода,
Чтобы впредь — человек себя чувствовал так хорошо,
Как мелодия в величественном храме природы,
Как цвет — на гениальной картине природы
И словно игрушка, которую держит дитя природы...

Миру нужна чистота... ребёнка,
Того ребёнка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что... миру нужна чистота!

27, 30 ноября 1965
Чанахчи

СВЕТ БЛАГОДАТНЫЙ

Свет благодатный,
Нет, не вечерний,
Нет, не закатный,
Росистый свет
Праведной жизни,
Пролейся, брызни!

Ночная служба кончается,
Распрямляет природа колени.
Рассвет-просветитель,
Великий святитель,
Гасит лампы, светильники, свечи.
И наконец
Выходит солнце,
Верховный жрец.
Ленивые тучные тени
Сами себя пожирают,
Как будто тени сгорают,
Стройные и пригожие,
Танцовщицы темнокожие.
У рассвета свирель
Из дерева абрикосового.
Из каждой скважины луч:
Невероятный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!».
Свет изобильный,
Щедрый, всесильный,
Звонкий, напевный,
Апостол вседневный,
Приносишь ты веру,
Гонишь химеру,
Угодник и сводник,
Искатель, старатель,
Порою предатель,
От века навеки любовь,
Навек в человеке любовь.
Свет благодатный,

Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась
Радуга — тень
Летнего ливня.
Так разодень,
Свет благодатный,
Цыплят расписных,
Ты, живописец,
Чтобы запели кругом петухи.
Зов многократный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!».
Свет вездесущий,
Лейся, струись
Ты, всемогущий,
И на вершины
И в наши глубины.
Чтоб нам не уютиться, как рыбам, во мраке без окон,
Скрытую воду пронизывай, панцирь и кокон.
Солнечным жаром, бесшумным ударом
Необожжённую глину-мечту
Пестуешь ты, необъятный,
И не смолкает
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!».
19 марта 1967
Арзни

НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

В оковах любви и отчаянья
Вопросы бесчисленные
ответов просят.
А буквы напряжены
и друг друга притягивают,
Как в позвоночнике позвонки.
И получается
Страшный скелет невыносимых слов:
«Так жить невозможно...».
1969

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Чего я хочу?

Думаете, счастья хочу?

Нет!

Я хочу всего-навсего

Видеть,

Видеть отчётливо.

Возможность видеть отчётливо —

Божественный дар, по-моему.

Видеть не только во мраке, —

И, ослеплённому страстью,

Видеть, как некая тень

Точнее часов солнечных

Неуклонно показывает

Время нашей души

Наперекор Эйнштейну

И в согласии с ним.

Видеть в себе самом

И в недрах земного шара

Кипение невыносимое,

От которого бьёмся мы

О собственный потолок,

И потолок не выдерживает.

Видеть, отчётливо видеть

Это кипенье зудящее,

Видеть его, как видишь

Глухую возню кротов,

Бугорки замечая,

Вскакивающие на поверхности.

Этого на копейку

Не купишь, конечно, нет!

Ценой моего искусства,

Ценою жизни моей

Желал бы я приобрести

Хотя бы возможность увидеть

Направление, в котором

Мы шагаем, шагаем

Неизвестно зачем.

Ответь мне, моя любимая!

Скажи, в каком направлении

Наша любовь идёт?

Откуда наши стремленья?

Что нас впереди ждёт?

Ты слышишь?

Уже не чирикают,

Пищат воробьи: «Что... что... что...».

И от этого трескается
Синий небесный свет,
И в небесные трещины
Перепела заколачивают
Пронзительное «нет... нет... нет...».
Сжался!
Скажи хоть что-нибудь
Не мне, так птицам в ответ.

19 марта 1969
Дилижан

ИЗ ПОЭМЫ «ОТСТУПЛЕНИЕ С ПЕСНЕЙ»

* * *

А походил я на кота из сказки.
Его улыбка долго остаётся
после того, как сам он исчезает...
И светом моей веры можно было
оштукатурить небосвод ночной,
во всех пещерах мира,
самых мрачных,
зажечь такое множество огней,
как в самых царственных концертных залах...
Я — красоты твоей изобретатель —
её, наверно, до меня не знали,
после меня её, наверно, не будет...

В тени твоей высокой красоты
я задремал, а может быть, уснул,
отправив на каникулы сомненья,
укрывшись чем-то тёплым, очень тёплым —
наверно, это называется доверьем.
Теперь проснулся.
Разбудила ты!..
И с кончика пера
среди бела дня
на белую бумагу
упали капли невозможной ночи.
На белую, невинную бумагу,
такую чистую,
как ты вчера.

* * *

Похожи девушки на ивы,
очень быстро они растут!
Так выросла и ты!
Ты чувствовала то же, что и я.

Всё то, что я любил, и ты любила.
Когда ты шла по улице, то сразу
смолкал кричащий суетливый город,
и слышал я одни твои шаги...
Так почему я их теперь не слышу?
Моя любовь к тебе была похожа
на спящего ребёнка,
на ребёнка,
который улыбается во сне.
Зачем его будить,
чтоб он заплакал?
А может быть, и сам я, как ребёнок,
который спрашивает о давно известном?
Ведь мне известно:
похожи девушки на ивы —
очень быстро,
слишком быстро
они растут.
Вот выросла и ты!
И что же удивительного, если
в твоей тени
теперь другие отдыхают?!

* * *

Как снег идёт,
как над землёю кружит!
Лежит он, тихий,
на карнизе дома,
лежит, как будто белая повязка
на лбу разгорячённом...
Слушай, слушай!
Мой лоб сейчас нуждается в повязке!

И я иду на улицу
лечиться.
Как снег идёт!
Как долго снег идёт!
Он — будто сеть невиданных размеров,
наброшенная на большую землю.
А я — как будто рыбина в сети.
Тащу её с собой,
плыву вперёд.
Куда плыву?
Не знаю!

Среди такой зимы,
таких снегов
душа моя в пожаре и в горячке,
душа моя болеет малярией,

и ты — прошу тебя — не удивляйся,
что брежу я,
иду и брежу я...
Как снег идёт!
Когда он перестанет?
Когда окончится беседа наша,
похожая на разговор глухих:
я говорю с тобой,
ты что-то слышишь
и понимаешь так,
как слышишь ты!

* * *

Уже зима готовится к отъезду,
неловким кашлем прочищает горло...

И я уеду!
Прерываю крик,
зажавши рот
моей рукою гордой...
И я уеду!
О, если бы существовали ноты,
которыми записывают мысли,
я б стал
Бетховеном наверняка,
оглохшим от невероятной боли,
наполненным мелодией любви!..
Уеду!
Завтра я вздохну свободно,
вздохну свободно на пустом вокзале,
похожем на разбуженный вулкан.
Из кратеров тяжёлых паровозов
дым в небо вырвется!
И мне опять
покажется, что скоро хлынет лава.
Ты не услышишь моего дыханья!

Уеду далеко
и безвозвратно.
Присяду около людских сердец,
согрею их своею добротою,
согрею их любовью жаркой!..

* * *

Любовь, как новоселье,
и любовь,
лишившаяся крова, —
как знакома

ПРИМЕЧАНИЯ

Новоармянская поэзия складывалась не одно десятилетие — начинался этот процесс уже в XVIII столетии стихами предшественников Хачатура Абовяна, Микаэла Налбандяна и Рафаела Патканяна и завершился Петросом Дуряном, Иоаннесом Иоаннисианом 90-х и 900-х годов и ранним Ованесом Туманяном. При более строгой периодизации армянской поэзии XIX — XX вв. следовало, очевидно, выделить поэтов конца XIX и начала XX вв. (Ов. Туманян, Ав. Исаакян, Акоп Акопян, Сиаманто, Ваан Текеян, Даниел Варужан, Рубен Севак, Мисак Мецаренц, Ваан Терьян) в особый раздел. И вместе с тем деление литературы на периоды (особенно если речь идёт о временном отрезке в два-три десятилетия) не может быть «чистым», бесспорным. Есть поэты, которые не укладываются в какой-либо один период. Поэтому пришлось Аветика Исаакяна и Акопа Акопяна дать в двух разделах книги: в разделе «Новая армянская поэзия» и отчасти в разделе «Советская поэзия». А что касается подборки стихов Егише Чаренца, мы несколько нарушили хронологию и некоторые ранние стихотворения поэта дали в разделе «Советская поэзия», там, где по преимуществу он представлен.

Если в первую книгу антологического сборника вошли за редким исключением почти все русские переводы того или иного средневекового поэта, то из второй книги «выпали» многие прекрасные русские переводы из Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Егише Чаренца, а также Сильвы Капутикян, Геворга Эмина, Ваагна Давтяна... Если читатель захочет составить о том или ином поэте более полное представление, он, разумеется, обратится к книгам поэта, важнейшие из которых указаны в биографических справках.

С другой стороны, из-за отсутствия достойных переводов бедно представлена здесь лирика Ованеса Шираза, поэта значительного, вот уже многие десятилетия находящегося в центре внимания литературной жизни республики.

НОВАЯ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Микаэл Налбандян

Песня итальянской девушки. В стихотворении идёт речь о национально-освободительном движении конца 1850-х годов в Италии, направленном против австрийского владычества и за объединение страны. *Егише* (V в.) — армянский историк, писал о патриотизме армянских женщин.

Ответ великого Вагана Мамиконяна. *Ваган Мамиконян* — предводитель восстания армянского народа против персидских завоевателей в 481 — 485 гг. *Вардан Мамиконян* — предводитель восстания армян против Персии в 450 — 451 гг. *Двин, Арташат* — столицы древней Армении. *Сынам Просветителя*. Имеется в виду Григорий Просветитель (IV в.), распространитель христианства в Армении. Стихотворение является откликом на поэму Р. Патканяна «Смерть храброго Вардана Мамиконяна».

Мкртич Пешикташлян

Мы — братья. *Айастан* — Армения.

Зейтунский армянин. *Зейтун* — город в пределах бывшего Киликийского царства, памятный мужественным восстанием против ига турок в 1895 г.

Рафаел Патканян

Слёзы Аракса. *Аракс* — река, символизирующая Армению.

Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна». *Вардан Мамиконян* — см. примеч. к стих. «Ответ великого Вагана Мамиконяна» М. Налбандяна. *Торгом*. В армянской мифологии — отец Гайка, родоначальника армян.

Геворг Додохян

Цицернак. *Цицернак* — ласточка. *Аштарак* — местность недалеко от Еревана.

Газарос Агаян

Прялка. *Чуха* — мужская верхняя одежда.

Смбат Шахазиз

Аштарак. *Аштарак* — см. примеч. к стих. «Цицернак» Г. Додохяна. *Касах* — река в Армении.

Дживани

Люди. *Ашуг* — народный поэт.

Народный гнев. *Вишاپ* — дракон, чудовище в армянской мифологии.

Александр Цатурян

К черни. Эпиграф из стих. А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (первоначальное заглавие — «Поэт и чернь»).

К Мамоне. *Мамона* — злой дух, идол, олицетворяющий сребролюбие и стяжательство.

Отчизна. *Ашуг* — см. примеч. к стих. «Люди» Дживани.

Иоаннес Иоаннисиан

Царь Артавазд. В основу стихотворения положена легенда о царе Артавазде — сыне царя Арташеса. В «Истории» Мовсеса Хоренаци сказано: «Во время смерти Арташеса много было пролито крови по обычаю язычников; огорчился Артавазд и говорит отцу: “Ты ушёл и унёс с собой всю нашу землю; как же мне царствовать над развалинами?”. За что Арташес проклял его, говоря: “Если ты поедешь на охоту на свободный Масис, тебя захватят духи... там останешься и света не увидишь более”».

Старухи рассказывают про него, что он, связанный железными цепями, заключён в какой-то пещере; что две собаки беспрестанно грызут его цепи и он силится выйти и положить конец миру; но что от звука ударов молота кузнецов снова оковы укрепляются. Поэтому даже и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, ударяют молотом о наковальню, чтобы укрепились, как говорят, цепи Артавазда» («История Армении Моисея Хоренского», М., 1858, с. 130). *Масис* — Арарат.

Араз. *Араз* — народное название реки Аракс.

«Не тоскуй, мой брат...». *Голгофа* — лобное место, по евангельскому преданию Христос был распят на Голгофе.

Новая весна. *Саз-кяманча* — восточный музыкальный инструмент.

Ованес Туманян

Воробушек. *Банджар* — съедобная трава.

Аветик Исаакян

Моей матери. *Джан* — душа, в обращении — дорогой (дорогая), любимый (любимая).

Шушаник Кургинян

Панихида. *Голгофа* — см. примеч. к стих. «Не тоскуй, мой брат...» И. Иоаннисиана.

Сиаманто

Горсть пепла — родной дом. *Евфрат* — река в Западной Армении. *Тут* — шелковица.

Мои слёзы. *Адамант* — алмаз.

Ваан Текеян

Ханум. *Ханум* — госпожа. *Рог Золотой* — бухта в Стамбуле.

Мне кажется, я жил давно. *Сократ* (ок. 469 — 399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист; был приговорён к смертной казни, покончил с собой, выпив яд.

Даниел Варужан

Первый грех. *Иегова* — бог в иудейской религии.

После пиршества. *Гусан* — народный певец.

О, Талита... *Ашуг* — см. примеч. к стих. «Люди» Дживани.

Рубен Севак

Трубадуры. *Ной* — библейский персонаж, праведник, спасшийся во время всемирного потопа. Ноев ковчег пристал, согласно легенде, к горе Арарат. *Рамик* — крестьянин-бедняк. *Певцах гохтанских*. *Гохтн* — область в древней Армении на левом берегу восточной части реки Аракс. Образцы гохтанских языческих песен записал в V веке Мовсес Хоренаци.

Мисак Мецаренц

Сонет с кодою. Название стихотворения принадлежит не автору. В оригинале оно называется «В тени акаций».

Ваан Терьян

Страна Наири. *Наири* — древнее название Армении, поэтический символ родины.

Аветику Исаакяну. *Дервиш* — странствующий монах, нищий скиталец, мудрец.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Егише Чаренц

«Певцов полно...». *Кяманча* — струнный, смычковый музыкальный инструмент.

«Эх, думаю, оставлю саз...». *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

Армении. *Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш Овнатан?* — средневековые армянские поэты, см. первую книгу.

«Я привкус солнца в языке Армении люблю...». *Науриянка* — от слова Наири (Армения). *Зурна* — духовой музыкальный инструмент. *Кучак и Нарекаци* — средневековые поэты, см. первую книгу.

«Был гением, титаном Искандер...». *Искандер* — Александр Македонской, величайший полководец древнего мира (356 — 323 до н. э.).

Кудрявый мальчик. *Маку* — город в Иране. Родом из Маку были отец и мать Чаренца.

Наш язык. *Нарек* — так называется «Книга скорби» Григора Нарекаци, см. первую книгу.

«Ленин и Али». *Халиф* — в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, объединявшего в своих руках духовную и светскую власть. *Урус* — русский. *Чок* — очень, много. *Вар* — есть. *Занги* — богатый. Всё это — турецкие слова, долженствующие подчеркнуть характерность речи турецкого лодочника.

Наири Зарьян

«Ах, если бы чудо свершилось...». *Раздан* — река в Армении.

В мастерской у Мартироса Сарьяна. *Масис* — гора Арарат. *Ашот* — армянский учёный, историк и общественный деятель Ашот Ованесян (1887 — 1972). *Ачарян Рубен* (1876 — 1954) — выдающийся армянский лингвист. *Алагяз* — гора в Армении.

Грустный триолет. *Триолет* — стихотворная форма: восьмистишие с повторяющейся в определённом порядке первой строкой.

«Захотелось покончить с заклятым врагом...». *Танка* — форма пятистрочного стихотворения без рифм в японской поэзии.

Азат Вштуни

Восток. *Шафран* — естественная органическая краска. *Шаир* — поэт. *Диван* — в классических литературах Ближнего и Среднего Востока сборник стихов одного или нескольких поэтов.

Гегам Сарьян

«С тех пор ста поколений нет...». *Фирдоуси* — великий персидско-таджикский поэт (ок. 940 — 1020 или 1030).

Украина. В *Каневе* (близ Киева) находится могила великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814 — 1861). *Богдан Хмельницкий* (ок. 1595 — 1657) — украинский государственный деятель, гетман Украины, полководец.

Гурген Маари

Орор, орор, спокойной ночи. *Орор* — припев в колыбельных песнях.

В «Англетере». «*Англетер*» — гостиница в Ленинграде, в которой в 1925 г. С. А. Есенин покончил жизнь самоубийством.

Ашот Граши

Дорожная песня. *Занга* (*Зангу*) — река в Армении.

«В глазах грузинки...». *Алазань*, *Коджори* — живописные районы Грузии.

Ованес Шираз

Моему отцу — гюмрийскому огороднику. *Гюмри* — старое название Ленинакана. *Амем*, *тархун* — съедобная зелень.

Песни (Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»). В основу поэмы положены армянское и курдское предания о трагической любви армянина Сиаманто и курдянки Хаджезарэ. *Ван* — высокогорное озеро. *Сипан* — гора у озера Ван.

Амо Сагиян

Оровел — песня пахаря.

Камень. *Хачкар* — буквально крест-камень, вертикально поставленная каменная плита, как правило, из туфа с рельефным изображением креста, обрамлённого кружевными

узорами. *Звартноц* — памятник средневековой армянской архитектуры (VII век). *Гехард* — памятник средневековой армянской архитектуры (XII — XIII вв.).

«Я в детство впасть опять хочу...». *Гязбел* — гора в Сисиане.

Геворг Эмин

Я — армянин. *Ной* — см. примеч. к стих. «Трубадуры» Рубена Севака. *Бел* — в армянских мифах воспевается борьба Айка, родоначальника армян, с Белом, врагом Айка и армян.

Сильва Капутикян

Ассирийка. *Ниневийские пиры* — Ниневия, древний город в Ассирии (государство в Северном Двуречье). В конце VIII — VII веков до н. э. Ниневия была столицей Ассирии. *Семирамида* — царица Ассирии в конце IX века до н. э.

Клеопатра (69 — 30 гг. до н. э.), с 51 года царица Египта, была любовницей Юлия Цезаря, Марка Антония (с 37 года — жена Антония), покончила жизнь самоубийством после поражения в войне с Римом. *Озирис* — наиболее популярное египетское божество, приобщил, в частности, египтян к земледелию и оседлой жизни. *Ра* — верховное божество древних египтян.

Рачия Ованесян

История Армении. *Шамирам* — Семирамида, см. примечание к стихотворению С. Капутикян «Ассирийка». Согласно «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци Семирамида полюбила армянского царя Ара Прекрасного. И когда он отверг её любовь, она пошла войной на Армению. Царь Ара был убит на поле боя. *Тхмутские волны* — в 451 году у реки Тхмут на Аварайрской равнине произошло крупнейшее сражение между армянскими и персидскими войсками. В Аварайрской битве армяне отстаивали свою независимость. Стихотворение Ованесяна в форме лирического монолога воспроизводит основные роковые перипетии армянской истории.

Ваагн Давтян

«Потемнели наши горы...». *Тут* — см. примеч. к стих. «Горсть пепла — родной дом» Сиаманто.

Хачкар — см. примеч. к стих. Амо Сагияна «Камень».

Паруйр Севак

Вечер. *Хайям Омар* (ок. 1048 — после 1122) — поэт, классик персидско-таджикской литературы.

Трёхголосая песнь. *Ердык* — отверстие в крыше, служащее дымоходом. *Вроде той горы, что выросла в твой герб!* — Имеется в виду гора Арарат.

Мой горизонт. *Джермук* — минеральная вода.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты Армении (Новая поэзия. Советская поэзия).

Вступительная статья Л. М. Мкртчяна

3

НОВАЯ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Биографическая справка	31
Свобода. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	32
Аполлону. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	33
Песня итальянской девушки. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	33
Ответ великого Вагана Мамиконяна. <i>Перевод С. Шервинского</i>	35

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

Биографическая справка	37
Мы — братья. <i>Перевод Е. Сырейщиковой</i>	38
Зейтунский армянин. <i>Перевод Л. Уманца</i>	38

РАФАЕЛ ПАТКАНЯН

Биографическая справка	40
Слёзы Аракса. <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	41
Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна». <i>Перевод В. Брюсова</i>	43
Новое поколение мушцев. <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	45
Великий человек. <i>Перевод В. Брюсова</i>	45
Жаворонок. <i>Перевод Е. Сырейщиковой</i>	47

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

Биографическая справка	48
Цицернак. <i>Перевод В. Брюсова</i>	49

ГАЗАРОС АГАЯН

Биографическая справка	50
Прялка. <i>Перевод В. Брюсова</i>	51

СМБАТ ШАХАЗИЗ

Биографическая справка	52
Сон. <i>Перевод В. Брюсова</i>	53
Да здравствует святой труд! <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	53
Аштарак. <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	54

ПЕТРОС ДУРЯН

Биографическая справка	56
Моя смерть. <i>Перевод В. Брюсова</i>	57
Моя скорбь. <i>Перевод К. Бальмонта</i>	57
Ропоты. <i>Перевод В. Брюсова</i>	58

ДЖИВАНИ

Биографическая справка	60
В эту ночь. <i>Перевод В. Брюсова</i>	61
«Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	61
Люди. <i>Перевод П. Антокольского</i>	62

Ашуг. Перевод С. Шервинского	63
Народный гнев. Перевод Б. Садовского	64

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

Биографическая справка	65
К черни. Перевод Е. Полонской	66
«Довольно призраки блаженства обещали...». Перевод Ю. Веселовского	67
Тебе моё страданье. Перевод Е. Полонской	67
Продажная печать. Перевод Е. Полонской	68
«Мрачна, темна душа моя!..». Перевод Ив. Бунина	68
Новое поколение. Перевод Е. Полонской	69
Волны и думы. Перевод А. Коринфского	69
Песня воина. Перевод А. Коринфского	69
Молитва армянского писателя. Перевод Б. Садовского	70
Бедный вор. Перевод В. Брюсова	70
Заседанье. Перевод Е. Полонской	71
К Мамоне. Перевод Е. Полонской	72
Я путник усталый. Перевод Е. Полонской	72
Завещание армянского писателя. Перевод Е. Полонской	72
Мать. Перевод Е. Полонской	72
Отчизна. Перевод Ю. Веселовского	73

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Биографическая справка	74
Певец. Перевод А. Бондаревского	75
Узник. Перевод А. Бондаревского	75
Путник. Перевод А. Бондаревского	76
«Пусть солнце сегодня закрыто тьмой...». Перевод Вс. Рождественского	76
Два поцелуя. Перевод М. Петровых	76
Царь Артавазд (Легенда). Перевод В. Брюсова	77
Певцу. Перевод В. Звягинцевой	78
«Я знаю: горе найдёт меня...». Перевод А. Тарасовой	78
Араз. Перевод С. Аксёновой	79
«Умолкли навсегда времён былых народы...». Перевод К. Бальмонта	80
«Дорогая, усни! Сладкий сон призови...». Перевод М. Лозинского	80
«Всё вперёд, всё наверх! Бесконечен мой путь...». Перевод В. Брюсова	81
«Не тоскуй, мой брат, не страшись, мой брат...». Перевод Дм. Голубкова	81
Новая весна. Перевод С. Шервинского	82
«Он лежал на холодной постели...». Перевод К. Липскерова	83
«Лучами растопило снег...». Перевод К. Арсеновой	83
В. Брюсову. Перевод Л. Успенского	83
На берегу моря. Перевод Ю. Хазанова	84

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Биографическая справка	85
Месть поэта. Перевод М. Петровых	86
«Никто в ночи не ведаёт...». Перевод Б. Ахмадулиной	86
Две чёрные тучки. Перевод И. и А. Тхоржевских	86
Из Псалмов скорби. Перевод А. Якобсона	87
Нашим предшественникам. Перевод В. Державина	88

В армянских горах. <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	88
Армянское горе. <i>Перевод В. Брюсова</i>	89
Наш обет. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	89
Прялка (<i>Народное</i>). <i>Перевод С. Маршака</i>	90
Спуск с перевала. <i>Перевод М. Петровых</i>	91
С отчизной. <i>Перевод С. Ходасевича</i>	91

Стихи детям

Лиса. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	92
Воробушек. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	93
Жаворонки. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	93
Тесак и пила. <i>Перевод М. Петровых</i>	94
Зелёный братец. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	94
Пёс и Кот (Сказка). <i>Перевод С. Маршака</i>	94

Четверостишия. *Перевод Н. Гребнева*

«Всё, что светом считалось...»	99
«В лугах — концерт невидимых певцов...»	99
«Ушли навек...»	99
«Устал метаться меж двумя мирами...»	100
«Зачем бегу, зачем себе я лгу...»	100
«В наш мир, где тьма людей перебивала...»	100
«Придя сюда, мы ведаем едва ли...»	100
«Я видел всё: предательство и зло...»	100
«Где б ни был, что б ни делал...»	101
«О чём я думаю, что нужно мне?...»	101
«Осенним днём...»	101
«Стал много совершенней белый свет...»	101
«Ушли, ушли... Как мало вас осталось!..»	101
«Сады Эдема скрыты звёздной тьмой...»	102
«Когда берёшь Ты из того...»	102
«Масис — превыше всех армянских гор...»	102
«Дорога, как в былые дни, дорога...»	102

АВЕТИК ИСААКЯН

Биографическая справка	103
«Ночью в саду у меня...». <i>Перевод А. Блока</i>	104
Моей матери. <i>Перевод А. Блока</i>	104
«Издалека в тиши ночной...». <i>Перевод А. Блока</i>	105
«Не глядись в чёрный взор...». <i>Перевод А. Блока</i>	105
«Глухим, неясным, призрачным порывом...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	105
«Схороните, когда я умру...». <i>Перевод А. Блока</i>	105
«Хотелось сердце спрятать мне...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	106
«Когда бы из моей сердечной раны...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	106
«Пройдут века... Конец земли обещан...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	106
«Видит лань — в воде...». <i>Перевод А. Блока</i>	107
«В долине, в долине Сално боевой...». <i>Перевод А. Блока</i>	107
«Мне снилось: я раненный в сердце, лежал...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	107
«Моя душа объята тьмой полночной...». <i>Перевод Ив. Бунина</i>	108
«— Охотник, брат, в горах один...». <i>Перевод Э. Александровой</i>	108

«Караван мой бренчит и плетётся...». <i>Перевод А. Блока</i>	109
«Словно молний луч...». <i>Перевод А. Блока</i>	110
«Я возвещаю вам: придёт духовный голод...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	110
Моя молитва. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	111
«Сорванную розу — ветке не вернуть...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	111
«Жизнь мою вы в грёзу превратили...». <i>Перевод В. Державина</i>	111
«Погляди, сестра моя, погляди...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	111
«Шёл бедуин, и в мираже песчаном...». <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	112
«С дальних морей, из пустынь без границ...». <i>Перевод М. Зенкевича</i>	112
«Да, я знаю, всегда есть чужая страна...». <i>Перевод А. Блока</i>	113
«Душа — перелётная бедная птица...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	113
«Быстролётный и чёрный орёл...». <i>Перевод А. Блока</i>	113
«В разливе утренних лучей...». <i>Перевод А. Блока</i>	114
«Враждует с человеком человек...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	114
«В далёких горах Гималайских сейчас...». <i>Перевод В. Державина</i>	114
«Из жизни всей...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	115
«У кого так ноет ретивое...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	115
«Я увидел во сне: колыхаясь, вясь...». <i>Перевод А. Блока</i>	115
«Где он лежит...». <i>Перевод К. Арсеновой</i>	116
«Безвестна, безымянна, позабыта...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	116
«Далёко, далёко...». <i>Перевод Н. Чуковского</i>	116
«Мне грезится: вечер мирен и тих...». <i>Перевод А. Блока</i>	117
«На изумрудном берегу реки...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	117
«Твоих бровей два сумрачных луча...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	118
«Там маленькая девушка...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	118
«Была война...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	118
«С утратой того, что любимо...». <i>Перевод А. Ахматовой</i>	119
В Равенне. <i>Перевод М. Павловой</i>	119

АКОП АКОПЯН

Биографическая справка	120
Честь и труд. <i>Перевод М. Павловой</i>	121
Песня. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	121
Революция. <i>Перевод А. Безыменского</i>	122
Казнённые. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	123
В нижних этажах. <i>Перевод М. Светлова</i>	123
Равенство (<i>Отрывок из поэмы</i>). <i>Перевод М. Светлова</i>	124

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Биографическая справка	126
Панихида. <i>Перевод В. Брюсова</i>	127
Гасите люстры... <i>Перевод С. Спасского</i>	127
Рабочие. <i>Перевод О. Шестинского</i>	129

СИАМАНТО

Биографическая справка	131
Горсть пепла — родной дом. <i>Перевод С. Шервинского</i>	132
Мои слёзы. <i>Перевод С. Шервинского</i>	133
Чаяния невестки. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	131
Я с песней умереть хочу. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	135

ВААН ТЕКЕЯН

Биографическая справка	137
Ханум. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	138
Египтянка. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	138
Мачты. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	139
«Тебя мы чтили, мщения клинок...». <i>Перевод К. Липскерова</i>	139
Падучие звёзды (<i>Сонет</i>). <i>Перевод Ю. Балтрушайтиса</i>	140
Песня об армянском языке. <i>Перевод Ю. Балтрушайтиса</i>	140
Караван. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	141
Баланс. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	141
Возвращение. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	141
Тридцатилетие. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	142
Мне кажется, я жил давно. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	143
Башня. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	144
«Зима и злая стынь кругом...». <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	144

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

Биографическая справка	146
Колыбель армян. <i>Перевод В. Брюсова</i>	147
Первый грех. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	147
Мерцающая лампада. <i>Перевод О. Шестинского</i>	150
Первое мая. <i>Перевод О. Шестинского</i>	150
Ода. <i>Перевод О. Шестинского</i>	152
После пиршества. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	153
Изваянию красоты. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	154
О, Талита... <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	154

РУБЕН СЕВАК

Биографическая справка	156
Трубадуры. <i>Перевод А. Гатова</i>	157

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Биографическая справка	161
Трепет. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	162
На рассвете (<i>Сонет</i>). <i>Перевод В. Брюсова</i>	162
Сонет с кодою. <i>Перевод В. Брюсова</i>	163
Сумерки. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	163
Солнцу. <i>Перевод О. Шестинского</i>	164
В каком опьяненье... <i>Перевод М. Зенкевича</i>	165
Дай мне, господь. <i>Перевод О. Шестинского</i>	167
«Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	168
Рассветное. <i>Перевод Е. Полонской</i>	169
Лодки. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	169
Пчёлы. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	170
Зимняя ясная ночь. <i>Перевод О. Шестинского</i>	171

ВААН ТЕРЬЯН

Биографическая справка	173
------------------------	-----

Из цикла «Грёзы сумерек»

Грусть. <i>Перевод В. Брюсова</i>	174
-----------------------------------	-----

«Хороните меня, лишь угаснет заря...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	174
«Моё бедное сердце сжимает тоска...». <i>Перевод А. Кушнера</i>	174
«Люблю глубину твоих грешных очей...». <i>Перевод А. Щербакова</i>	175
Сентиментальная песня. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	175
Возвращение. <i>Перевод М. Петровых</i>	176
«Позабыть, обо всём позабыть...». <i>Перевод А. Щербакова</i>	176

Из цикла «Ночь и воспоминания»

Песня улицы. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	177
«В угрюмых безднах бесконечной ночи...». <i>Перевод М. Петровых</i>	177
На родине. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	177
Нежность. <i>Перевод С. Шервинского</i>	178
Моим песням. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	179

Из цикла «Золотая сказка»

Призрак. <i>Перевод А. Кушнера</i>	179
В весеннем городе. <i>Перевод В. Брюсова</i>	180
Таинственная любовь. <i>Перевод А. Кушнера</i>	180
Карусель. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	181

Из цикла «Терновый венец»

«С зарёй на эшафот поднялся он...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	182
«Умолкли песни гордые слова...». <i>Перевод М. Павловой</i>	183
Октябрю. <i>Перевод М. Петровых</i>	183

Из цикла «Золотая цепь»

«Осень, дни холодеют уже...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	184
«Ты видишь — эта жизнь, как быстрый сон...». <i>Перевод М. Петровых</i>	184
«Опять спустилась ночь, опять!..». <i>Перевод В. Брюсова</i>	184
«О нежность, походящая на боль!..». <i>Перевод М. Петровых</i>	185

Из цикла «Страна Наири»

«Песни Армении слышу опять...». <i>Перевод Н. Чуковского</i>	185
«Ты не горда, страна моя...». <i>Перевод Ф. Сологуба</i>	186
«Ужель поэт последний я...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	186
«Как не любить тебя, родная, бедная...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	187
«А там пастухи на свободных горах...». <i>Перевод А. Ахматовой</i>	187
«Я устал от бесчисленных книг...». <i>Перевод А. Щербакова</i>	188
Валерию Брюсову. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	188

Из цикла «Песни свободы»

«Разрушайте безжалостно каждым ударом...». <i>Перевод И. Поступальского</i>	189
Песня рабочих. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	189
«В пустыне одиночества когда-то...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	189
Газелла ликования. <i>Перевод Е. Полонской</i>	190

Разные стихотворения

Аветику Исаакяну. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	190
«Для всех народов день уже сияет новый...». <i>Перевод И. Поступальского</i>	191
«Так было радостно, светло...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	191
«О, почему я не угас...». <i>Перевод Н. Габриэлян</i>	191
«Пьян, пьян я, томит меня хмель...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	191

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

АКОП АКОПЯН

В. И. Ленин. <i>Перевод А. Тарковского</i>	195
Девятый вал. <i>Перевод В. Эрлиха</i>	195
Степану Шаумяну. <i>Перевод Н. Вержейской</i>	196
Сверчок. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	197
Эй, Баку... <i>Перевод Э. Александровой</i>	197
Мне говорят... <i>Перевод В. Инбер</i>	198
Серго Орджоникидзе. <i>Перевод В. Потаповой</i>	198

АВЕТИК ИСААКЯН

К Родине. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	199
Родине. <i>Перевод В. Державина</i>	199
«Весь этот беспредельный мир...». <i>Перевод О. Румера</i>	200
Наши историки и наши гусаны. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	200
«Безмятежная ночь!..». <i>Перевод Н. Чуковского</i>	201
День великой победы. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	201
«Жизнь — краткий сон...». <i>Перевод К. Арсеновой</i>	202
«Мечта людская...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	202

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

Биографическая справка	203
------------------------	-----

Из цикла «Часы видений»

На родине. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	204
--	-----

Из книги «Радуга»

«На заре тонет золото солнца...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	204
«Ты пришла, ты была мне сестры родней...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	205

Из цикла «Жертвенный огонь»

«Голубая тоска умерла...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	205
«Душа, как жертва на костре...». <i>Перевод М. Павловой</i>	206
«Нить памяти связала нас...». <i>Перевод М. Павловой</i>	206

Из цикла «Ваш эмалевый профиль»

Сонет. <i>Перевод М. Павловой</i>	206
-----------------------------------	-----

Из цикла «Песенник»

«Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи, нет...». <i>Перевод М. Павловой</i>	207
«Когда я в этот мир пришёл с моей любимой кяманчой...». <i>Перевод М. Павловой</i>	207
Армении. <i>Перевод М. Павловой</i>	208
«Я привкус солнца в языке Армении родной люблю...». <i>Перевод М. Павловой</i>	208

Из цикла «Восьмистишия солнцу»

«Как бёдра женщины...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	209
«Звенят подковы золотые...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	209
«Прекрасное горит, сжигая...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	209

Из цикла «Рубайат»

«Прошёл по городу один прохожий...». <i>Перевод Н. Глазкова</i>	210
«Был гением, титаном Искандер...». <i>Перевод Н. Глазкова</i>	210

«В мятежный век ты в мире жил...». <i>Перевод А. Гатова</i>	210
Из книги «Эпический рассвет»	
Кудрявый мальчик. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	210
Из книги «Лирический антракт»	
«Как некроман, я полночи боюсь...». <i>Перевод М. Павловой</i>	212
«Они твердят, что я устал...». <i>Перевод М. Павловой</i>	213
«Ленин! Ленин — но не митинговый...». <i>Перевод М. Павловой</i>	213
Из «Книги пути»	
Гимн любви, посвящённый отважным юношам будущего. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	213
Гимн умершим. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	215
Nostalgia. <i>Перевод М. Павловой</i>	216
Памятник. <i>Перевод А. Тарковского</i>	216
Дистихи. <i>Переводы А. Тарковского (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15) и М. Павловой (9, 16)</i>	217
Стихотворения разных лет	
Газелла моей матери. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	219
Красный сонет. <i>Перевод А. Карабана</i>	219
Наш язык. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	220
Ленин и Али (Отрывок из поэмы). <i>Перевод М. Максимова</i>	221
НАИРИ ЗАРЬЯН	
Биографическая справка	223
Ленин. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	224
«Многих красавиц я пламенным сердцем любил...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	225
Отчий дом. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	225
Сон. <i>Перевод Н. Горской</i>	225
«Четвёртый день, как я пою, не насыщаюсь пением!..». <i>Перевод С. Мара</i>	226
«Я слышал: когда ты с любимой...». <i>Перевод Н. Горской</i>	226
«Ах, если бы чудо свершилось...». <i>Перевод Н. Горской</i>	226
«Душа моя, всё, как есть, отдадим...». <i>Перевод М. Петровых</i>	227
«Обманывали сотни раз меня...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	227
Севан после грозы. <i>Перевод Н. Горской</i>	227
«Старой сказке я больше не верю...». <i>Перевод Н. Горской</i>	228
Завещание. <i>Перевод А. Яшина</i>	228
Утро. <i>Перевод В. Орловской</i>	229
Я заблуждался много раз. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	229
Вода. <i>Перевод В. Орловской</i>	229
В мастерской у Мартироса Сарьяна. <i>Перевод М. Петровых</i>	230
...Мой язык тому виной. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	231
«О, бойся клеветы, когда она...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	231
Грустный триолет. <i>Перевод Н. Горской</i>	231
«Многое я написал с полной отдачей сил...». <i>Перевод М. Петровых</i>	232
Наша планета. <i>Перевод М. Петровых</i>	232
«Захотелось покончить с заклятым врагом...». <i>Перевод Ю. Баласана</i>	233
Я жду тебя. <i>Перевод Н. Горской</i>	233
Псалом прощания. <i>Перевод М. Петровых</i>	234

АЗАТ ВШТУНИ

Биографическая справка	236
Везде. <i>Перевод А. Гатова</i>	237
Восток. <i>Перевод М. Светлова</i>	237
Я вернусь. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	238

ГЕГАМ САРЬЯН

Биографическая справка	240
«Если б только ты да я...». <i>Перевод Н. Чуковского</i>	241
Советская Армения. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	241
«С тех пор ста поколений нет. А ты живёшь, поэт...». <i>Перевод П. Шубина</i>	243
«Вновь пришёл домой я с далёких гор...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	243
Ребёнку. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	244
«Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	244
«Курил я долго, до зари курил...». <i>Перевод В. Тушновой</i>	245
Прохожие. <i>Перевод И. Снеговой</i>	245
Колыбельная. <i>Перевод И. Снеговой</i>	246
«Душа чиста, как снег, — храни её от тленья...». <i>Перевод К. Арсеновой</i>	246
Рост. <i>Перевод М. Петровых</i>	246
Украина. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	247
«Прошло. Не сетуй, друг. Таков закон вселенной...». <i>Перевод Э. Александровой</i>	248
«Говорят, это было давно — не вчера...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	248
«Ни об одном из всех прошедших дней...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	248
«Ручей, если встретишься с ней в пути...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	249
«Я устремляю вдаль усталый взор...». <i>Перевод В. Тушновой</i>	249
Надгробная. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	249
Хризантема. <i>Перевод В. Микушевича</i>	250
«Тише сонных вод...». <i>Перевод В. Микушевича</i>	250

ВАГРАМ АЛАЗАН

Биографическая справка	251
Три завета. <i>Перевод Д. Седых</i>	252
Ангара. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	252
Медленно падает снег. <i>Перевод Д. Седых</i>	253
Родник. <i>Перевод Д. Седых</i>	253
Горы. <i>Перевод Д. Седых</i>	253
Моим врачам. <i>Перевод Д. Седых</i>	254
Твои глаза. <i>Перевод Д. Седых</i>	255

САРМЕН

Биографическая справка	256
<i>Переводы Н. Горохова</i>	
«И замерли горы и воды...»	257
«Под светлой ивой родничок...»	257
«Куда б ни шёл, я — сам с собой...»	257
«Ночь на Армению тихо сошла...»	257
«Мать, для чего ты певцом родила?...»	258
«В мире немало великих племён...»	258
«О мать моя, краток мой путь...»	258
«А счастье — как праведник бродит во мгле...»	259

«К вам я пришёл, о деревья, цветы...»	259
«Ещё лебединая песнь далека...»	259

ГУРГЕН МААРИ

Биографическая справка	260
Снег. <i>Перевод В. Соколова</i>	261
Тоска о тоске. <i>Перевод В. Соколова</i>	261
Лето. <i>Перевод В. Соколова</i>	262
Идиллия. <i>Перевод В. Соколова</i>	262
Орор, орор, спокойной ночи. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	263
Поэт. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	263
Закат. <i>Перевод В. Цыбина</i>	264
Баллада о Чало и о первой любви. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	264
Воспоминание. <i>Перевод В. Соколова</i>	266
Первый. <i>Перевод В. Цыбина</i>	267
Умирующие колокола. <i>Перевод В. Сикорского</i>	267
Лунная любовь. <i>Перевод В. Соколова</i>	268
«Твои глаза сегодня...». <i>Перевод В. Соколова</i>	268
В «Англетере». <i>Перевод В. Сикорского</i>	269
Зима. <i>Перевод В. Сикорского</i>	269
Баллада о сибирских воробьях. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	270
Почему опоздала ты. <i>Перевод В. Соколова</i>	271
На волосах моих зима. <i>Перевод А. Гатова</i>	271

АШОТ ГРАШИ

Биографическая справка	272
«Ты, небо — птица синекрылая...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	273
«Уходишь? Уходи. Я остаюсь...». <i>Перевод М. Петровых</i>	273
«Скала — подобие крыльца...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	273
«Армения — каменотёс...». <i>Перевод А. Вознесенского</i>	274
«Где птицы, там армяне есть...». <i>Перевод В. Фёдорова</i>	274
«Ласточка играет на свирели...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	274
Дорожная песня. <i>Перевод А. Яшина</i>	275
«Туманы меня навестить пришли...». <i>Перевод С. Аксёновой</i>	275
«Сосна, как зелёная лира Гомера...». <i>Перевод В. Бокова</i>	275
«Когда меня придавит вдруг тоска...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	275
«Армении белые тополя...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	276
«В глазах грузинки Грузия живая...». <i>Перевод В. Бокова</i>	276
Баллада павших солдат. <i>Перевод В. Цыбина</i>	276
«Я родился в седле...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	277
«Мои глаза, из глубины долины...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	278
«В детском краю возле дома...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	279

ОВАНЕС ШИРАЗ

Биографическая справка	280
«Века проходят. Их напор...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	281
«Лирика! Жить ей и жить века...». <i>Перевод И. Снеговой</i>	281
«Был мир нерушим, как древний утёс...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	281
«С природой всей душой я слит...». <i>Перевод Э. Александровой</i>	282
«С неприступных гор я, рождённый в снегу, бегу...». <i>Перевод К. Арсеновой</i>	282

Стадо. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	282
Предвесеннее. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	283
«Снег растаял в долинах в тёплые дни...». <i>Перевод В. Тушиновой</i>	283
«Проходит молодость моя...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	283
Моему отцу — гюмрийскому огороднику. <i>Перевод А. Тарковского</i>	284
Мать. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	284
«Стал бы к матери злым и придирчивым я...». <i>Перевод. Э. Александровой</i>	285
«Весенние ветры тепло принесли...». <i>Перевод. Э. Александровой</i>	285
«Смехом и лепетом не согрет...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	285
«Стоит и тоскует зелёная ель...». <i>Перевод В. Тушиновой</i>	286
Песни (<i>Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»</i>). <i>Перевод А. Тарковского</i>	286

АМО САГИЯН

Биографическая справка	288
Рассвет. <i>Перевод А. Тарковского</i>	289
На дальнем берегу. <i>Перевод А. Тарковского</i>	289
«Темнеют горы на горах...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	289
«На склоне горном брезжит лунный серп...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	290
«Не дали выйти из семени...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	290
«Радуга животрепещущая...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	290
«Пойду, затеряюсь в листве неживой...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	290
Оровел. <i>Перевод А. Тарковского</i>	291
Годы мои. <i>Перевод М. Петровых</i>	291
«Пел зелёный ветер на лугу...». <i>Перевод М. Петровых</i>	292
После грозы. <i>Перевод М. Петровых</i>	292
«Мчатся бурные реки твои по-армянски...». <i>Перевод М. Петровых</i>	293
Зелёный тополь Наири. <i>Перевод М. Петровых</i>	294
«Со своим талантом безъязыким...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	294
Я оставил. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	295
«Моя тропа была, да затерялась...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	296
Я устал. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	296
«Утро и солнце...». <i>Перевод А. Марченко</i>	297
«Собою был и всеми сразу...». <i>Перевод А. Марченко</i>	298
Камень. <i>Перевод А. Марченко</i>	298
«Изношен день. Он дожил до конца...». <i>Перевод М. Дудина</i>	300
«Со дня рожденья моего...». <i>Перевод М. Дудина</i>	300
«Я в детство впасть опять хочу...». <i>Перевод М. Дудина</i>	300
«Мне часто кажется, что я...». <i>Перевод М. Дудина</i>	301
«Наверно, этот лес и скалы...». <i>Перевод М. Дудина</i>	301
«Ущелье прядёт из тумана печаль...». <i>Перевод М. Дудина</i>	302

ГУРГЕН БОРЯН

Биографическая справка	303
Сердце. <i>Перевод М. Петровых</i>	304
Колыбельная. <i>Перевод М. Петровых</i>	304
Ты ждёшь меня. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	305
Деревья на улице Абовяна. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	305
Ереванские рассветы. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	307
Моя и твоя любовь. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	307
Может, и лучше, чтоб так... <i>Перевод И. Снеговой</i>	307

Мне говорят... <i>Перевод И. Снеговой</i>	308
---	-----

МАРО МАРКАРЯН

Биографическая справка	309
«Я в мир пришла как под хмельком...». <i>Перевод М. Петровых</i>	310
«Растаял лёд...». <i>Перевод М. Петровых</i>	310
«Щедро, как бог, как бог...». <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	310
«А потом на берегу ручья...». <i>Перевод М. Петровых</i>	311
«Плачут дудки, горько плачут...». <i>Перевод А. Ахматовой</i>	311
«Нету времени больше ждать...». <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	312
«Всё на завтра любила откладывать...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	312
«Написал строчку честную...». <i>Перевод А. Яшина</i>	312
«Уходят люди...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	312
«С этих сошла я высот...». <i>Перевод Л. Мартынова</i>	313
«Бывало, с судьбой своей не лады...». <i>Перевод А. Яшина</i>	313
«Когда сухие листья...». <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	313
«Боги всегда бывали...». <i>Перевод М. Синельникова</i>	314
«Объяснять это сыну бессмысленно...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	314
«Лишь полуулыбка...». <i>Перевод М. Петровых</i>	315
«Звуки и шорохи гасли несмело...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	315
«В пустом поле, голом поле...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	315

ГЕВОРГ ЭМИН

Биографическая справка	316
------------------------	-----

Из цикла «Я — армянин»

Над древними рукописями. <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	317
Я — армянин. <i>Перевод В. Потаповой</i>	318

Из цикла «Моя любовь»

«Три девочки в траве...». <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	319
«Ты бы в гости ко мне пришла...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	320
«Снег по улице летает...». <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	320

Из цикла «Ars poetica»

Первая книга. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	321
Ars poetica. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	321

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

Биографическая справка	323
«Не подарила жизнь мне стройности...». <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	324
Ореховое дерево. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	324
«Уходят сыны, уходят сыны...». <i>Перевод М. Алигер</i>	324
В минуту тоски. <i>Перевод М. Петровых</i>	325
«Любовь большую мы несём...». <i>Перевод М. Алигер</i>	325
«Когда ты меня провожаешь домой...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	326
«Да, я сказала: “Уходи” ...». <i>Перевод М. Петровых</i>	326
«Не надо, милый, кляtv, ведь это слепота...». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	326
«Не заставь меня плакать...». <i>Перевод М. Петровых</i>	327
«Полюбила — не привязал...». <i>Перевод И. Лиснянской</i>	327
Армянские глаза. <i>Перевод Э. Александровой</i>	327
Ассирийка. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	328

Карабахское наречие. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	328
Клеопатра. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	328

РАЧИЯ ОВАНЕСЯН

Биографическая справка	330
------------------------	-----

Из цикла «Чудесный садовник»

Переводы М. Петровых

«Мой сад был создан на скале...»	331
«Обойду я мой сад, осмотрю...»	331
«Взволнованно шумит мой добрый сад...»	332
«Я сам себе вопросы задавал...»	332
«В мирный сад ворвался ураган...»	333
«Очертаньем на сердце похожий...»	333
«Я шорох шагов услышал во сне...»	334
«Ну вот и осень вышла на просторы...»	334
«Пылающий праздник в саду...»	335
«Как спелые черешни...»	335
«Чудесно пировать, чудесно!..»	336

Из книги «Дикая роза»

«Ты очнёшься однажды...». <i>Перевод Н. Горохова</i>	336
После разлуки. <i>Перевод Н. Горохова</i>	336
История Армении. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	337

ВААГН ДАВТЯН

Биографическая справка	338
------------------------	-----

Из цикла «Упрямая память»

«Там остался рассвет моих первых лет...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	339
«Балка закопчённая, чёрная стена...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	339
«Потемнели наши горы...». <i>Перевод Н. Габриэлян</i>	340

Из цикла «Лучистые голоса»

«Ах, эти камни...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	341
--	-----

Из цикла «Видение»

«И, проснувшись на рассвете...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	341
«Горит, горит огнём багровым...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	342

Из цикла «Песни-сестры»

Песня огня. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	343
Песнь крови. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	343

Из цикла «Свет как хлеб»

«Лето...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	344
«Зыбуч песок, горяч песок...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	345
«Пойду, поищу в природе...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	345
Хачкар. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	346
«Вершины вдалеке...». <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	346
Матери. <i>Перевод Н. Габриэлян</i>	347

ПАРУЙР СЕВАК

Биографическая справка	348
Руки матери. <i>Перевод А. Коренева</i>	349
Вечер. <i>Перевод Р. Ангаладяна</i>	350
Бессонница. <i>Перевод В. Микушевича</i>	351
Сожалею. <i>Перевод В. Микушевича</i>	352
Кузнец и ювелир. <i>Перевод В. Микушевича</i>	353
Завидую. <i>Перевод А. Коренева</i>	353
Я рождён... <i>Перевод А. Коренева</i>	354
«Как содрогаюсь я...». <i>Перевод В. Микушевича</i>	354
Жизнь поэта. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	355
«Твоя незрелая любовь и зрелое моё страдание...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	355
Тебя нет и не будет. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	356
Искусство. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	356
Не без боли. <i>Перевод Ю. Баласана</i>	357
Я — счёты. <i>Перевод Ю. Баласана</i>	357
«Я слышу розы красной крик...». <i>Перевод Д. Самойлова</i>	357
Язык воды. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	358
Трёхголосая песнь	
Первый голос. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	358
Второй голос. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	360
Третий голос. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	361
Правдивая песня. <i>Перевод В. Микушевича</i>	362
Имя твоё. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	362
Схожу с ума. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	362
Безусловное условие. <i>Перевод В. Микушевича</i>	363
В жизни встречаемся мы случайно. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	364
Задание вычислительным машинам и точным приборам всего мира. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	365
Исповедь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	368
Прикосновение мгновения. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	369
Одноглазый. <i>Перевод К. Авакянц</i>	370
Так не любят. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	370
Доброй ночи. <i>Перевод В. Микушевича</i>	371
Любовь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	373
Повседневное чудо. <i>Перевод В. Микушевича</i>	374
Мой горизонт. <i>Перевод В. Микушевича</i>	375
Изнанка. <i>Перевод В. Микушевича</i>	376
Весть. <i>Перевод В. Микушевича</i>	377
Старые шрамы этого мира. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	378
Миру нужна чистота. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	379
Свет благодатный. <i>Перевод В. Микушевича</i>	381
Новое определение притяжения. <i>Перевод Р. Ангаладяна</i>	383
Простое желание. <i>Перевод В. Микушевича</i>	383

Из поэмы «Отступление с песней»

Переводы Р. Рождественского

«А походил я на кота из сказки...»	385
«Похожи девушки на ивы...»	385

«Как снег идёт...»	386
«Уже зима готовится к отъезду...»	387
«Любовь, как новоселье...»	388
Примечания	389
Содержание	397

ОТ «РОЖДЕНИЯ ВААГНА» ДО ПАРУЙРА СЕВАКА

Антологический сборник армянской лирики в двух книгах

Книга вторая

Издательство «Советакан грох»

Ереван — 1983

«ՎԱՀԱԳՆԻ ԾՆՈՒՆԴԻՑ» ՄԻՆՉԵՎ ՊԱՐՈՒՅՐ ՍԵՎԱԿ

Հայ քնարերգության ժողովածու երկու գրքով

Գիրք երկրորդ

«Սովետական գրող» հրատարակչություն

Երևան — 1983 թ.

Редактор **Кочарян С. М.**

Художник **Арутюнян В. А.**

Худ. редактор **Гюламирян Г. Х.**

Техн. редактор **Симонян С. М.**

Контрольный корректор **Карменян К. А.**

ИБ № 3364.

Сдано в набор 10/II-1982 г. Подписано к печати 10/V-1983 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 21,84 усл. печ. л., 18,7 уч. изд. л. Заказ 2036. ВФ 07259. Тираж 50000 (1-й завод 1 — 40000 экз.). Цена 1 р. 80 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Набор изготовлен в типографии г. Дилижана Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Арм. ССР, г. Дилижан, ул. Мясникяна, 78.

Отпечатано в полиграфкомбинате им. Акопа Мегапарта Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Арм. ССР, г. Ереван, ул. Теряна, 91.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир

1P 80K